

И. И. Санжаревский

**ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ
В СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ**

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора *В.М. Долгова*

Москва

2014

УДК 32.001
ББК 66.0
С 18

Рецензенты:

А. И. Демидов, доктор философских наук
Н. И. Шестов, доктор политических наук

Санжаревский И. И.

С 18 Пропорциональность в современных социально-политических отношениях. Монография. / Под ред. проф. В.М. Долгова. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 144 стр.

ISBN 978-5-4458-5142-4

Монография посвящена исследованию проблемы пропорциональности становления и функционирования больших социально-политических систем. Анализируются порядки формирования и условия взаимодействия основных пропорций в экономической, административно-политической, правовой, идеологической, культурной сферах. Формулируются новые концептуальные подходы к оценке динамики современных демократических социально-политических систем.

Для специалистов-гуманитариев, студентов гуманитарных специальностей и всех интересующихся вопросами социально-политического развития.

УДК 32.001
ББК 66.0

ISBN 978-5-4458-5142-4 © Санжаревский И. И., 2014
© Электронное издательство «Директ-Медиа», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Вся жизнь современного общества пронизывается политическими отношениями. Свойства отдельных групп этих отношений к настоящему моменту неплохо изучены отечественной и зарубежной политической наукой. Гораздо меньше исследована проблема связи различных уровней социально-политических отношений, которую можно назвать проблемой внутренних пропорций политической жизни. Между тем пропорциональность как принцип организации макросистем и как определенная реальность их функционирования (а любое общество представляет собой именно такую макросистему) представляет собой ключевую характеристику политического процесса. Когда мы говорим о различиях цивилизационных моделей и путей политической эволюции различных национально-государственных образований современности, то концентрируем внимание на несовпадениях форм и качеств отдельных элементов политических систем и отдельных групп политических отношений. Но ведь важны не только различия на уровне элементов анализируемых систем, а и различия на уровне конфигурации связей между отдельными элементами.

Образно говоря, составить представление о специфике интерьера помещения невозможно, сообразуясь с простым перечислением мебели и с анализом характеристик отдельных предметов гарнитура. Впечатление от интерьера и оценка его эстетики будет полной тогда, когда будет проанализирована с позиции, например, эстетических представлений о пропорциональности стиля и формы, совместимость предметов интерьера в одном времени и пространстве. В принципе, корректная политологическая оценка социально-политической реальности строится по тому же принципу.

Соблюдение пропорциональности, как стихийное, так и сознательное, обеспечивает большую эффективность политического процесса, более рациональное взаимодействие его участников и лучшие условия для достижения поставленных целей. Превращение политики во всё более регламентированное и управляемое явление расширяет сферу действия принципа пропорциональности в реальных процессах, повышает его методологическое значение в научном исследовании политики.

В настоящей монографии сформулировано представление о пропорциональности развития социально-политических систем как определенном стремлении их элементов к балансу, опорной точкой которого выступает опыт прежнего существования системы. В работе подвергнута критическому анализу тенденция отождествления пропорциональности социально-политических систем с фактом разделения в них административных и правовых, экономических функций различных институтов. Исследователями акцент часто делается на противоречиях, работающих на разрушение и разбалансировку системы, которая сохраняет целостность как бы вопреки всем внешним и внутренним обстоятельствам. В настоящей работе, напротив, в центр анализа поставлены те моменты, которые, вопреки свойственным любой социально-политической системе противоречиям, заставляют ее стремиться к развитию, сбалансированному во всех своих проявлениях.

В монографии проанализирована роль, которую сыграла проблема пропорциональности социально-политических систем и процессов их развития в становлении современной политической науки. Политическая наука Европы и России, обнаруживая новые линии пропорциональных связей в социально-политических системах, в XIX и XX вв. пришла к конструированию широких обобщений относительно взаимодействия экономической, политической, культурной и правовой сфер общественной деятельности, к научному представлению о принципах интеграции исторического опыта в современный политический процесс. Появление многих фундаментальных политологических концепций Новейшего времени было непосредственно связано с попытками их авторов объяснить генезис, сущность и вероятные перспективы проявления феномена социально-политической пропорциональности. В монографии поставлен ряд теоретических и прикладных проблем, дальнейшее исследование которых будет содействовать углублению наших представлений о той социальной структуре, активным элементом которой является каждый из нас.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРОПОРЦИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Феномен социально-политической пропорциональности

Большинство современных политических аналитиков в России и в мире как данность принимают то, что предметом их исследования является «политика» как совокупное состояние социально-политических институтов и социально-политических связей в данном месте и на данном, более или менее протяженном временном отрезке. При этом только специалисты по теории и методологии политической науки проявляют внимание к тому обстоятельству, что само по себе это совокупное состояние институтов и связей между ними возможно как результат соблюдения определенного начального условия, своего рода объективной закономерности.

Иначе говоря, «политика» может состояться как процесс, имеющий привязку к месту действия и времени, в том случае, если во взаимном пространственно-временном расположении социально-политических институтов и связей между ними соблюдена определенная пропорциональность. Это состояние, если употребить понятие из арсенала этнологии, гомеостаза политического процесса (собственно, во многом именно по политическому основанию современная этнология определяет гомеостатическое состояние этноса) перманентно присутствует в политическом процессе как его цель. Рано или поздно все социумы приходят к этому состоянию, поскольку в нем достигается оптимальная пропорция в развитии политики, культуры и экономики.

Постоянное стремление всех систем, включая и политические, к оптимизации, пропорциональности внутренних связей, не всегда реализуется на практике (поэтому в политическом процессе присутствуют революционные фазы и фазы упадка), но оно существует как реальность. В этом смысле правомерно говорить о постоянном присутствии в политике феномена пропорциональности.

По происхождению этот феномен есть отражение естественных свойств и норм функционирования социальной системы. Одновременно он является порождением определенного состояния человеческих взглядов на саму политику и интеллектуальных (научных, в первую очередь) способов ее освоения.

Вот уже много тысячелетий в определенных пропорциях выдержана структура человеческой активности как таковой. В ней есть экономическая составляющая: производство, обмен и распределение благ как продуктов человеческого труда, обеспечивающих существование и развитие человека и общества в целом. Есть социальная составляющая – производство и воспроизводство связей, отношений между людьми, потребление благ и ценностей, то есть воспроизводство жизни общества и общественной жизни человека. Наконец, есть политическая сфера – регулирование (управление) реально существующим обществом, процессами и отношениями, происходящими в нем, и сфера духовная – производство и воспроизводство ценностей (отбор, хранение и распределение благ, имеющих положительное значение для существования и развития человека и общества в целом).

Аксиоматическим является утверждение об уходе человека в своей практической деятельности только в одну из этих сфер, что влечет за собой его десоциализацию, то есть нарушение всех пропорций в его положении в структуре социума.

На уровне целой общественной структуры уход целиком в одну из обозначенных сфер возможен лишь гипотетически. Конфликтовать, питаться и думать о прекрасном люди не переставали ни в одном из исторически известных сообществ. Но даже простое предпочтение какой-либо сферы перед другими таит в себе опасность для цивилизационной системы. Предпочтение экономической сферы влечет за собой проявление в социально-политической жизни таких тенденций, которые современная политология обозначает понятиями «общество потребления» и «империализм».

Предпочтение политической сферы чревато развитием в социально-политической структуре тоталитарных тенденций. Уход же социума в «сферу духа», как показывает история индо-буддийского цивилизационного ареала, имеет следствием стагнацию экономического и политического развития и заканчивается обычно еще более быстрым, чем в других случаях, разрушением социально-политической системы под ударами колонизаторов или же ее консервацией в реликтовом состоянии усилиями тех же колонизаторов.

Исторически успешно прогрессировали социально-политические системы, которые по гегелевской традиции современные политологи часто именуют «историческими народами», и прогрессировали благодаря тому, что сначала интуитивно, а затем с опорой на научное прогнозирование выдерживали пропорциональность (о ее свойствах в качестве предмета поли-

тологического анализа речь пойдет во втором параграфе настоящей главы) во взаимодействии всех сфер своей жизненной активности. Аутсайдерами в итоге становились те, кто пытался добиться преимуществ в цивилизационной гонке, отдавая гипертрофированное предпочтение использованию какой-либо одной стороне общественной практики. Например, Испания и Португалия, чей расцвет пришелся на XVI–XVII вв., растратили экономический и культурный потенциал на борьбу за мировое господство в колониальной политике и к XIX в. стали второстепенными фигурами в европейских делах.

В системе научного знания важное место занимают теории как осмысленные, систематизированные знания об объективной реальности. Теории становятся научными в результате проверки человеческой практикой, которая является материальной, чувственно-предметной, целеполагающей деятельностью людей, имеющей своим содержанием освоение и преобразование природных и социальных объектов и составляющей всеобщую основу, движущую силу развития человеческого общества и человеческого познания. В процессе этой деятельности осуществляются исследования социальной реальности, сбор объективной информации о ней. Полученные знания используются людьми на практике, и этим осуществляется проверка существующих теорий. Таким образом, совершенно объективно на структуру научных рассуждений экстраполируется пропорциональность, свойственная анализируемой реальности. Для современной науки естественной исходной посылкой аналитических процедур является утверждение о том, что свойства предмета анализа диктуют исследователю выбор методологии анализа, определенное структурирование частных научных процедур.

Заметим, что стройность научного представления о социально-политической реальности со времен рождения античной политической мысли как некий императив развития переносилась и на политический процесс, придавая последнему пропорциональность в тех звеньях, где естественный ход вещей (скажем, биологические и этические пороки политических лидеров или суеверия народа) мог спровоцировать нарушение пропорций. Такие нарушения возникали в истории тем чаще, чем меньше значения люди придавали научному осмыслению своего бытия.

До XIX в., до эпохи доминирования демократии, наиболее полно воплотившей в себе научный идеал социально-политической пропорциональности, в ряду ориентиров цивилизационного развития такие нарушения встречались довольно часто. Примерами могут быть эволюция империй античности и Средневековья. В имперскую эпоху Рима внешние и внутренние задачи развития приносились в жертву амбициям политиков, политических группировок и гигантские ресурсы растрчивались, например, на подкуп плебса, его ублажение «хлебом и зрелищами». Это нарушало основные пропорции полисной демократии как исходной системы,

давшей жизнь империи и в итоге привело ее к гибели. Примером может быть и эпоха «крестовых походов». Тогда волна суеверий и смешанных с фанатизмом политических амбиций захлестнула западноевропейские социумы настолько, что изменила естественные пропорции системы, именуемой «феодализм» настолько, что появилась возможность становления «третьего сословия». А последнее начало борьбу за принятие обществом новых представлений о пропорциональности различных сфер жизни, что наиболее полно выразилось, если пользоваться веберовской терминологией, в «этике протестантизма». В свою очередь, эту новую пропорциональность подорвала эпоха религиозных войн Нового Времени, в ходе которой тот же фанатизм и политические амбиции вождей католического и протестантского лагерей довели европейские сообщества до состояния культурного и экономического хаоса. На этом фоне закономерно актуальным был призыв европейских просветителей к восстановлению гармонии всех сфер человеческой жизнедеятельности на почве научного знания и простого здравого рассудка.

Абсолютное большинство известных политико-философских и политологических доктрин имеют логический смысл и непреходящую культурную ценность лишь постольку, поскольку более последовательно, чем текущая человеческая практика, реализуют в своей собственной структуре устремленность общества к пропорциональности в развитии. В случаях нарушений пропорциональности наука давала обществу и политическим элитам образцы действий, способствующих к возврату к оптимальным для своего времени пропорциям. Поэтому можно наблюдать, как исторически при содействии научного знания различные социумы приобретали навыки все более и более последовательного поддержания пропорциональности всех сфер своей жизнедеятельности.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что научное знание как попытка адекватно осмыслить объективную реальность отразило в себе пропорциональное качество этой реальности и, будучи включенным в политический процесс, стало ингредиентом, усиливающим качество пропорциональности. Благодаря этому для начинающего политического аналитика изначально не существует противоречия между предметом и методом.

Проявления феномена пропорциональности во взаимодействии науки и практики наиболее заметны там, где возникает возможность (на уровне массового или научного сознания) структурировать важную для социально-политического развития информацию. В окружающей реальности «показательны» факты и тенденции, которые при помощи универсальных понятий включаются в схему научной теории. Так формируется научное представление о «сферах» человеческой активности, между которыми должна быть соблюдена определенная пропорция. Затем эта первичная научная модель переносится на реальные процессы, где при ее помощи обнаруживаются все новые моменты пропорциональности и феномен про-

порциональности приобретает качество универсальной реальности и научной аксиомы. При помощи последней уже можно исследовать любую социально-политическую структуру, с заранее определенной задачей выполнить ее научное описание таким образом, чтобы было очевидно соблюдение в ее развитии пропорциональности либо ее нарушение.

Современная политическая наука без всяких сомнений в достоверности употребляемого инструментария оперирует, например, категориями «производительные силы» и «производственные отношения», подразумевая, что за каждым из этих привычных понятий скрывается структурированная по принципу различных пропорциональностей система элементов и связей. Скажем, «производительные силы» включают в себя конкретных людей, усвоивших определенную сумму знаний, навыков, умений, накопленную до них человечеством, и средства производства, созданных до них предшествующей человеческой деятельностью и создаваемые ими. Когда говорят, что люди находятся между собой в «производственных отношениях», подразумевается, что они включены в процесс, в ходе которого производят: блага, необходимые для своего существования и развития (экономические производственные отношения); ценности, то есть все то, что имеет положительное значение для своего существования и развития (духовные производственные отношения); связи, отношения между собой (социальные производственные отношения), жизнь общества и общественную жизнь человека, последовательность обмена и потребления благ и ценностей, реализации социальных связей и отношений (политические производственные отношения), регулирование и управление общественными отношениями.

На признании естественности этого феномена пропорциональности основывается априорная убежденность политических аналитиков в том, что люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности, то есть элемент общей системы. Производительные силы – это результат практической деятельности людей, но эта самая деятельность определена теми условиями, в которых люди находятся, средствами производства, знаниями, навыками, умениями, уже приобретенными раньше, общественной формой производственных отношений, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущие поколения.

Признание человеческой несвободы как результата соблюдения человеком до него заданных пропорций определяет потребность использования в политологическом анализе категории «культура», и эта категория (обозначающая совокупность значений, ценностей, норм, которыми владеют взаимодействующие люди, и совокупность носителей, которые объ-

ективируют, социализируют и раскрывают эти значения ¹⁾ задает новый ракурс обнаружения феномена пропорциональности в реально протекающем социально-политическом процессе.

Можно выделить несколько уровней человеческой деятельности, на которых создаются такие условия взаимодействия элементов, которые мы обозначает понятием «пропорциональность». *Первый уровень* – это производство средств, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей. Это – производство самой материальной жизни, то есть производство материальных благ, обеспечивающих существование и развитие людей. Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям. Налицо причинно-следственная взаимосвязь и определенная пропорция между удовлетворением потребностей и возникновением новых.

Второй уровень – это уровень биологического воспроизводства жизни. Люди ежедневно заново производят свою собственную жизнь и удовлетворяют свои потребности, а также производят других людей и формируют основной круг их потребностей. Современная демография и политическая антропология утверждают, что в этих процессах биологического воспроизводства также выстраивается определенная пропорция собственно биологических, хозяйственных, культурных и политических исходных мотиваций поведения и мотиваций оценок состоявшихся моделей поведения. В общем плане пропорциональность отражает то обстоятельство, что производство других людей – это двоякое отношение: с одной стороны – естественное, биологическое отношение, с другой – общественное, в том смысле, что здесь имеется в виду совместная деятельность людей. В социальном производстве людей в диалектическом единстве реализуются процесс социализации личности как усвоение индивидом знаний, навыков, умений, социальных ценностей, норм и т.д., и процесс стратификации как процесс воспроизводства конкретных членов общества.

Третий уровень представлен тем, что каждый человеческий индивид изначально имеет свои отличительные свойства как по физическим, половым и т.д. качествам, так и по социальным, усваиваемым в процессе социализации, то есть изначально закладывается определенное неравенство в распределении функциональных возможностей и обязанностей в совместной деятельности людей. Эти несоответствия дают возможность родиться общественно-политической жизни как результату стремления индивидов к созданию симбиотической системы, что, в свою очередь, порождает конкретные формы общественного разделения труда, воспроизводство социальной стратификации как процесс воспроизводства конкретных социальных групп и общностей, как процесс расслоения общества.

¹ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. М., 1992. С. 218.

К *четвертому уровню* генезиса феномена пропорциональности можно отнести следующее обстоятельство. Не все произведенные блага сохраняют свое положительное значение в процессе удовлетворения потребностей. Так, например, нож для охоты, для приготовления пищи, для защиты сохранил свое положительное значение, а для разбоя, для лишения жизни другого человека приобрел отрицательное значение. Это порождает конкретные формы общественного сознания, духовный процесс воспроизводства как воспроизводства ценностей. При помощи традиционных предписаний и правовых норм исторически люди вырабатывали и в итоге вырабатывали общие и культурно-специфические нормы соблюдения рамок деятельности (и направляемых на эту деятельность материальных ресурсов), ведущей к общественной пользе либо наносящей ущерб общественным интересам.

Пятый уровень определяется тем, что в деятельности людей непрерывно осуществляется обмен произведенными благами и ценностями, то есть возникает необходимость регулирования последовательности, очередности удовлетворения все возрастающих потребностей. Это порождает политический процесс как воспроизводство «регуляторов» пропорциональности. Со временем универсальным регулятором становится государство, а специфика национально-государственного состояния пропорциональности в социально-политических, экономических и культурных процессах определяется уже временем и местом действия.

Совмещение всех перечисленных уровней генезиса феномена пропорциональности ведет к установлению, так сказать, высшей, универсальной пропорциональности (в идеале) во всех и каждом моментах человеческой активности, что побуждает людей к пропорциональному распределению функций. В результате наблюдения за этими функциями ученый-политолог делает вывод о том, состоялась или нет «политика» и насколько в ее конкретной форме присутствует феномен пропорциональности.

Признание политологом того, что вся наблюдаемая им реальность структурирована по определенным правилам пропорциональности, позволяет ему говорить и об определенных пропорциях в стремлении общества и индивидов нарушить гомеостатическое состояние социально-политической системы. Таким образом, выстраивается определенное восприятие аналитиком соотношения субъективных и объективных моментов политической реальности.

К многим приведенным выше оценкам, которые мы сегодня воспринимаем как нечто само собой разумеющееся и на этом основании принимаем как банальность любые рекомендации по соблюдению в политике устойчивых и проверенных историческим опытом социума и государства правил политической игры (из-за чего и возникают время от времени разговоры о ненужности политической науки, исторической науки и т.д.), европейская научная мысль шла очень сложным путем почти два столетия,

если принять за исходный рубеж начало XIX столетия. Тогда в науке утвердилось мнение, что с опорой на одни лишь доводы здравого рассудка невозможно гармонизировать социально-политические отношения в духе рекомендаций Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье, а надо учитывать объективные системные свойства социально-политической жизни.

1.2. Становление научного концепта социально-политической пропорциональности

В истории отношения научного сообщества к проблеме пропорциональности в социально-политических системах вряд ли возможно выделить некоторую сквозную тенденцию, которая позволила бы проследить динамику политологической мысли в этом направлении на протяжении, например, последних двух столетий. Скорее, можно говорить о том, что, так или иначе на эту проблему в тот или иной исторический период и вполне независимо друг от друга выходили интеллектуалы самого различного склада ума и самых диаметрально-противоположных политических пристрастий. Они различным образом понимали и толковали существо этой проблемы и соответственно приходили к различным трактовкам того, что есть феномен пропорциональности в социально-политическом выражении.

При всем том, однако, различным трактовкам этого сюжета было свойственно одно общее качество, а именно: стремление понять политику не просто как органическое явление в ряду прочих проявлений человеческой активности, подчиненное общим с ними законам, а как явление синтетическое, аккумулирующее и преломляющее через себя практически весь спектр этих проявлений человеческой активности.

Поэтому в данном случае уместнее было бы говорить о некотором исторически сложившемся исследовательском дискурсе анализа феномена пропорциональности, связывающем представителей различных научных школ, политических направлений и этических пристрастий в своего рода устойчивую систему, интеллектуальное сообщество, устойчивость существования которого сама подчинена общим принципам существования сложноструктурированных систем. Мнения и оценки относительно природы, смысла и значения феномена социально-политической пропорциональности при общем взгляде стороннего наблюдателя представляют собой реальную сложноструктурированную систему, все элементы которой (научные трактовки) постоянно колеблются вокруг условного центра, за каковой обычно принимается посылка, содержащаяся во всех рассуждениях о природе социально-политической пропорциональности.

Согласно ей в мире политических субъектов все связи теоретически должны быть так же гармонизированы, как и во всей природе. Насколько такая установка находит свое подтверждение в реальном историческом

опыте существующих на земле социумов – это другой вопрос. В данном случае основой устойчивой убежденности, очевидно, выступает сформулированный «от противного» идеал: политическая жизнь должна быть гармоничной именно потому, что таковой ее сделать никогда не удавалось и это приводило человечество ко многим бедам.

Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в трудах классиков французского либерализма первой четверти XIX в. Особенности их теоретического подхода к анализу феномена пропорциональности социально-политического развития как проблемы соотношения определенных структур реальности и структур массового сознания были обусловлены свойствами политической ситуации, сложившейся в послереволюционной Франции. В политическом развитии данной страны гораздо раньше, чем это произошло в других странах Западной Европы, обнаружились такие качества пропорциональности в социально-политических процессах и в восприятии этого момента пропорциональности французскими интеллектуалами, которые свойственны современной эпохе.

Череда революционных конфликтов во Франции поставила под сомнение тот облик демократического идеала (как идеала оптимально пропорциональной во всех своих элементах политической системы), который сформировался в европейской культуре в предшествующие столетия. Французских мыслителей больше, чем проблема формального уравновешивания функций социально-политических институтов, начинает волновать проблема соотношения классических принципов демократии и прежде всего ее базового принципа – «народного суверенитета» и классических установок либерализма, каковыми являются принцип свободы и принцип гражданственности в отношениях общества и власти. Борьба французского народа за либеральные свободы в период Великой революции окончилась демократической диктатурой якобинцев, а борьба французского пролетариата за демократию и против буржуазного варианта либерализма возвратила Францию в эпоху имперского монархического авторитаризма. Иначе говоря, внешне ситуация выглядела так, что теоретически хорошо прежде совмещавшиеся принципы либерализма и демократии в приложении их к политической практике становились принципами взаимоисключающими. «Бонапарт, – отмечал Ф. Гизо, – попытался основать деспотизм по призыванию и в пользу революции. Современное правительство пытается удержать осколки имперского правления при помощи старого режима и в его пользу. В этом – вся его система»².

Их столкновение таким образом сказывалось на динамике политического процесса, что в нем нарушалась всякая пропорциональность – ка-

² Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм / Пер. с фр. М., 2000. С. 275.

салось ли это уровня административных отношений (в романах В. Гюго прекрасно описано, как во Франции того времени право людей на добывание себе пропитания трудом реализовывалось при помощи «рабочих домов», куда во внесудебном порядке мог быть помещен любой человек, обвиненный в паразитическом образе жизни), или уровня отношений правовых (готовность общества признать нормальным несоответствие меры наказания и совершенного «государственного преступления» прекрасно показал А. Дюма в романе о похождениях Эдмона Дантеса), или любого другого уровня.

Правовое государство, остававшееся символом веры для, например, английских либералов, последователей Д. Юма и Дж.-Ст. Милля, в реальном французском исполнении представляло собой институциональную форму, лишенную эффективности. Прежде всего потому, что изменился объект приложения усилий государственного аппарата – само общество, утратившее словесные, идеологические и традиционные экономические ориентиры.

Смысл возникшей социально-политической диспропорции Ф. Гизо выразил при помощи понятия «лживость» как понятия, характеризующего основное качество политического процесса, хотя очевидно, что это понятие не вполне адекватно передает в русском переводе то, о чем говорил этот либеральный мыслитель. «Ее (эпохи первой половины XIX в. – *И.С.*) главной чертой, как и ее радикальным пороком, была лживость. Пусть же триумф празднуют там, где нет победы, пусть истинный, вечный победитель переживает видимость поражения как раз тогда, когда власть закрепляет свои успехи и свои права, пусть слабость питает надежду, а сила испытывает страх, – во всем этом есть противоречие, лживость, которую общество не может выносить и которая растет в нем вместе с тревогами интереса, всеми порывами страстей... Именно здесь заключен секрет возрождения всех видов ревности, ненависти, революционных чувств, сожалеть о которых у нас есть все основания».³ Ситуация очень сходная с той, которую переживает современная Россия.

Французские либералы первыми заговорили о том, что возникающие на разных уровнях социально-политической жизни диспропорции заключают в себе достаточно широкий спектр угроз внутреннему порядку и геополитическому положению государственного организма, поскольку лишают государство необходимых для управления обществом правовых, экономических, административных ресурсов. Первыми французские либералы обратили внимание и на то, что в современных обществах оптимум большинства пропорций политического процесса достигается посредством установления твердого конституционного порядка⁴. Конституция не явля-

³ Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции... С. 393.

⁴ См.: Констан Б. Принципы политики // Классический французский либерализм. М., 2000.

ется, согласно предложенной ими интерпретации, простой декларацией о доминировании «народного суверенитета» над «суверенитетом власти». Это, скорее всего, не столько конкретный документ, сколько определенное поле исторически выработанных каждым конкретным обществом смыслов, понятий, норм и правил общежития, позволяющих всем общественным стратам и социально-политическим институтам добиваться своих конкретных экономических, политических и культурных целей, оставаясь «вблизи друг от друга», а точнее, вблизи от некоторого условного центра отношений, именуемого «национально-государственный интерес».

Такой подход к вопросу о смысле конституционного порядка, сформировавшийся в среде французских либералов, по-видимому, помог А. де Токвилю⁵ увидеть в североамериканском конституционном опыте нечто такое, чего ранее не предполагали западноевропейские наблюдатели жизни заморских колоний, а именно новые основания политической культуры. «По мере того, – писал А. де Токвиль, – как в народе уравниваются общественные положения, отдельные личности как бы уменьшаются, а общество как бы вырастает или, вернее, каждый гражданин становится подобным всем остальным, теряется в толпе, и нам виден только уже один грандиозный и величественный образ самого народа»⁶.

Правда, А. де Токвиль одним из первых в ряду европейских интеллектуалов попытался предостеречь своих современников от отождествления этой картины «всеобщего благоденствия» с системой, основанной на принципе пропорциональности. «Из этого естественно вытекает, – писал он, – что у людей демократических времен существует очень высокое представление о правах общества и чрезвычайно низкая оценка прав отдельной личности. Они легко допускают, что интересы общества – это все, интересы же личности – ничто. Они признают довольно охотно, что власть, представляющая общество, обладает гораздо большим знанием и мудростью, чем кто бы то ни было из людей, входящих в состав этого общества, и что эта власть имеет обязанность, а вместе с тем и право брать каждого гражданина за руку и вести его. Американцы полагают, что во всяком государстве власть должна непосредственно исходить от народа, но раз эта власть установлена, они не полагают ей, так сказать, никаких пределов: они охотно признают, что она имеет право делать решительно все»⁷. Иначе говоря, французский мыслитель обратил внимание аналитиков на реальную возможность при анализе политических практик смешать то, что в теории всегда считалось несмешиваемым, – пропорциональность и диспропорцию социально-политических отношений.

В этом национально-государственном интересе, что подтверждает и современная российская политическая практика, материализуется принцип

⁵ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1997.

⁶ Там же. С. 543.

⁷ Там же.

социально-политической пропорциональности, он наполняется вполне конкретным содержанием и получает столь же конкретные формы по линии практики «разделения властей» и соответствующих им институтов.

Не без влияния классического французского либерализма сформировалась трактовка феномена социально-политической пропорциональности, предложенная Э. Дюркгеймом⁸. Он утверждал, что социальная жизнь возникла в процессе общения и ассоциации индивидов из актов коммуникации, в ходе которых определенным образом, пропорционально ресурсному потенциалу индивидов и групп, распределялись роли и функции участников социального действия. Эта пропорциональность и структурированность внутренних связей создает эффект социальной целостности. Поэтому в качестве определенного оптимума развития социальная целостность способна диктовать свои установки отдельному человеку в виде общественных «ожиданий», требований, принципов морали. Индивидуальное подчиняется общественному как то, что потенциально способно нарушить сложившиеся социально-политические пропорции.

При рождении индивид находит готовыми законы и обычаи, правила поведения, религиозные верования и обряды, язык, денежную систему, функционирующие независимо от него. Эти образы мыслей, действий и чувств существуют самостоятельно, объективно и, как следствие этого, оказывают на индивидов давление, принуждая их к определенному действию. На этом уровне собственного субъективного восприятия сложившихся пропорциональностей индивид выстраивает в рамках комплекса личной политической культуры собственный образ как существующей пропорциональности, так и желаемой – той, которую ему, например, предлагает видеть политическая наука.

Всеобщая солидарность, классовый мир и согласие – вот что олицетворяет собой, по мнению Э. Дюркгейма, пропорциональность социально-политических связей. Он разделял общества с механической и органической солидарностью как два звена единой эволюционной цепи. Механическая солидарность доминировала в архаичном обществе и была основана на неразвитости и сходстве индивидов и их общественных функций. Органическая солидарность характерна для современных обществ и основана на разделении труда, которое объективно стимулирует готовность людей поддерживать пропорции в своих отношениях и в политической, и в культурной сферах. Э. Дюркгейм рассматривает солидарность как высший моральный принцип, высшую универсальную ценность и высшее выражение пропорциональности мироздания.

⁸ См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. М., 1995; *Он же*. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. М., 1990.

Антагонизм труда и капитала, моральный и экономический кризисы капитализма Э. Дюркгейм считал отклонением от нормы, результатом недостаточной отрегулированности отношений между главными классами. Разделение труда – это тот механизм, который в современном обществе, утратившем силу коллективного, общего сознания, создает идею, желаемую общественную связь, общественный порядок, солидарность между классами. Именно поэтому разделение труда морально.

Если обратиться к левой части спектра политологических доктрин, то в этой сфере формировались собственные доминанты в представлениях о социально-политической гармонии. Причем, если либералам более свойственна была апелляция к естественным законам функционирования человеческого разума, то есть к субъективным закономерностям, то для левых радикалов столь же свойственной была претензия на объективную научность, подведение под теоретические рассуждения естественно-научных законов. По сложившейся в современной отечественной науке традиции становление этой линии анализа феномена социально-политической пропорциональности связывают с именем К. Маркса.

Однако необходимо учесть, что постановка К. Марксом вопроса о законах достижения равновесия и общей исторической динамике сложных социальных систем была критическим ответом на интеллектуальное творчество одного из крупнейших социальных философов XIX в. Ш. Фурье. Именно Ш. Фурье предложил опирающееся на объективные законы мироздания объяснение того, почему исторически люди всегда стремятся к максимально возможной гармонизации своих межличностных связей и, в первую очередь, к соблюдению определенных пропорций в политических отношениях. Он сформулировал проблему социально-политической пропорциональности в том ее научном виде, в каком она продолжает существовать и в наши дни: каким образом рациональная и хозяйственно-эффективная организация взаимодействия всех элементов социально-политической системы соотносится с понятием социальной справедливости, с нормами гуманистической этики и как преодолеть диспропорции в этом соотношении, вызванные исторической спецификой становления западноевропейского капитализма?

Иначе говоря, речь шла о том, как соотносятся формальные показатели гармоничности социально-политических отношений с их человеческим измерением (только уже не на уровне личности, как это было у современных Ш. Фурье либералов, а на уровне больших социальных групп). «Цивилизованные нации! – писал Ш. Фурье в книге «Теория четырех движений и всеобщих судеб». – Глядите: варвары, чуждые вашего просвещения, умеют на протяжении нескольких тысячелетий блюсти свой общественный строй и свои установления; почему же ваши уничтожаются так быстро, зачастую не просуществовав и одного века? Вы вечно жалуетесь на брэнность вами содеянного и на жестокость природы, которая так быст-

ро рушит ваши чудеса. Перестаньте же приписывать времени и случаю эти перевороты; это результат немощи ваших социальных систем, не обеспечивающих бедняку средств труда и существования»⁹. Диспропорция в системе «производство продукта – распределение продукта», по мнению французского философа, «сводит все политические задачи к одной единственной проблеме: найти новый социальный строй, который обеспечил бы и самому заурядному из производителей достаточное благосостояние, чтобы он горячо и страстно полюбил свой труд и предпочел его инерции и разбою, куда влечет его сейчас»¹⁰.

Решение этой задачи Ш. Фурье считал достижимым с опорой на открытые им, как он полагал, объективные законы социального развития. Их, в духе научной терминологии эпохи Просвещения и под влиянием гегелевской диалектики, он назвал законами притяжения и отталкивания «страстей». Одновременность притяжения и отталкивания создает феномен социально-политического равновесия, которое материализуется в институте производственной земледельческой ассоциации.

В отличие от К. Маркса, Ш. Фурье (и он особо это подчеркивает) полагал, что «новый общественный строй не допускает равенства» и должен предусматривать «4–5 ступеней благосостояния»¹¹. Внутрисоциальный баланс не есть простое формальное соответствие по объему материальных элементов системы. Это, как можно судить на основании рассуждений Ш. Фурье, постоянный баланс человеческих отношений по поводу данных материальных элементов, баланс вокруг математически рассчитанных учебным точкам сопряжения всех видов страстей (для каждой «серии» они свои), тогда как конструкция ассоциации – «фаланги» задает единое пространства для согласования динамики всех этих точек.

Опять же в противовес теории К. Маркса Ш. Фурье утверждал в книге «Новый промышленный и общественный мир», что свойство, присущее механизму ассоциации «удовлетворять все классы, все партии», способно решить наиболее актуальную проблему капитализма Нового Времени – проблему классовую борьбу¹². «Как только явится возможность, – писал Ш.Фурье, – восторгаться в этом зародыше гармонии («фаланге». – *И.С.*) контрастирующими согласиями страстей, расположенных в последовательном и постепенном порядке, косвенными и антипатическими созвучиями. Выгодным использованием раздоров, полезным применением страстей, сливающих порочными, вовлечением детей в индустрию с самого ран-

⁹ *Фурье Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия // Избр. соч. М., 1938. Т.1. С. 270–271.

¹⁰ Там же. С. 270.

¹¹ *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях // Избр. соч. М., 1938. Т.2. С. 16.

¹² См.: *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир... С. 23.

него возраста, истиной и справедливостью, ведущими к богатству, наконец, подлинным социальным счастьем, довольством каждого члена, охваченного энтузиазмом, – любопытные хлынут толпой, чтобы видеть чудо из чудес...» и вопрос достижения социально-политической гармонии будет решен окончательно и без применения экономического, правового и политического насилия над личностью или социальными группами¹³.

К. Маркс, подобно Ш.Фурье претендовавший на открытие «истинных» законов социального развития, предложил для идентификации феномена социально-политической пропорциональности (либо диспропорциональности) теоретическую модель, получившую название «формація».

Эвристическая ценность модели заключалась в том, что она позволяла представить любую реально существующую социально-политическую систему как систему саморегулирующуюся, самими внутренними противоречиями подталкиваемую к достижению пропорционального состояния всех элементов и связей. «В прямую противоположность немецкой философии, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс, – ... мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, ... для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса»¹⁴.

Причем теоретическая модель К.Маркса предполагала, в отличие от строго арифметизированных построений Ш. Фурье, внутреннюю подвижность составляющих элементов. Она была построена в согласии со свойствами того феномена, на раскрытие которого была направлена. И это был важный шаг вперед в совершенствовании методологии анализа феномена социально-политической пропорциональности. Пропорциональность двух актов социальной практики выглядит у Ш. Фурье результатом одинаковых количественных затрат физической и психической энергии. И этим можно объяснить оптимизм французского интеллектуала по поводу возможности для любого психически и физически нормального человека соучаствовать в создании новой гармоничной жизни, основанной на ассоциированном труде.

К. Маркс не ставил качество актов социальной активности и соответственно проблему их пропорциональности в зависимость от свойств индивида. Пропорция возникает в его теоретических построениях как результат естественной связи двух любых наблюдаемых актов социальной практики в качестве предпосылки и результата. Так, например, характеризуя механизм установления пропорций между экономическими и правовыми отношениями в социально-политической системе, авторы «Немецкой идеологии» постулировали принцип: «Всякий раз, когда развитие про-

¹³ *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир... С. 361–362.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т.3. С.25.

мышленности и торговли создавало новые формы общения, например страховые и т.д. компании, право вынуждено было их санкционировать как новые виды приобретения собственности»¹⁵. Несмотря на довольно критическое отношение многих современных политологов к различным аспектам научной доктрины К. Маркса и Ф. Энгельса, правомерность такой интерпретации механизма установления социально-политических пропорций обычно никем не ставится сегодня под сомнение. Обычно эта механика постулируется в форме более общих методологических принципов соответствия уровня развития производительных сил уровню производственных отношений, соответствия отношений производства отношениям распределения и т.д.

Такой теоретический подход к рассмотрению проблемы социально-политической пропорциональности совершенно не случайно обрел в течение последних ста лет множество сторонников, поскольку он был очень «технологичен», если уместно такое определение применительно к практике политологических исследований. Он позволил феномен социально-политической пропорциональности, проявляющийся на ряде уровней функционирования социально-политической системы, свести как бы к единому основанию, к детерминации ее экономической и политической заинтересованностью.

Однако эта трактовка феномена социально-политической пропорциональности при всех ее претензиях на методологический универсализм имела очевидное ограничение, на которое давно обратили внимание идейные оппоненты марксизма. В отличие от либералов и умеренных демократов, К. Маркс полагал, что феномен пропорциональности способен материализоваться лишь во властных институтах, контролируемых наиболее «передовым» классом общества – пролетариатом.

Он считал, что эта тенденция к гармонизации окружающего социально-политического пространства обусловлена его объективной связью с наиболее технически и организационно совершенным индустриальным сектором экономики. Подчинение всех прочих секторов экономики индустриальному могло, по его версии, повлечь за собой естественное подчинение и других социальных групп, связанных с этими секторами, той модели гармоничного социально-политического порядка («нового мира труда»), носителем которой мыслился европейский пролетариат.

Такой ход рассуждения сталкивался (помимо столкновения с новым качеством рабочего движения, все более входившего в своем развитии в рамки британского тред-юнионизма и французского синдикализма) с препятствием логического свойства. Если феномен пропорциональности возникает в социально-политической системе по следам возникших противоречий между элементами этой системы, и если он есть, в известной мере,

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. С. 64.

естественный продукт этих противоречий, то система «диктатуры пролетариата» как система с преодоленными основными противоречиями, на которых прежде балансировало все общественное развитие, должна представлять собой уникальное явление: систему либо раз и навсегда сбалансированную и застывшую в этом положении (а следовательно, и в своем развитии, в противоречие со всеми выведенными К. Марксом всеобщими законами развития формаций), либо это должна быть предельно неравновесная система (с перекосом в сторону интересов только одной социальной группы) с относительно коротким периодом существования.

В качестве довода против такой критики своей позиции К. Маркс и Ф. Энгельс выдвигали соображение также чисто логического свойства. В том смысле, что «...универсальным развитием производительных сил устанавливается *универсальное* общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования «лишенной собственности» массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), – каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, – и, наконец, местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами *всемирно-историческими*, эмпирически универсальными... Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотносываться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой (т.е. капитализмом. – *И.С.*)»¹⁶.

Такая линия аргументации, заметим попутно, давала Э. Бернштейну, многократно обвиненному ортодоксальными марксистами в попытке извратить смысл этого учения, все законные основания выступить со своей общеизвестной формулой, согласно которой коммунизм есть не столько цель, сколько закономерный процесс движения европейской социал-демократии и руководимого ею пролетариата к некоторому более справедливому, чем существующее, состоянию общественно-политических отношений. Коммунизм, таким образом, мыслился в качестве некоторого частного случая проявления феномена пропорциональности.

Однако все эти уточнения и оговорки не давали ответа на принципиальный вопрос: как в состоянии пропорциональности всех элементов может поддерживаться большая социальная система, если она лишена внутренних противоречий? Тех, которые, собственно, и есть предпосылка и механизм достижения эффекта пропорциональности в ее динамике?

Свой выход из этого логического тупика предложили русские народники. К нему их привело наблюдение над неудачными попытками правительства Российской Империи гармонизировать общественно-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 34.

политическую жизнь, загоняя внутрь полицейскими репрессиями и половинчатыми реформами общественные противоречия и противоречия между обществом и государством. Один из крупнейших теоретиков русского народничества П.Л. Лавров поставил вопрос о том, насколько вообще такая модель политики совместима с представлениями о социально-политическом и культурном прогрессе, наработанными европейской интеллектуальной элитой.

Общая ориентированность народнической доктрины на личностное содержание всех общественных процессов привела, например, П.Л. Лаврова к формулировке следующего постулата: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая ... все, что можно считать прогрессом...»¹⁷. Далее П.Л. Лавров отмечал, что «перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и **посредством народа**»¹⁸.

Если сравнить эту формулу социально-политической пропорциональности с тем, как охарактеризовал понимание феномена пропорциональности в рамках американской демократии А. де Токвиль, то будет заметно принципиальное отличие двух исторически формировавшихся представлений об идеале социально-политического устройства, который в дальнейшем будет выполнять роль того исторического опыта, той условной нулевой точки, вокруг которой будет балансировать вся политическая жизнь двух цивилизаций. В американском варианте мы видим реализацию традиционного для всей западной культуры понимания пропорциональности как феномена из области чисто властно-административных отношений. Общество живет по собственным законам пропорциональности, смысл которых воплощает представление о формально-правовом равенстве граждан. Государство же живет по своим законам пропорциональности, сводимым (для удобства его существования и не более того) к функциональному разделению ветвей власти. Этим и порождается та проблема совмещения в реальной политике «равенства» и «демократии», на которую в книге «Демократия в Америке» обратил внимание А. де Токвиль.

То видение проблемы, которое предлагал П.Л. Лавров, подразумевало вероятность синтеза начал пропорциональности во властных и общественных отношениях в нечто единое. В то, что, собственно, и можно обозначить общим понятием «феномен социально-политической пропорциональности». В этом его исследовательская позиция была гораздо ближе к современному пониманию смысла данного феномена, нежели позиция тех интеллектуалов либеральной и радикальной ориентации, которые стреми-

¹⁷ Утопический социализм в России. М., 1985. С. 419.

¹⁸ Там же. С. 422.

лись обособить личностное, общественное и государственно-властное начало в проблеме социально-политической пропорциональности.

Позиция П.Л. Лаврова являлась исключением даже в среде его соратников по народническому лагерю и ее нельзя экстраполировать на общую концепцию народничества. М.А. Бакунин, например, очень категорично оценивал возможность видеть в пропорциональности нечто одинаково свойственное всем элементам общественно-политической системы. «Серьезное, сильное государство, – писал он в известной работе «Государственность и анархия», – может иметь только одно прочное основание – военную и бюрократическую централизацию. Между монархией и самой демократической республикою самое существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящей пользы привилегированных, имущих классов, также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно так же теснить и грабить народ для тех же карманов и классов, только уже во имя народной воли»¹⁹. Иначе говоря, как это имеет место в современной политологии и публицистике, так и в XIX столетии далеко не все видные мыслители придерживались той точки зрения, что в политическом процессе государство и общество должны иметь нечто общее в своей динамике и вообще должны иметь нечто общее.

Важно отметить один общий момент, к которому пришла европейская политическая мысль во второй половине XIX столетия. Если исходить из того, что большинство социально-политических систем в своем развитии тяготеют к равновесию частей и связей, то не принципиально, по какому основанию выявлять феномен пропорциональности. Экономика, политика, право и художественная культура, администрирование в этом ракурсе предстают (и в этом заключен исторически найденный человечеством смысл группировки различных актов человеческой деятельности по сферам) конкретными и доступными для освоения массовым сознанием отражениями феномена пропорциональности. Здесь сходны позиции Б. Константа, П.Л. Лаврова и К. Маркса.

Заметим, что, вероятно, именно это сходство повлияло на общий характер отношения к проблеме социально-политической пропорциональности у российских теоретиков социал-демократизма. Субъективно они мыслили себя противниками народничества, либерализма и наследниками европейского марксизма. Хотя объективно они в той же мере, в какой взяли от марксизма его систематический подход к описанию социально-политических явлений, взяли и от народничества и либерализма свойственное им понимание самостоятельной ценности любой из сфер человеческой активности, в которой проявляется феномен пропорциональности.

¹⁹ Бакунин М.А. *Философия. Социология. Политика*. М., 1989. С. 313.

Особенно заметно такое синтетическое основание теоретических построений у Г.В. Плеханова. В одной из своих лекций, посвященных проблемам материалистического понимания истории, он, например, характеризовал взгляды на логику социально-политических процессов одного из крупнейших либеральных историков XIX в. Огюстена Тьерри как «настоящую революцию в исторической науке своей страны»²⁰. Причем основанием для такой высокой оценки Г.В. Плеханову послужило, насколько можно понять это из общего контекста его рассуждений, то, что французский историк вывел научные представления о принципах и основах упорядоченности общественно-политических отношений на качественно новый уровень и этот новый уровень послужил предпосылкой для разработки К. Марксом своей концепции приведения общественной системы в состояние пропорциональности и утраты ею этого состояния.

Прежде (и Г.В. Плеханов сравнивал в этом отношении позицию О. Тьерри с представлениями о механизмах установления социально-политической пропорциональности А. де Сен-Симона и П. Гольбаха) «история была делом одного человека», и потому состояние общественно-политических пропорций мыслилось прямым отражением гармонии духовных и физических качеств того человека-героя, который творил судьбу своего народа подобно Моисею, Цезарю, Мухаммеду и другим известным персонажам мировой политической истории²¹. После выхода в свет «Писем об истории Франции» О. Тьерри ко многим европейским интеллектуалам пришло понимание того, что историю творят массы, что творят они ее в соответствии со своими интересами, что интересы эти фиксируются в структуре классовых отношений и борьба этих классовых интересов позволяет в каждый исторический момент сложится определенной пропорции социально-политических связей и отношений. Г.В. Плеханов приводит в пример высказывание О. Тьерри, в котором французский исследователь определяет особенности социально-политической пропорции, сложившейся в годы Английской революции XVII в. «Каждый землевладелец, предки которого принимали некогда участие во вторгшейся норманнской армии, покидал свой замок, чтобы направиться в королевский лагерь и занять там командный пост, на который его титул давал ему право. Жители городов и портов толпами направлялись в противоположный лагерь. Можно было сказать, что сборными лозунгами для обеих армий были, с одной стороны, *праздность и власть*, а с другой – *труд и свобода*»²².

²⁰ Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории // Соч. М.;Л., 1927. Т.24. С. 359.

²¹ В данном случае Г.В. Плеханов имел в виду теорию классовых пропорций в обществе, одним из авторов которой был О. Тьерри.

²² Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории. С. 360–361.

Сама Английская революция в контексте рассуждений Г.В. Плеханова выглядит как восстановление естественных пропорций в социально-политических отношениях, прежде нарушенных неопределенностью и путаницей классовых интересов. Революция все расставляет по своим местам, определяет точки стяжения групповых и индивидуальных интересов, и новая группировка политических сил становится отражением новых сложившихся пропорций. Таким образом, если интерпретировать позицию Г.В. Плеханова, получалось, что революция, наряду с законотворчеством и установлением конституционного порядка, наряду с гармонизацией личностной политической культуры, также представляет собой момент проявления в социально-политической практике принципа пропорциональности. Иначе говоря, революция, которую традиционно ассоциировали в гуманитарной европейской науке с хаосом и деструкцией, выступает в концепции Г.В. Плеханова, согласно с мыслями О. Тьерри, почти что высшим проявлением принципа пропорциональности, своего рода наиболее чистым феноменом пропорциональности.

Идея о том, что борьба классовых противоречий является наиболее последовательным воплощением стремления социально-политической системы к внутренней пропорциональности, побудила Г.В. Плеханова, а затем и большинство его идейных последователей, очень скептически отнестись к той тенденции в понимании феномена социально-политической пропорциональности, которая проявилась во второй половине XIX в. в трудах российских историков С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Симптоматично, что они именовали самих себя не историками, а социологами, подразумевая, что их научные изыскания должны возратить в общественное сознание четкое понимание ценности социально-политической гармонии²³.

Суть этой тенденции можно определить как стремление сделать ключевым основанием для схемы генерации феномена социально-политической пропорциональности не внутреннюю логику социально-экономических отношений, а воздействие на социум внешнего «географического фактора». Г.В. Плеханов был принципиальным противником такого подхода, поскольку он кардинально ломал всю стройность порядка выведения феномена пропорциональности из раз и навсегда четко определенных исходных позиций и побуждал исследователя вставать на путь так называемой «методологической эклектики», когда одна профессиональная интуиция позволяет исследователю ранжировать внутренние и внешние

²³ В.О. Ключевский, вероятно, не случайно начал свою первую лекцию в знаменитом «Курсе лекций» с цитирования общеизвестного афоризма Г.-Ф. Гегеля, что «история еще никого и ничему не научила», дополнив это своим комментарием – она всегда жестоко мстила людям, невнимательным к ее урокам.

факторы по степени их влияния на становление социально-политической пропорциональности в тот или иной момент развития.

«Я держусь того убеждения, – писал Г.В. Плеханов, – что географическая обстановка влияет на характер данного народа лишь через посредство общественных отношений, принимающих тот или другой вид в зависимости от того, замедляет или ускоряет она рост производительных сил, находящихся в распоряжении данного народа»²⁴. Обе позиции страдали максимализмом трактовки генезиса феномена пропорциональности, на что справедливо указывал известный российский историк и политолог П.Н. Миллюков. Действительно, чтобы природа могла положительно или отрицательно повлиять на рост производительных сил, надо, чтобы к этому моменту уже сложилась их определенная конфигурация. И вопрос о той роли, которую в сложении этой конфигурации прежде сыграл природный фактор, остается, таким образом, открытым.

Важно, однако, то, что объективно эта полемика между марксистами и «буржуазными позитивистами» (как их часто именовали в советской историографической литературе) вывела понимание природы феномена социально-политической пропорциональности на качественно новый уровень. Феномен социально-политической пропорциональности стал рассматриваться как нечто, являющееся продуктом эволюционных и революционных процессов, по своему происхождению имеющих отношение как к внутренним, так и внешним обстоятельствам бытия социума и государства.

Представляется, что и В.И. Ленин, которого часто и не без оснований современные исследователи его творчества обвиняют в идейном максимализме, в своем понимании феномена социально-политической пропорциональности следовал ни одним только правилам марксовской диалектики. Его теоретический подход также аккумулирует общие достижения европейской политической мысли в данном вопросе. Хотя, заметим, его исследовательская позиция может быть понятна только в контексте времени, в которое создавалась та или иная работа, и в контексте назначения этой работы. В.И. Ленин, например, очень категоричен в неприятии тех трактовок природы социально-политических и экономических пропорций, которые в XIX в. устанавливал в Европе и России капитализм.

Характерна критика В.И. Лениным воззрений известного в то время швейцарского экономиста и историка Жана Шарля Леонарда Сисмонда де Сисмонди (1773–1842), изложенных им в работах «Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению», «Этюды по политической экономии». В историю эти идеи вошли под названием «экономического романтизма».

²⁴ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Книга первая // Соч. М.;Л., 1925. Т.20. С. 3.

В.И. Ленин в одной из ранних своих аналитических работ под названием «К характеристике экономического романтизма» так определял свое видение перспективы изменения пропорций в европейских капиталистических отношениях, альтернативное либеральным и народническим рецептам исправления « пороков » капитализма при помощи законодательного и экономического стимулирования мелкотоварного производства: « В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалось ... буржуазное среднее сословие ... Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают даже предвидеть приближение того момента, когда, с развитием крупной промышленности, они совершенно исчезнут, как самостоятельная часть современного общества ... В таких странах... естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата, прикладывали к капиталистическим условиям мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения ... Положительная сторона требований этого направления заключается или в восстановлении старых способов производства и обмена, а вместе с ними и старых имущественных отношений и старого общественного строя; или же оно стремится насильственно удержать современные способы производства и обмена в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях оно является реакционным и утопическим одновременно»²⁵.

Таким образом, перспектива буржуазной модели пропорциональности predetermined со всей фатальностью в той же мере, в какой каждый факт социальной реальности predetermined общей логикой процессов развития, выведенной К. Марксом.

Проходят годы после написания упомянутой работы, и видение В.И. Лениным логики переходов от одной модели социально-политической и экономической пропорциональности к другой становится менее однозначным и, со всей очевидностью, учитывающим интеллектуальный опыт русского народничества и либерализма.

Переосмыслению диалектики выстраивания пропорций во внутренних процессах содействовало, вероятно, исследование В.И. Лениным динамики макроэкономических и макрополитических процессов, которые уже тогда обнаруживали специфику, позволявшую современникам априорно утверждать (редкий случай в истории построения научных обобщений) о вступлении европейского капитализма в качественно новую « империалистическую » стадию развития. При этом подвижки в сословно-классовой сфере были менее значимыми, нежели подвижки в сферах административно-организационной и правовой. Капитал менял свое обще-

²⁵ Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Полн. собр. соч. Т.2. С. 242–243.

ственное качество, резко наращивал свой политический потенциал, но при этом оставался, в сущности, все тем же капиталом, объектом социально-политических противоречий.

Старые пропорциональности, таким образом, разрушались, а новые выстраивались без определяющего воздействия фактора внутриобщественной классовой борьбы. Доминировала роль противоречий между структурами крупного и мелкого бизнеса, между национально- и государственно-организованными в монополии кланами собственников и в то же время между организованными по тому же национально-государственному принципу в профсоюзы отрядами трудящихся.

Для оценки исследователем природы новых пропорциональностей большее значение, нежели акцент на классовой борьбе, имел учет факторов исторической традиции, правовых представлений, геополитических интересов. В «Предисловии к французскому и немецкому изданиям» своего популярного очерка «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин подчеркивал именно «классовость» своего исследовательского ракурса. Но тут же содержится интересный вывод автора, предлагаемый читателю в качестве ключа к пониманию новой социально-политической пропорциональности: «Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная конкуренция, демократия – все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, остались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой «добычи» происходит между 2–3 всемирно могущественными, вооруженными с головы до ног хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю»²⁶.

Из этой характеристики закономерно напрашивается вывод, что новое качество предмета анализа требует и нового качества методологии, что и прослеживается далее в работах В.И. Ленина, все более уделявшего внимание культурным, национально-религиозным и правовым детерминациям в социально-политических отношениях и условиям их преобладания в различные исторические моменты над детерминациями классовыми. И здесь его методологический подход лежал в едином поле смыслов с критикуемыми им за «бесклассовость» методологическими посылками, свойственными русскому либерализму²⁷.

Адаптация методологии в указанном направлении к изменившимся объективным условиям прослеживается в не менее известной работе В.И. Ленина «О русской революции». Наблюдение за российским политиче-

²⁶ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т.27. С. 305.

²⁷ См., например: Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990.

ским процессом и развитием политической жизни в развитых капиталистических странах Европы и Америки (сделавшим проблематичным практическую реализацию идеи мировой пролетарской революции и Всемирной Республики Труда) побудило В.И. Ленина сделать заключение о том, что возможно достижение общей гармонии в социально-политической сфере посредством преобразования на началах пропорциональности любой значимой области человеческой активности, например политики.

«Для создания социализма, говорите вы, требуется, – писал он, – цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»²⁸. Это рассуждение направлено против ортодоксально мыслящей части российских социал-демократов: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики»²⁹. Расшифровки специфики именно этого вида диалектики В.И. Ленин не дал. Но из общего контекста его анализа работы Н. Суханова можно понять, что принципиально эта «революционная» диалектика не отличается от диалектики как метода и, следовательно, основанные на ней суждения марксистского и либерального толка не исключают друг друга. В том смысле, что процесс обретения социальной структурой нового состояния пропорциональности взамен утратившей историческое значение представлялся очень вариативным как в плане определения порядка изменения, так и в плане выбора ключевых областей, в которых происходят перемены. А также в том смысле, что революционная или неревolutionная диалектика одинаково признает абсолютную значимость человеческого фактора (назовем ли его рабоче-крестьянским или гражданским) в определении тех областей социальной практики, в которых феномен пропорциональности должен проявиться прежде всего и наиболее последовательно – будь то сфера имущественно классовых противоречий между помещиками и крестьянами, капиталистами и рабочими или же сфера правовых отношений между различными группами людей в гражданском обществе, для которого революционные конфликты по поводу собственности уже выглядят архаикой.

Это проявление феномена пропорциональности в одной или нескольких ключевых сферах повлечет за собой такую же цепочку реакций восстановления пропорциональностей везде, где они были прежде разрушены. Культура личностного и группового поведения, воспитанная сред-

²⁸ Ленин В.И. О русской революции // Полн. собр. соч. Т.45. С. 381.

²⁹ Там же. С. 378.

ствами правовой и идеологической пропаганды, приобретала, таким образом, значение самодостаточного фактора, что исторически было свойственно либеральному мировосприятию³⁰.

Таким образом, на рубеже XIX и XX столетий гуманитарная научная мысль пришла к новому качеству понимания феномена пропорциональности. Он перестал ассоциироваться с действием раз и навсегда выведенных объективных либо субъективных закономерностей. Пропорциональные отношения и связи стали восприниматься в ракурсе постоянной изменчивости. Способность к видоизменению стала индикатором проявления феномена пропорциональности в системе: меняется система – совершенствуются механизмы и принципы пропорциональности. Сформировался своего рода «прогрессистский» взгляд на феномен пропорциональности.

В сознании российских интеллектуалов (и делить их в данном случае по линии политических предпочтений, вероятно, нет смысла) на этом этапе сложилось представление, что анализ феномена социально-политической пропорциональности можно проводить по основанию (социоэкономическому, культурному, правовому и т.д.) в силу подвижности социально-политической реальности. Имеет место убыстрение смены моментов пропорционального и непропорционального состояния социально-политических систем за счет возрастания роли субъективного фактора, провоцирующего дополнительную конфликтность в отношениях субъектов политического процесса. И социально-политический конфликт становится доминирующим инструментом разрушения старых пропорций и восстановления новых.

Механизмы этой быстрой смены и возможности контроля над ними стали основным предметом внимания исследователей социально-политической пропорциональности уже в первой половине XX столетия³¹. Например, в нашей стране в 20-е гг. большую популярность и признание в обществе и во власти получили теоретические и прикладные разработки А.П. Гастева, возглавлявшего «Центральный Институт Труда» (ЦИТ).

Официально осужденная в 30-е гг. идея А.П. Гастева состояла в том, что, просчитав и выстроив внутренние пропорции в самом трудовом процессе при помощи новейших трудовых технологий, задав установку на стабильное поддержание этих пропорций идеологически и при помощи специальной системы образовательной подготовки кадров для промыш-

³⁰ В статье авторитетного современного политолога эта либеральная парадигма выражена со всей возможной созвучностью отмеченной ленинской позиции: «Выживаемость политической системы России напрямую зависит от тонаса общества, от его отношений не только с властью, но и к власти» (См.: *Володин А.Г.* Россия: трудности межстадиального перехода или кризис цивилизации? // *Полис.* 2003. №5. С.137).

³¹ См.: *Советская управленческая мысль 20-х – начала 30-х годов.* М., 1996; *Сарабьянов В.Н.* Качество с точки зрения практического подхода // *На переломе.* Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 484–491.

ленности и сельского хозяйства, можно затем этот феномен пропорциональности в сфере технологии перенести и в сферу производственных отношений, и в сферу отношений социально-политических.

В «Царстве Труда» труд должен был стать политикой. Это выглядело вполне логично, но в концепции новых экономических и социально-политических пропорций А.П. Гастева проблемным оставался момент включения в такую пропорцию партийно-политических институтов, не выполнявших трудовых производственных функций (производство нового в области идеологического творчества было очень ограниченным по условиям времени и кадрового состава партийно-коммунистических органов). Автора обвинили в «фордизме», стремлении организовать сверхэксплуатацию труда рабочих, принижении фактора политического руководства в процессе социалистического строительства и дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

Хотя, по сути, А.П. Гастев и многие другие современные ему советские аналитики (В.Н. Сарабьянов, например) ставили вопрос о необходимости использования особых технологий для управления процессом проявления феномена пропорциональности в той или иной сфере социальной практики. Если говорить об области социально-политических отношений, то был поставлен вопрос о необходимости применения к ним норм «политического менеджмента», основы которых активно разрабатывались в это время в западноевропейской и американской науке³².

В Германии, например, столкнувшейся в 20 – 30-е гг. XX в. с такими же, как и в Советской России, проблемами, развилось очень влиятельное политологически-публицистическое направление, получившее наименование «консервативной революции»³³. Оно не было внутренне единым. Точнее, единым оно было в своем неприятии буржуазной, основанной на классовости пропорциональности, и в предчувствии, что развивающиеся в буржуазных обществах диспропорции способны привести европейскую

³² Имело место взаимовлияние социальных потребностей, ответить на которые должна была наука. По оценке современных отечественных специалистов, Октябрьская революция, по существу, вынудила правящую элиту Соединенных Штатов искать средства для совершенствования своих политических идей, но, главное, – для разработки практических рекомендаций, необходимых для улучшения механизма политической власти и управления в американском обществе. Как отмечали американские политологи А. Сомит и Дж. Таненхаус, представители политической науки США не могли оставаться в стороне, «...когда «великая депрессия» и «Новый курс» угрожали и соответствующим образом перестраивали политическую и экономическую структуру американской системы... Кто мог серьезно отстаивать нормативный нейтралитет перед лицом коммунизма, фашизма и национал-социализма» (Цит. по: *Лозовой В.Н., Семеренко Л.М., Демченко В.И.* Политическая наука в США: история и современность. Ростов н/Д, 2003. С. 85.

³³ См.: *Алленов С.Г.* «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х годов. Проблемы интерпретации // *Полис.* 2003. №4. С. 95–107.

цивилизацию к гибели. В его рамки органически вписывалась, например, концепция Э. Юнгера, согласно которой постигшая Европу военно-революционная катастрофа была порождена внутренними диспропорциями в системе капиталистических социально-политических отношений.

Соответственно спасение он видел в возможности распространить принципы оптимальной организации всего функционирования индустриальной сферы, фактически уже взятой под контроль рабочими, создавшими специфическую европейскую культуру индустриализма, на все прочие сферы взаимодействия общественных и политических институтов³⁴. Рабочий, по мысли Э. Юнгера, в наступающую эпоху становится символом и реальной материализацией принципа пропорциональности на уровне феномена.

В главе своей книги, имеющей характерное название «О работе как способе жизни» германский аналитик писал: «Всякого, кто вообще готов допустить, что с миром происходит решающая перемена, заключающая в себе собственный смысл и собственную закономерность, изменение этого меняющегося способа жизни убеждает в том, что рабочего следует понимать как субъект такого изменения... Наконец, работа не есть техническая деятельность. Бесспорно, что именно наша техника поставляет решающие средства, однако не они изменяют лицо мира, а самобытная воля, которая стоит за ними... Техника ничего не экономит, ничего не упрощает и не решает, – она есть инструментарий, проекция особого способа жизни, простейшее имя которому – *работа*... Нельзя не заметить, что эта всеобщая черта обнаруживается и в научных системах. Если мы, к примеру, рассмотрим тот способ, каким физика привносит движение в материю, каким зоология стремится угадать в протейческих условиях жизни ее потенциальную энергию, каким психология старается даже сон или сновидение рассматривать в качестве действий, то станет ясно, что здесь за дело берется не просто познание, а некоторое специфическое мышление... особое тождество работы и бытия способно обеспечить новую надежность, новую стабильность. Правда, эти системы *изменяют* тут свой смысл. В той мере, в какой утрачивает свое значение их познавательный характер, в них проникает своеобразный характер власти»³⁵.

Этот своеобразный характер властных отношений соотносился теоретиками «консервативной революции» прежде всего с категорией «нация» в противовес принятому ранее ассоциированию феномена пропорциональности с культурой. Культурная доминанта в национальном сознании европейцев разрушала органическую целостность социально-политического порядка.

³⁴ См.: Юнгер Э. Рабочий: господство и гештальт. СПб., 2000.

³⁵ Там же. С.151–154.

Как образно выразился по поводу общей направленности социально-политической жизни Германии в XIX в. один из видных политических публицистов той поры Меллер ван ден Брук «сознание нации пробуждалось в стихах и идеях, но Рейх распадался»³⁶.

Новая реальность, «Нация», в представлении европейских консерваторов должна была преодолеть эту тенденцию распада единого социально-политического пространства (под лозунгом права наций на самоопределение) в жизни большинства государств Европы, став высшим воплощением принципа пропорциональности. «Нация» должна была заменить право, идеологию, политическую борьбу партий, а также разобщенность социальных страт, то есть все то, что прежде было элементами выстраивания общей пропорциональности социально-политических отношений, объявленной «лживой»³⁷. Это должен был быть прорыв в мир новых универсальных пропорций, уловимых в большей степени на уровне интуиции, «движений духа», а не строгих расчетов в стиле классической диалектики и позитивизма.

Другой классик «консервативной революции», француз Шарль Моррас, по этому поводу заметил: «Куда не дотягивается точное суждение науки, тонкая оценка разума, туда способно проникнуть особое сочетание интуиции и расчета, улавливающее в будущем обещание или угрозу»³⁸. Речь, таким образом, шла о необходимости соотнести с новым видением сущности феномена социально-политической пропорциональности новую методологию его анализа и на этой почве создать своего рода программу управления социально-политическими пропорциями. Ш. Моррас утверждал, что «все должно начаться с интеллектуальной реформы некоторых, небольшого числа избранных, которые должны сказать себе: если чума передается простым заражением, то общественное здоровье сходным путем не вернуть. Прогресс отдельных личностей недостаточен для прогресса нравов»³⁹.

И это тоже было методологическое новшество в плане интерпретации субъективного фактора в процедуре восстановления социально-

³⁶ Брук М. ван ден. Третий Рейх // Полис. 2003. №5. С. 127.

³⁷ «Без сомнения, – писал Ш. Моррас, – все наши беды проистекают из этой лживой видимости, которая никогда не переставала противоречить глубокой необходимости действительного порядка. Фазы некоторого временного спокойствия не имели иных причин, кроме вполне реального соответствия между административными фикциями и фикциями литературными, которые завладели всеми умами и их совратили. Из встречи двух вымыслов, двух этих литератур – официальной и частной – рождалось шаткое, но сравнительно реальное чувство гармонии или относительного благоприличия. Наши отцы называли это “чувством порядка”» (см.: Моррас Ш. Будущее интеллигенции. М., 2003. С. 23).

³⁸ Моррас Ш. Будущее интеллигенции. С. 9.

³⁹ Там же. С. 13.

политической пропорциональности. Данный фактор перестал, как было в либеральных и демократических теориях XIX в., отождествляться с классовым сознанием или же культурными императивами личностного уровня. Субъективный фактор в виде «национального сознания» приобрел мистический антураж.

Однако не все аналитики начала XX в. разделяли эту позицию. Они доказывали, что гармонизация одной, даже самой важной сферы социально-политических отношений, каковой выступает, например, экономика, не влечет за собой автоматическое установление пропорциональности в других сферах. Выяснению этого вопроса, в частности, посвятил немало страниц своего монументального труда «Очерки истории русской культуры» известный научный и политический оппонент большевиков П.Н. Милюков⁴⁰. Историю российских реформ XVIII–XIX вв. он попытался вписать в определенную схему, наглядно представлявшую на конкретном историческом материале, как сосредоточение общества и государства на реформировании одной ключевой сферы (политики, например) губит экономическую гармонию в обществе и, наоборот, чрезмерный акцент на реформировании политической сферы способен привести к большому урону в экономике и культуре.

К тому же сильно дискредитировали такой методологический подход к анализу социально-политической пропорциональности фашистские и национал-социалистические практики начала XX столетия в Европе. Интуитивные движения «национального духа» (помноженные на идеи политического реванша, владевшие многими умами в Европе после Первой мировой войны) побуждали многих интеллектуалов искать источник социально-политических пропорций и диспропорций в сферах, достаточно далеких от возможного влияния на практическую политику. Например, в мире биологических пропорций, представляющих расовые общности и различия у народов планеты⁴¹.

⁴⁰ См.: Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры: В 3 т. М., 1993.

⁴¹ Германский классик теоретического расизма Людвиг Вольтман, например, рассуждал так: «Для истории государств имеет большое значение, соединятся ли вместе для военных конфликтов и последующего затем поглощения племен и наций, которые должны слиться в одно общее государство, равноценные и однородные или неравноценные расовые элементы. Род государственного управления и внутренняя борьба зависят в большой степени от этих антропологических отношений... Если подчиненные племена – члены одной и той же расы, то первоначальные правовые различия сглаживаются быстрее и легче, нежели при соединении разнорасовых племен. В последнем случае распределение общественных прав долго остается неравным. Такие государства в течение долгого времени бывают подвержены внутренним войнам, революциям и восстаниям. ... Чем больше заключается сходства в наследственных свойствах племен, составляющих одно государство, тем цельнее язык и нравы, тем равномернее распределены права и тем сильнее национальное общее чувство, – словом, тем мощнее и демократичнее будет такой государственный организм» (см.: Вольтман Л.

Поэтому после Второй мировой войны изучение феномена пропорциональности вернулось в прежнее русло. Успехи либеральной и советской демократий на внешнеполитической сцене и, с другой стороны, жесткая конфронтация между ними предопределили возвращение большинства интеллектуалов к привычным интерпретациям феномена социально-политической пропорциональности. Новые интерпретации создавались в рамках устоявшихся позитивистских научных представлений об объективных законах мирового развития и о существовании некоего универсального «пути развития мировой цивилизации» в направлении такой модели общества, где господствуют «общечеловеческие ценности».

Сообщество американских гуманитариев возглавило этот процесс возвращения методологии анализа феномена социально-политической пропорциональности на почву «позитивной науки», на ту почву, которая была подготовлена более чем столетними дискуссиями между либералами и демократами в Старом Свете. Причины этого методологического поворота к «старым и добрым» традициям подробно исследованы в коллективной монографии В.Н. Лозового, Л.М. Семеренко и В.И. Демченко. Авторы совершенно справедливо обратили внимание на ту роль, которую в становлении американской политической науки и прочих гуманитарных наук сыграли университеты⁴². Сама конфигурация социально-политического запроса на научно-образовательную продукцию американских университетов диктовала потребность в методологиях анализа социально-политических процессов, которые не выходили бы за пределы устоявшихся представлений о научности. А эти представления, по унаследованной от XIX в. традиции, были преимущественно позитивистскими. Авторы упомянутой монографии отмечают, что не без влияния европейских научных традиций в американском обществе сформировался взгляд на науку как на инструмент социального регулирования, то есть наиболее приемлемое для общества средство восстановления социально-политических пропорций⁴³. Заявка на строго научное решение социально-политических проблем требовала (во всяком случае, в теории) четкой постановки вопроса о тех объективных законах развития социально-политических систем, на использование которых наука будет ориентировать власть и общество.

Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. М., 2000. С. 336).

⁴² «Как показывает история высшего образования в США, университеты и колледжи были объектами религиозной, социальной и политической борьбы, центрами политической активности и политического влияния. Выросшие и окрепшие университеты, в том числе факультеты политической науки, становились опорой определенных политических и партийных кругов» (см.: *Лозовой В.Н., Семеренко Л.М., Демченко В.И.* Указ. соч. С. 48.)

⁴³ См.: *Лозовой В.Н., Семеренко Л.М., Демченко В.И.* Указ. соч. С. 49.

В этом, заметим, заключалось принципиально новое качество, внесенное в традицию исследования феномена социально-политической пропорциональности американской наукой в XX в. Прежде задача гуманитарной науки, как ее формулировали обычно с точки зрения позитивизма, заключалась в открытии объективных законов развития социальных систем и в объяснении сущности и механизма действия. Теперь же целью познания объективных законов становилось их непосредственное использование в практике.

Такой подход и вызвал, в частности, бурные дискуссии в среде американских политологов по поводу известной концепции «политической культуры» Г. Алмонда и С. Вербы. Ее авторам ставили в упрек неопределенность того круга политических ориентаций, которые объединены понятием «политическая культура»⁴⁴. А неопределенность возникала по причине слабой коррелируемости оперативных возможностей концепции политической культуры по отношению к подвижным реальностям социально-политического развития, на что также указывали оппоненты. Таким образом, претензия на универсальную характеристику социально-политических пропорций, изначально заложенная в методологии «политико-культурного» анализа, реализовывалась лишь частично и лишь на ограниченных отрезках исторического времени и пространства, что плохо соотносилось с сформировавшимся прежде в западной науке представлением о связи феномена социально-политической пропорциональности с высокой динамичностью различных общественно-политических процессов. Постепенно пришло понимание того, что пропорциональность есть не раз достигнутое, идеальное качественное состояние социально-политической системы, а перманентный процесс движения элементов этой системы от постоянно возникающих проблем к новым проблемам в рамках некоторого исторически согласованного пространства идей, норм, правил поведения, ранее обеспечивавших социуму выживание в цивилизационной среде.

В итоге этих дискуссий сложилось мнение, которое сегодня разделяют многие отечественные и зарубежные специалисты и которое является принципиальным мотивом выбора методологии в настоящей работе. При всех преимуществах «политико-культурной» методологии исследования пропорциональностей, все же ее необходимо дополнить определенной дифференцированностью анализа по уровням, на которых формируется культурный потенциал общества и при этом часть его аккумулируется в сфере, именуемой «политическая культура». Этот теоретический подход применен в настоящем исследовании к характеристике проявлений феномена социально-политической пропорциональности в условиях современной России.

⁴⁴ Цит. по: Лозовой В.Н., Семеренко Л.М., Демченко В.И. Указ. соч. С. 284–285.

1.3. Теоретические подходы к изучению проявлений пропорциональности в политическом процессе

Политической мысли с древнейших времен было свойственно стремление понять гармонические основания главного предмета ее внимания – властно-общественных отношений. Менялись концептуальные основания анализа этого предмета, варьировались политологические оценки политических реалий. Неизменной оставалась базовая посылка научно-аналитической процедуры: гармония политических отношений имеет источником определенную пропорцию. Этот принцип пропорциональности распространяется на структуру и качество государственных институтов, структуру и качество институтов общественных и, что самое главное, является организующим принципом властно-общественных отношений. Среди современных отечественных политологов есть сторонники идеи, согласно которой на уровне самой идеи демократии проявляется определенная антиномичность, противостояние «тезиса» и «антитезиса» в качестве условия осуществления обществом демократического выбора. И условия, и результаты этого выбора зависят от того, каким образом в массовом сознании выстраивается соотношение этого «тезиса» и «антитезиса» как понимания соотношения желаемого и возможного в данный исторический момент⁴⁵.

Проблема состоит в том, что от Платона и Аристотеля, которые по праву считаются родоначальниками особого стиля научно-политического мышления, и до авторов современных политико-философских трактатов, исследовательская позиция которых во многом детерминирована совокупным опытом развития европейской, американской и российской политической науки, открытым остается вопрос о природе и смысле пропорциональности и как определенной реальности политического процесса, и как принципа научной оценки данной реальности⁴⁶. Традиционно аналитиками эта проблема решалась в двух ракурсах.

Либо на понимание пропорциональности в общественно-политических отношениях экстраполировалось понимание пропорциональности, почерпнутое из формально-логических и диалектико-логических процедур. Тогда пропорциональным в политическом процессе выглядело все, что не

⁴⁵ См.: *Ильин М.В.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // Полис. 2003. №2.

⁴⁶ См.: *Сергеев В.М.* Демократия как переговорный процесс. М., 1999; *Базилева И., Эмерсон П.* Через разногласия – к согласию // Век XX и мир. 1989. №11; *Шаблинский И.* Расколотовое общество, консолидированная власть (заметки о политическом режиме, открывающем XXI век) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. №2(39).

противоречило доводам «здравого смысла». Вероятно, именно такое методологическое решение позволило проявиться различным направлениям политической мысли (радикальному, консервативному и множеству переходных концепций между этими полюсами), притом объект и предмет интеллектуальной рефлексии у большинства мыслителей был один – государство и его подданные. Либо пропорциональность рассматривалась как нечто, укорененное в историческом опыте европейской цивилизованности. Гегелевское представление о динамике государственной и общественной эволюции максимально полно реализовало эту методологическую посылку в том смысле, что большинству народов вообще было отказано в «историчности», а европейский исторический опыт признан своего рода эталоном гармонии. То, что теоретики североамериканской государственности и гражданственности на рубеже XVIII – XIX вв. объявили этот западноевропейский опыт образцом дисгармонии, не меняло существа дел. Пусть со знаком минус, но вполне в духе гегелевской диалектики отрицания европейская история признавалась эталоном структуры и смысла политических отношений⁴⁷. Такое отношение к вопросу позволило мировой политической мысли структурироваться по «национальным школам».

В первом случае для выяснения присутствия или отсутствия гармонии в политической жизни, основанной на пропорциональности политических, правовых, экономических, культурных отношений, исследователю обычно достаточно подобрать формально-логическую или диалектико-логическую схему, которая без видимых противоречий позволяет структурировать разнообразные элементы политической действительности. Заметим, что в последнее время на помощь политологам пришла синергетика, и широкое увлечение ею гуманитариев имеет, таким образом, свою логику.

Во втором случае задача исследователя несколько проще. Она сводится к тому, чтобы выбрать из исторической фактуры образцы политической активности, субъективно признаваемые данным конкретным исследователем эталонным выражением принципа пропорциональности, и по этим образцам конструировать стратегию и тактику современной политики, что приводит к интересному интеллектуальному парадоксу. Например, современные российские политологи сплошь и рядом сетуют на цикличность отечественного политического процесса и на то, что вырваться из этой

⁴⁷ Сегодня предпринимаются попытки снять это исторически сложившееся противостояние североамериканского и западноевропейского исторического опыта на уровне теории. Примером может послужить недавняя публикация В.В. Лапкина и В.И. Пантина (Поздняя античность и современность: опыт сравнительного политического анализа // Полис. 2003. №4. С. 82–93), в которой «*Rex romana*» и «*Rex americana*» соотнесены между собой вне исторического времени и пространства как две эталонные модели гармонизации политических, экономических и культурных императивов в структуре современной цивилизации.

цикличности никак не удается⁴⁸. Но при этом во многих научных трудах в качестве образцов для подражания, способных повернуть современную российскую политику от конфронтации к гармонии, фигурируют вечевые традиции Древней Руси, столыпинские реформы, опыт партийного и конституционного строительства начала минувшего столетия и прочие подобные исторические «эталоны»⁴⁹.

В связи с проанализированной противоречивой ситуацией возникает другой вопрос: существует ли эталон пропорциональности? В качестве объективной реальности или в качестве реальности интеллектуальной? И если да, то в каком направлении нужно вести поиск, чтобы, если не выйти за пределы сложившихся традиционных научных подходов, то хотя бы усовершенствовать их теоретически и в плане практического применения?

Претензия на выведение некоего универсального определения пропорциональности социально-политических отношений была бы равнозначна претензии на обнаружение истины в последней инстанции. Вероятно, подсознательное ощущение возможности исследователя в этом случае вообще выйти за пределы научности исконно удерживало интеллектуалов от этого шага. Правомерным будет постановка вопроса об определении пропорциональности применительно к потребностям того ракурса анализа социально-политических процессов, который исповедует политическая наука начала третьего тысячелетия, достигшая размежевания в предмете и методе с философией, социологией и историей.

Современной политологии свойственны определенные принципы структурирования политической реальности, эффективность ориентации на которые многократно подтверждена научной практикой. В структуре политического процесса можно выделить процессы нормотворчества, эволюцию политических и общественных институтов, развитие политической культуры, информационные процессы.

⁴⁸ См.: *Афанасьев М.* Клиентелизм и российская государственность. М., 2000; *Ахиезер А.* Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997; *Пивоваров Ю., Фурсов А.* Русская система и реформы // *Pro et Contra*. 1999. Т.4. №3. Подробный анализ этой научной традиции дает В.Я. Гельман (см.: *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // *Полис*. 2003. №4. С. 6–25).

⁴⁹ См., например: *Писарькова Л.Ф.* Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // *Отечественная история*. 2001. №2–3; *Комаровский В.С.* Механизмы взаимодействия структур государственного управления с институтами гражданского общества. М., 1997; *Ланцов С.А.* Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // *Полис*. 2001. №3. С. 93–102; *Краснов Ю.К.* Российская государственность: генезис, эволюция институтов, проблемы модернизации: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2000; *Чернов П.В.* Россия: этно-геополитические основы государственности (генезис и основные закономерности): Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2000.

Следовательно, во втором приближении вопрос об определении того, что есть пропорциональность общественно-политических отношений и существует ли некий ее эталон можно конкретизировать. Вести речь, например, о том, что представляет собой эталон пропорциональности в нормотворческой деятельности государства и общества (если рассматривать в качестве таковой процесс становления и изменения культурных традиций, включая политико-культурные традиции) или же в администрировании и внешней политике, в информационной сфере.

Синтезирующим все эти частные проявления пропорциональности в единую пропорциональность политического процесса (по отношению к которой правомерным будет применение общефилософской категории «пропорциональность») будет одно обстоятельство, давно ставшее для научного и массового сознания эмпирически выверенной аксиомой: во всех сферах общественно-политической жизни пропорциональность интересов и практических действий наблюдается лишь тогда, когда новые интересы и новые действия субъектов политики, а также качества политических, правовых и экономических институтов отклоняются от сложившегося прежде порядка не более чем на некоторую допустимую величину⁵⁰.

Собственно к выяснению этой допустимой величины, при соблюдении которой политический процесс имеет плавную динамику и при несоблюдении которой происходит революционный взрыв, сводится вся практически-политическая стратегия и тактика действующих институтов и значительная часть политической аналитики.

Следовательно, в отличие от общефилософского ракурса, трактующего «пропорциональность» как соразмерность элементов и их связей в одной системе, в политологическом ракурсе «пропорциональность» подразумевает выяснение целого ряда величин. Таких, при отклонении на которые от прежде сложившихся состояний структурные элементы политического процесса не теряют связей между собой или же рвутся.

Если оперировать образами, то философское понимание пропорциональности сравнимо с состоянием идеального равновесия всех элементов и соответственно покоя. Категория «пропорциональность» в этом случае имеет смысл определения статических состояний. Политологическое же понимание пропорциональности соотносимо с образом системы, все элементы и связи которой постоянно балансируют в ту и другую сторону око-

⁵⁰ См.: *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию // Комс. правда. 1990. 18 сент.; *Рормозер Г., Френкин А.* Консервативная революция // Полис. 1992. №1–2; *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985 – 1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994; *Красин Ю.А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. №1; *Кулинченко В.А., Кулинченко А.В.* О духовно-культурных основаниях модернизации России // Полис. 2003. №2.

ло некоторой условной нулевой точки⁵¹. При различной периодичности колебаний все элементы политической системы рано или поздно проходят эту нулевую точку, чем и достигается моментальное (то есть ограниченное пространством и временем, ситуативное) согласование политических интересов и способов их достижения. Следовательно, в политологическом ракурсе категория «пропорциональность» будет применима к системам, находящимся в состоянии перманентной нестабильности. И ее можно воспринимать в качестве категории, имеющей отношение к динамике.

Правомерным будет вопрос о происхождении и способах определения этой точки, о содержательной стороне того понятия «политический консенсус», которым очень вариативно оперирует современная отечественная политическая наука. В общем плане этот консенсус можно представить в виде приближения двух условных субъектов политики от двух полюсов, на которых позиционированы их политические интересы (скажем, интересы государства и его институтов, и политические интересы общества и его институтов), к этой некоторой нулевой точке.

Сам факт устремленности движения к этой условной точке свидетельствует в пользу того, что она присутствует в политическом процессе как объективная реальность, хотя и обнаруживает свое присутствие на относительно короткие сроки (например, на время электоральных процедур, межпартийных переговоров о создании политических блоков, по ходу проведения плебисцитов). В реальном выражении она есть некоторый продукт работы субъектов политики по согласованию условий и способов политического процесса, которые все эти субъекты признают отклоняющимися от выгодных для них условий и способов на допустимую для них величину. Она может быть различной, но каждый раз такой, чтобы не менялись принципиально характер и форма политической субъектности.

Следовательно, эталоном подобным образом понимаемой пропорциональности политической жизни социума и принципиальным ориентиром для гармонизации политического процесса будет состояние, при котором интересы двух условных политических субъектов не просто уравновешивают друг друга на двух вышеупомянутых полюсах. Речь идет о состоянии минимизированности отклонений к полюсам. Эта схема объясняет источник силы консервативной политики в периоды между политическими кризисами и источник влияния на общественное сознание консервативной политической мысли, всегда рекомендующей участникам

⁵¹ Математизированный вариант обоснования этого теоретического предположения представил В.В. Уфимцев (см.: *Уфимцев В.В. А был ли выбор? // Полис. 2003. №4. С. 163–168*). Свое видение ситуации он обозначил как «динамическую модель социально-политического равновесия в обществе», позволяющую моделировать механизмы достижения и поддержания равновесия в постсоветском обществе.

политики соблюдать предельную осторожность при изменении ранее согласованных условий политической игры.

Эталон гармоничной, основанной на пропорциональности общественно-политического развития политики, таким образом, подвижен. Точнее было бы сказать, что в мирные периоды политического развития за таковой все участники политического процесса склонны принимать то состояние согласованности политических интересов, которое им удалось реализовать прежде⁵². Его они пытаются экстраполировать на современное состояние своих интересов и отношений. Это намерение закономерно приходит в противоречие с их ресурсной базой политического участия, что хорошо показано в диссертации А.А. Тимошка⁵³. Получается, что устремление к прежнему идеализированному и принимаемому за эталон образцу рождает неожиданный для политических субъектов конфликт. Это дает дополнительный стимул к превращению этого образца (ранее достигнутого «политического консенсуса») в эталон политической пропорциональности, который будет удерживать участников политики в едином ресурсном и информационном пространстве до тех пор, пока не будет общими усилиями создан и верифицирован новый эталон⁵⁴. В силу временной и пространственной ограниченности человеческой жизни этот ситуативно возникший эталон воспринимается как от века данный обществу и государству или другим субъектам политики. Историк и политологу в данном случае легче, поскольку они способны оперировать в своих оценках совокупным опытом предшествующих поколений, но к их мнению редко прислушиваются активные субъекты политики. К тому же, выстраивая исторические ряды сменяющихся эталонов, историки и политологи часто сами впадают в соблазн интерпретировать события и явления современности в качестве «наследия прошлого», то есть прямо и достаточно произвольно их ассоциировать с тем или иным эталоном из общего ряда⁵⁵.

⁵² Этот момент подробно исследован в диссертации *К.В. Старостенко* (Политический риск в системе государственной власти современной России: проблемы, противоречия, тенденции): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2000); см. также: *Сюткина О.П.* Место и роль корпоративной системы представительства интересов в процессе принятия политических решений в современной России // *Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты.* М., 1999; *Степанов А.* Искусство находить компромиссы // *Европа.* 2001. №1(8).

⁵³ См.: *Тимошок А.А.* Оптимизация ресурсного обеспечения демократической системы власти в России: Дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2002.

⁵⁴ Эта схема перманентно реализуется в политическом процессе и наиболее яркая ее материализация – это политические блоки партий и движений. Внутренняя механика этой ситуации исследована *Л. Гудковым*, *Б. Дубининым* (см.: *Российские выборы: время «серых»* // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2000. №2).

⁵⁵ Критику такой методологической установки см.: *Гельман В.* «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // *Полис.* 2001.

Как уже было отмечено, принцип пропорциональности обнаруживает себя на различных уровнях политического процесса: **правовом, административном, социально-экономическом, информационном и культурном.**

Далее имеет смысл более подробно рассмотреть, какие научно-политологические интерпретации применимы для анализа процессов приближения политических субъектов к эталонам пропорциональности, соответствующим различным уровням политической жизни.

1.4. Линии пропорциональности в современном обществе

Начнем анализ с одного замечания, касающегося традиций политической науки. До настоящего времени в отечественных политологических исследованиях господствует подход, согласно которому пропорциональность в сфере политических отношений понимается в русле классических постулатов теории «разделения властей». Этот подход подразумевает, что для достижения гармонии в политической сфере необходимо соблюсти прежде всего формальную соразмерность прав и функций политических институтов, а также соответствующих материальных, информационных и прочих ресурсов. Политика предстает перед ее акторами своеобразным техническим заданием, смысл которого сводится к тому, чтобы «правильно» законодательно закрепить функции и ресурсы за соответствующими ветвями власти. Этот принцип экстраполируется на всю конфигурацию отношений между любыми субъектами политики. Задача политической науки в данном случае, по логике обратной связи следствия и причины, сводится к обнаружению нарушений в самой процедуре распределения. При этом подразумевается, что все субъекты политики достаточно адекватно способны соотносить конфигурацию своих политических интересов в конкретный момент политического процесса с возможностями тех исторически сложившихся правовых форм, в которые они намереваются свои интересы облечь.

С научной и практически-политической точек зрения этот подход себя оправдал. Но, заметим, он оправдал себя только в ряде конкретных случаев, которые обычно атрибутируются при помощи понятия «западная политика». Во многих случаях, и современная российская политика тому наглядный пример, простое формальное распределение функций прав и ресурсов между ветвями государственной власти и отдельными общественными институтами не только не решает проблемы, не гармонизирует

№6; *Перегудов С.* Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М., 2003; *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Полис*. 2002. №1–2.

динамику политической сферы, а, напротив, стимулирует стремление субъектов политики использовать полученные возможности для «перетягивания одеяла на себя». Принятие на государственном и даже отдельном региональном уровне какого-либо, даже совсем частного законодательного решения тут же рождает у его авторов и оппонентов сомнения по поводу соответствия смысла этого решения (которое по определению есть производное от исходного политического интереса) той правовой форме, в которую этот интерес удалось заключить. Опыт современного российского законодательства позволяет зримо представить масштаб существующей проблемы. От Конституции до законодательных актов регионального уровня наблюдается столкновение формально-правовых норм, заимствованных из опыта западной либерально-демократической государственности, с конфигурацией конкретных интересов и возможностей действующих субъектов политики. Следовательно, «западная» теория и практика «разделения властей» в ее современном состоянии представляет собой лишь один из возможных вариантов процедуры создания эталонов пропорциональности, выступающих в роли ориентиров политики. Для других ситуаций вполне допустим с научной точки зрения поиск и других решений.

Можно предположить, что равновесие сил и интересов должно соблюдаться не только, и, может быть, даже не столько на функциональном уровне: одни законы пишут, другие – исполняют, одни живут по законам, другие – по ведомственным инструкциям. Эта концептуальная схема игнорирует тот момент, что большинство участников политического действия определяют с достаточной четкостью свою политико-правовую позицию уже по следам состоявшегося законодательного решения просто потому, что в силу положения в политической системе их доступ к законодательской «кухне» объективно ограничен⁵⁶. Политический интерес в большинстве случаев интегрируется в смысловое наполнение законодательного акта ранее, чем образуется правовая форма, на этапе поступления к политическому лидеру, например, обладающему возможностью реально влиять на генезис закона, информации об умонастроениях и политических ожиданиях «массы», электоральную поддержку которой он в перспективе намерен использовать. Этот априорно определенный смысл участниками нормотворчества привносится в творческую процедуру.

Но для его последовательной реализации обнаруживается естественное препятствие: все прочие участники нормотворческой процедуры участвуют в общей работе точно с таким же намерением – наполнить законодательный акт им выгодными смыслами. Это, условно говоря, ситуация конфликта политических намерений участников законодательства. То же самое можно сказать и о положении социально-политических институтов,

⁵⁶ См.: *Панеях Э.* Неформальные институты и использование формальных правил: закон действующий vs. закон применяемый // *Политическая наука.* 2003. №1.

выступающих в роли пользователей правовой продукции. Им тоже свойствен конфликт намерений использовать в частных интересах только еще виртуально наметившееся политико-правовое решение, продиктованный механизмами аккумуляции в административных, экономических, культурных и этнических лобби информации о настроениях электоральных групп. При отмеченных обстоятельствах в самом смысловом пространстве подготавливаемого решения компромисс априорных намерений невозможен, поскольку за каждым таким намерением или ожиданием стоят особые политические интересы, отступить от которых лидер-законотворец просто так не может без гарантий, каковыми могут быть соответствующие уступки со стороны прочих участников законотворчества⁵⁷. Такое взаимопонимание в политике возможно, но на практике реализуемо очень редко. Прежде всего ввиду возможности для одного из участников законотворчества использовать свое преимущество в политических, административных и иных ресурсах для разрешения конфликта намерений более простым способом, то есть просто навязать другим свою волю или купить их согласие с собой⁵⁸.

Следовательно, побудительный мотив к соблюдению пропорциональности в смысле вырабатываемого политического решения должен находиться вне самого пространства законотворческой процедуры и иметь такой же априорный характер, как и намерения взаимодействующих в законотворчестве субъектов. Необходим априорный эталон согласования политических намерений и законодательных решений, о происхождении которого говорилось выше.

В содержании самого законодательного акта должен быть отражен один из прежде согласованных эталонов пропорциональности, который в процессе реализации субъектами политики своих функций в правовом процессе обозначает ту самую точку пересечения их полярных прежде интересов, о которой говорилось выше. Для правового акта, рассчитанного на политическое звучание, важна, таким образом, не только формально-понятийная соразмерность и точность в привязке к реальным функциям властных и общественных институтов, но и пропорциональность как учет (на уровне выработки и согласования смыслов) максимально широкого круга интересов тех субъектов политики, существование которых этот акт затрагивает.

В приложении к практике политологического исследования, ориентированного на российскую политико-правовую конкретику, эта теоретическая схема подразумевает, что научное заключение о соблюдении или несоблюдении участниками правовой политики принципа пропорциональ-

⁵⁷ См.: *Щербак А.Н.* Коалиционная политика российских партий // Полис. №1.

⁵⁸ См.: *Холмс С.* Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. 1997. Т.2. №4.

ности должно базироваться не только и не столько на констатации формального равенства долей их участия в создании закона и в последующем использовании его в общественной и государственной жизни. Важным основанием такого заключения является анализ общей конфигурации и динамики политических интересов, а также укорененных в общественном сознании и сознании элит традиционных представлений о сути и форме нормотворческих процедур, об условиях обращения к эталонам политической пропорциональности для гармонизации политико-правовой практики и о возможности использования каких-либо дополнительных административных, материальных и культурно-информационных ресурсов для мотивации своего отказа от следования этим эталонам. В этом случае у исследователя появляется возможность оценить, наряду с формальными аспектами политико-правового процесса, его разрушительный либо конструктивный потенциал для перспектив формирования институтов гражданского общества, укрепления системы национальной безопасности, накопления российским обществом и государством демократического опыта.

Анализ административного уровня проявления принципа пропорциональности в политическом процессе также требует некоторых предварительных замечаний. То, что в России политика и администрирование представляют собой «одну сторону медали», отечественная научная мысль отметила давно. Длительный опыт отечественного государственного авторитаризма для стороннего наблюдателя всегда выступал и сегодня выступает аргументом в пользу естественности такого порядка. Синтез политических и административных функций благодаря масштабу отечественного исторического процесса поднимается до значимости специфического атрибута российской цивилизованности. Но атрибут этот не признается нормой. Аналитики обычно ведут речь об отклонении от нормы, каковой выступает уже упоминавшаяся ранее «западная» версия теории «разделения властей».

Проблема состоит в том, что современная российская и зарубежная политическая жизнь доставляет множество фактических аргументов в пользу того, чтобы рассматривать такое функциональное смешение в качестве способа повышения эффективности демократии. Фактические аргументы же в пользу привычной «классической» трактовки «разделения властей», как правило, черпаются из сферы исторического опыта западноевропейской и североамериканской демократии и такая естественная временная асинхронность используемых исследователями фактических аргументов делает доказательные процедуры поборников политологической классики уязвимыми.

В публичных выступлениях российских политиков и отечественной политологической аналитике идея сильной и демократичной государственной власти очень часто прямо ассоциируется (и это возводится в ранг насущной социально-политической потребности) с перспективой соединения в одних руках на разных этажах властной вертикали функций полити-

ческого управления и функций администрирования. Фактическим аргументом эффективности такого решения является широкая миграция государственных чиновников в политическую сферу без отрыва от административной метрополии. И хотя многие подобные случаи, очевидно, противоречат российскому законодательству, они воспринимаются обществом и элитой как разумное отступление от законов демократического общества, которые есть в значительной мере дань «западной» либерально-демократической традиции.

При таком раскладе интересов государственной элиты и господствующих настроениях массового сознания может показаться, что сама постановка вопроса о какой-либо пропорциональности по отношению к политико-административной сфере неуместна. Теоретически на сложившуюся ситуацию можно посмотреть и иначе. Первый вывод, который предусматривает оговоренная в начале раздела общая схема, это то, что современный синтез административных и политических функций есть современный продукт процесса колебаний интересов различных политических сил около некоторой нулевой точки, эталона решения такой проблемы, каковым выступает административно-политический опыт советского времени.

Условия генезиса постсоветских административно-политических элит, подробно изученные отечественной наукой, способствовали выбору в качестве эталона гармонизации политических отношений в административной сфере именно советского партийно-государственного опыта. Известная кампания по деполитизации институтов государственного управления, развернутая в первой половине 90-х гг. минувшего столетия, лишь укрепила в политической элите понимание широких возможностей, открываемых совмещением административных и политических функций и неизбежных утрат, к которым ведет принципиальное следование классической схеме «разделения властей».

Следует, однако, заметить, что при решении судьбы административно-политических отношений в России был задействован и внешний эталон пропорциональности, способный теоретически гармонизировать весь стиль властно-общественных отношений, а именно «западный» принцип многопартийности, позволяющий привнести в сферу администрирования принципы либеральной демократии и тем смягчить для граждан соприкосновение с вертикалью государственной власти. И, что особенно важно, саму эту вертикаль перевести в режим самоконтроля и самовоспроизводства за счет внутренних ресурсов. Привести вертикаль власти в то идеальное состояние самодостаточности и нетождественности текущим интересам со-

циальных групп и отрядов политических элит, о котором мечтали теоретики западноевропейского этатизма, начиная с эпохи Возрождения⁵⁹.

Наличие двух эталонов гармонизации политической жизни, каждый из которых имел высокий уровень социальной легитимности и историческую апробацию, придало отечественному политическому процессу неустойчивость. Колебания интересов субъектов, взаимодействующих в российском политическом пространстве, осуществлялись не около одной «точки обретения консенсуса», обозначенной эталоном пропорциональности, как это желательно для поддержания ровной динамики политического процесса, а около двух точек, заданных двумя одновременно легитимными эталонами.

Политические конфликты, которыми отмечено последнее десятилетие минувшего века, имели, таким образом, более глубокую подоснову, чем простое столкновение властных амбиций и идеологических предпочтений.

Перечисленные выше обстоятельства объективно затрудняют анализ проявлений пропорциональности на уровне административно-политических отношений. В первом приближении очевидна необходимость учета в теоретических построениях отмеченной деформации (в части раздвоения эталона) в процедуре гармонизации политических отношений. Соответственно для построения корректной политологической оценки важна определенная сортировка административно-политической фактуры по двум подуровням. В одном подуровне можно свести фактуру, своим происхождением связанную с отечественным эталоном пропорциональности. В другом – все, что имеет отношение к заимствованному эталону пропорциональности. Оценка того, достигнут или нет эффект гармонии и реализован ли принцип пропорциональности, будет в этом случае построена на избирательном отношении к фактам политической жизни.

Критериями для классификации политической фактуры по подуровням могут послужить различные основания в зависимости от масштаба предметной области (региональный или федеральный масштаб) и в зависимости от конкретной цели политологического исследования, от собственной позиции и научных предпочтений автора. Для специалиста, занимающегося проблемой становления постсоветских политических элит, например, естественным будет сосредоточение внимания, во-первых, на политических традициях, позаимствованных этими элитами из прошлого в процессе их генезиса. Для политолога, пытающегося согласовать свое исследование с позициями определенных социальных групп и стремящегося реализовать общественную точку зрения на политические процессы, столь же естественным будет первоочередное внимание к фактам, посредством

⁵⁹ См.: *Скинер К. The State // Понятие государства в четырех языках. М.;СПб., 2002. С. 12–74.*

которых ему, например, удастся сформулировать ответ на принципиальный вопрос: устремлено общественное сознание к ценностям и моделям либеральной демократии или же нет?

В любом случае анализ политико-административной сферы на предмет выявления в ней признаков политической пропорциональности подразумевает предварительное четкое определение статуса тех групп фактов, которые имеют отношение к той или иной системе административно-политических связей, ориентированной на свой, особый, эталон пропорциональности.

В предлагаемом ракурсе проблему совмещения в политической практике административных и политических полномочий можно рассматривать не только как проблему баланса форм и функций, но и как проблему соблюдения баланса между эталонами решения политических и административных решений. Это дает возможность вывести политологический анализ на более общий сюжет, который давно дискутируется отечественными специалистами: приемлемо или нет для России заимствование зарубежных демократических образцов. С учетом того, что совместимость политических явлений и процессов определяется их смыслом и логикой организации, оценка данного вопроса может быть более взвешенной и корректной, нежели общие публицистические рассуждения о самобытности или общности судеб России и Европы и необходимости вернуть Россию на «магистральный путь» мировой цивилизации.

Анализ проявлений пропорциональности на уровне политико-экономических отношений также имеет свою теоретическую специфику. Особенно если рассматривать политическую и экономическую практику не как две автономные сферы деятельности, а с позиции междисциплинарности как единую систему управленческих решений, распределения ресурсных потоков, производства единого прибавочного продукта⁶⁰. В этом случае проявления принципа пропорциональности можно искать в ситуациях взаимного детерминирования политических и экономических связей. По природе своей эталон пропорциональности для данного уровня общественно-политических отношений будет выглядеть как различным образом сложившиеся и исторически апробированные комбинации способов достижения гармонии чисто политического и чисто экономического интере-

⁶⁰ Политика создает свой прибавочный продукт в виде правовых и административных возможностей, больших возможностей для самореализации талантов человека и его властных амбиций, но лишь постольку, поскольку открывает ему более свободный доступ и в больших объемах к пользованию экономическими ресурсами. С другой стороны, значимость экономического ресурса, созданного в процессе чисто хозяйственной деятельности в виде прибавочного продукта, возрастает многократно тогда, когда интерес к нему проявляют различные политические силы. Так что правомерно говорить о единстве того предмета, вокруг которого выстраивается вся система политико-экономических отношений.

са. В этой области социальной практики также можно наблюдать ситуацию одновременного проявления двух и более эталонов пропорциональности. Двумя основными, как и в политико-административной сфере, выступают советский опыт достижения консенсуса и заимствованный западноевропейский «стандарт» решения политико-экономических проблем. Дело, однако, в том, что средствами экономической науки гораздо успешнее, чем это получается у других общественных наук (поскольку в экономической теории активнее задействуются математические инструменты), можно создавать достаточно большой ряд теоретических решений, каждое из которых будет претендовать на роль единственно правильного решения, то есть на роль эталона. В таком эталонном виде оно, это решение, посредством механизма экономических реформ, в случае успеха последних, может занять соответствующее место в массовом сознании. Если обратиться к истории России последнего десятилетия, то в общественном сознании одновременно прижились на правах общественно значимых эталонов идеи хозрасчета, монетаризма, социальной ориентированности экономики. И за каждым эталоном стояли определенные политические силы.

Пропорциональность в информационной сфере, может быть, и не столь важна для макродинамики политического процесса, как поддержание пропорциональности в других вышеозначенных сферах, но она как проблема осознается обществом намного острее. Возможно потому, что нарушения в этой области более очевидны для всех потребителей политической информации. Поясним это на примере, теперь уже имеющем отношение к отечественной истории. Согласно данным мониторинга Европейского института СМИ в период предпоследних президентских выборов в России только по трем общероссийским телевизионным каналам в течение двух недель между первым и вторым турами выборов (Б.Н. Ельцин опережал Г.А. Зюганова по популярности у электората всего на 3%) Б.Н. Ельцин упоминался журналистами 247 раз в положительном контексте и ни разу в отрицательном. Тогда же Г.А. Зюганов был упомянут 241 раз в отрицательном контексте и ни разу в контексте положительном. Директор института, проводившего исследование, Бернард Петер Ланж заявил, что в России «поведение СМИ запятнало демократический процесс»⁶¹. Данный пример сугубо статистический показатель перекоса в информационном пространстве политической жизни. Качественные диспропорции так же отчетливо прослеживаются на уровне применяемых в электоральных процедурах «черных технологий».

Обвинения в адрес отечественных СМИ в провоцировании диспропорций в информационном пространстве неосновательны, поскольку вклад в это дело вносят все государственные и общественно-политические силы. Например, Е.Т. Гайдар на протяжении последних десяти лет воспроизво-

⁶¹ Кьеза Д. «Всенародно избранный» // Свободная мысль. 1997. №5. С. 35.

дит свою оценку дореформенного состояния СССР: накануне перестройки страна находилась на грани тотального голода. В то же время, по данным Академии сельского хозяйства РФ, озвученным «Радио России» 27 февраля 1996 г., по уровню потребления продуктов питания Россия в 1985 г. была на пятом месте в мире, а в 1995 г. переместилась на сороковое место. В 90-е гг., по данным того же источника, ежегодное сокращение производства сельхозпродукции происходило в объеме 5–6%. Налицо принципиальная невозможность свести такую информацию к общему знаменателю.

Призывы одних поставщиков политической информации к другим вести себя добросовестно за последние полтора десятилетия дали такой же незначительный результат, как и попытки гармонизировать информационную сферу политики при помощи государственного законодательства. Это побудило многих отечественных экспертов говорить о потенциальной нереализуемости в информационной сфере принципа гармонии и соответствия каким-либо общественно и государственно удовлетворительным эталонам, а также о возможности для СМИ совершить «подмену» эталонов в политической жизни социума⁶².

Культурный уровень проявления принципа пропорциональности в социально-политических отношениях имеет, может быть, наиболее ярко выраженную специфику. Этот момент фиксируется широким употреблением в науке и обыденной практике для его обозначения специального понятия – «политическая культура».

Следует заметить, что понятие «культура» в общефилософском смысле имеет научную функциональность только и именно как обозначение определенных пропорций внутри сфер человеческой жизнедеятельности и между этими сферами. С данным обстоятельством, на наш взгляд, связана тенденция к бесконечному умножению в современной науке определений того, что есть «культура». Яркость и очевидная функциональность всех элементов системы «культура» (а элементарность и функциональность выражены в любой национальной культуре не менее ярко, чем, например, в любой национальной экономике) толкает исследователя на путь определения сущности этого предмета посредством описания его элементов и функций. А поскольку элементов и функций множество, то описательный ряд тоже ширится и возникает вопрос: понятие «культура» охватывает все человеческое бытие или только какую-то определенную его часть? В этом смысле известное суждение Ф. Ницше, что политика есть культура, безусловно, было очень симптоматичным для науки рубежа XIX–XX вв.

Есть другой путь рассуждения. Можно отнести к области культуры те проявления человеческого творчества, в которых наиболее последова-

⁶² См.: Мельвиль А.Ю. Так что же случилось с «российским выбором»? // Полис. 2003. №4. С. 162.

тельно выражен принцип пропорциональности. Уровень «культуры», таким образом, есть сфера, в которой концентрируется исторически накапливаемый социумом опыт поддержания пропорциональности во всех прочих сферах деятельности людей.

В этом смысле понятие «политическая культура» обозначает момент переноса на политическую жизнь исторически верифицированных социумом общих представлений о пропорциональности. Таким образом, появляется возможность для ученого при помощи понятия «политическая культура» подчеркнуть именно те специфические моменты пропорциональности в системе социально-политических отношений, которые определяют характер национально-государственных политических процессов.

Как принцип организации культурной сферы и как принцип выполнения этой сферой медиативной функции в отношении прочих сфер человеческой деятельности, «пропорциональность» можно рассматривать как нечто тождественное по смыслу идее демократии. Идея видеть в демократии не столько форму правления, сколько оптимальный образ общественной жизни, принцип взаимодействия элементов социально-политической структуры. К ней каждый раз возвращается политическая мысль, когда политическая практика актуализирует вопрос об основах легитимности институтов демократического правления.

В современной России интерес к этому сюжету подпитывается устойчиво вялой реакцией общества на различные структурные перестройки в вертикалях власти (что в сознании политической и части научной элиты предстает зримым выражением «необратимости демократических реформ»). Соответственно эта общественная пассивность выводит на передний план вопрос: если демократический прогресс в России есть, то каково его конкретное выражение, и что, собственно, может быть предметом внимания политолога, если его внимание к структурным переменам во власти выглядит несоответствующим сложившимся общественным предпочтениям?

На первое место в ряду политологов, пытавшихся осмыслить демократию на уровне общественного выбора оптимального стиля повседневной жизни, можно поставить американского исследователя первой половины минувшего столетия Дж. Дюи. В исследованиях «Демократия и образование», «Свобода и культура» он сформулировал ряд тезисов, которые и сегодня активно пропагандируются его последователями⁶³. На некоторые принципиальные моменты в этих интерпретациях важно обратить внимание в контексте рассматриваемой проблематики.

Понимание того, что есть проявление пропорциональности в демократии, прямо зависит от трактовки ученым самого этого феномена демо-

⁶³ Цит. по: *Стур Дж.-Дж.* Открывая демократию заново (I) // Полис. 2003. №5. С. 12–24.

кратии. «Очевидно, – пишет Дж.-Дж. Стур, – что сегодня мы думаем о демократии почти исключительно в контексте лишь одного социального института – правительства (причем, как правило, национального). С точки зрения власти и силы, для этого, возможно, имеются веские основания: правительство нередко выступало и выступает в качестве конечной власти в обществе и потому зачастую обладает возможностью (не важно, использует оно ее или нет) определять, хотя бы частично, какой характер – демократический или недемократический – будет носить процесс принятия решений в других институтах и сферах жизни ... Короче говоря, в общем и целом демократия сегодня понимается как форма правления»⁶⁴.

Уже во времена А. де Токвиля такое понимание демократии выглядело искусственно зауженным. Реальное принятие демократических решений (во многом по этому основанию французский мыслитель и отделил политическую демократическую централизацию от административной демократической централизации) всегда происходит в конкретном пространственно-временном контексте по поводу определенных проблем. Поэтому в той мере, в какой любая из человеческих практик (семья, трудовой коллектив, сообщество по интересам) включает в себя элементы демократических процедур, они, каждая из этих практик, воплощают в себе демократический стиль общественной жизни. На практике это делает демократию как стиль жизни феноменом тотальным, но трудно уловимым. Во всяком случае (если говорить о сложившейся в современной политической науке ситуации) феноменом трудно уловимым наиболее распространенными средствами научного анализа, отработанными на изучении европейской политологией динамики институциональных форм.

Между тем понимание демократии как формы жизни, а не просто формы правления, не противоречит требованиям научности. Институциональные формы демократии будут в этом случае представлять лишь одно из возможных измерений демократии, а именно ее специфически политическое измерение. С учетом проявления демократического начала во многих других общественных практиках возможно в принципе построение других измерений демократии. Поскольку между различными общественными практиками, реализующими демократическое начало организации, в каждой цивилизационной системе устанавливается определенное соотношение, определенная пропорциональность, постольку можно говорить и о том, что устанавливается определенная пропорция и между указанными измерениями демократии.

Идея демократии, понимаемая как принцип и основание взаимосвязи между различными демократизированными практиками, таким образом, предстает в виде исторически выработанной версии или модели реализации принципа пропорциональности в общественной жизни в целом и, сле-

⁶⁴ Цит. по: *Стур Дж.-Дж.* Открывая демократию заново (I). С.12.

довательно, в виде модели культуры. Национально-государственные различия в сущности и комбинациях общественных практик придают демократии в реальном историческом исполнении то различие обликов, которое побуждает политическую мысль периодически возвращаться к вопросу о том, есть ли демократия вообще или есть различные вариации устройства общественно-властных отношений, которые для удобства и доказательства ценности «западного» цивилизационного опыта мы условно обозначаем понятием «демократия».

Принятый нами ракурс позволяет говорить о демократии как универсальном культурном принципе социально-политической пропорциональности, который, по определению, не может проявить себя в универсальных культурных формах.

Цивилизационное преимущество демократии перед авторитарной моделью достижения пропорциональности во всех общественных практиках, возможно, заключается в свойстве центральной условной точки, вокруг которой балансируют различные социальные практики. Она, напомним, представляет собой аккумуляцию исторического опыта социума. Демократия как пропорциональность⁶⁵ подразумевает, во-первых, аккумуляцию гораздо большего числа личностных и групповых исторических опытов посредством правовых механизмов и механизмов представительства, чем при авторитарном стиле общественно-политических отношений. А во-вторых, она подразумевает иное качество аккумуляруемого опыта как опыта в полном смысле общественного, не ограниченного господством в общественно-политической жизни элитарных групп, когда опыт господствующих классов и сословий определяется как единственно верный ориентир политического, экономического и культурного прогресса. Соответственно демократический ориентир для согласования противоречий между частными практиками изначально формируется как более информативный и вариативный, что облегчает всем участникам политической жизни согласование своих разнородных интересов и возможностей.

«Демократический выбор» современной России в свете предложенной интерпретации демократии как одного из проявлений социально-политической пропорциональности выглядит закономерной попыткой различных «команд реформаторов» усовершенствовать внутренние и внешние пропорции российской общественно-политической жизни. Проблема состоит в том, что это оправданное намерение не было сообразовано с одним ключевым моментом в осуществлении обществом своего выбора. Уже упомянутый американский политолог Дж.-Дж. Стур совершенно справедливо отмечает, что ключевой особенностью демократии как образа жизни

⁶⁵ В принципе, как специфическую модель достижения обществом и властью состояний пропорциональности можно рассматривать историческое бытование любой политической системы.

является ведущая роль «демократической веры»⁶⁶. Действительно, поскольку демократия и авторитаризм приводят общественно-политическую жизнь к состояниям пропорциональности, постольку общественный выбор в пользу той или иной модели будет результатом априорного определения одних средств достижения пропорциональности (например, авторитарных) как «плохих», а других (например, демократических) как «хороших». Или же наоборот.

В этом случае априорного выбора обретают практический смысл политическая агитация и идеологическая пропаганда. И состоявшийся под их воздействием общественный выбор дает исходную возможность сформироваться демократическому либо авторитарному историческому опыту в качестве ориентира общественно-политического развития и той самой условной «нулевой точки», вокруг которой далее начинает балансировать, стремясь к пропорциональности, вся наличная система общественных практик.

В контексте представления о демократии как апробированной обществом модели реализации принципа социально-политической пропорциональности имеет смысл вести разговор и о демократии, как о таком стиле жизни, который более, чем авторитарный порядок, обеспечивает национальную безопасность. В последнее десятилетие этот аспект демократической политики стал предметом активных политических и научных дискуссий. Главным пунктом их разногласий, если отвлечься от частных случаев, был вопрос о том, какие свойства демократии потенциально и реально обеспечивают личностную и общественную безопасность.

Для человека или общественной группы наиболее безопасными, на наш взгляд, являются (если под безопасностью понимать возможность для человека достичь желаемого результата своих действий без нарушения его нормального физического и психологического состояния) те ситуации, при которых человек может просчитать оптимальный порядок своих действий, опираясь на свои представления о сложившейся пропорциональности между элементами социальной системы. Такое определение безопасности нельзя считать единственно верным, но оно, безусловно, функционально в принятом нами ракурсе анализа, потому что трудность просчитывания оптимального порядка действия для любого субъекта политики в демократической системе отношений очевидна. Такая трудность проистекает из огромного количества условий и показателей, которые субъект должен принять в расчет.

Соответственно демократия по определению является опасным стилем жизни. Эта опасность компенсируется тем, что общество и государство обставляют свой повседневный политический быт множеством ин-

⁶⁶ Стур Дж.-Дж. Открывая демократию заново (I). С. 23.

ституты, уравновешивающих влияние друг друга и надзирающих за действиями друг друга. Именно это, на наш взгляд, заставляет большинство людей видеть в демократии прежде всего набор институциональных форм.

Общий обзор специфики проявлений пропорциональности на различных уровнях протекания политического процесса и те основания, которые были приведены в доказательство необходимости для политической науки эту специфику учитывать, позволяют сделать некоторые выводы. Изучение смысла и конкретных проявлений принципа пропорциональности приближает политическую науку к пониманию механизма образования дистанции между политикой желательной и политикой, реально осуществляемой. Даже достижение пропорциональности на одном или двух уровнях само по себе не обеспечивает политике той гармоничности, какую хотят в ней видеть ее участники. Принцип пропорциональности организует своего рода алгоритм политического процесса, в котором несоблюдение одной из операций лишает стройности всю последовательность действий. Соответственно внимание к этому принципиальному основанию политического процесса делает возможной разработку такого ракурса анализа социально-политических процессов, который не только формально (по тому принципу, что политологу приходится изучать экономику и информационно-культурную сферу не по причине методологической потребности, а просто потому, что его к этому обязывает научная традиция и невозможность игнорировать бросающийся в глаза массив интересных данных), но и органически будет соединять в единую научную картину данные из разных сфер человеческой деятельности. У современной политологии, таким образом, появляется шанс завершить на уровне появления прикладных методик ту творческую работу, которую еще в XIX в. начали многие видные зарубежные и отечественные интеллектуалы, поставившие вопрос о существовании феномена пропорциональности как выражения общей закономерности развития больших систем, в том числе и систем социально-политических.

Глава 2. ПРОПОРЦИИ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

2.1. Экономические пропорции и экономическая политика

В современной литературе отсутствует единство взглядов на то, зачем и как политика должна и должна ли вмешиваться в процессы социального воспроизводства. Одни утверждают, что ориентация на политику разрушает естественный порядок экономических пропорций⁶⁷. Другие, напротив, утверждают, что без некоторой доли «политичности» и политической ангажированности социально-экономических пропорций нельзя выстроить вообще. В лучшем случае мы получим криминальное сообщество с альтернативным легальному теневым порядком пропорциональности⁶⁸.

Тот или иной ответ обычно привязывается исследователем к собственному пониманию как законов политики, так и законов экономики. Следовательно (так можно сформулировать общее исходное положение наших дальнейших рассуждений), ответ на вопрос о порядке взаимодействия политических и экономических пропорций должен быть коррелирован с проблемой интеллектуальных традиций, заставляющих научное сообщество расходиться во мнениях на предмет и жестко дифференцировать или синтезировать законы экономических и политических процессов. Он должен быть коррелирован также с теми смыслами, которые современная наука вкладывает в свои определения законов развития и законов связи экономических и политических институтов.

Э. Дюркгейм еще в XIX в. сформулировал закон углубления общественного разделения труда и тенденции его объединения в кооперацию,

⁶⁷ См.: Попов Р., Сусаров А. Социальная напряженность и социальное неблагополучие // Регионы России в 1998 году. М., 1999. С.138–155; Лысенко В., Матвеев В. Роль субъективного фактора в проведении реформ в регионах Российской Федерации // Экономические реформы в регионах Российской Федерации. М., 1998. С.100–120.

⁶⁸ См.: Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. №1; Филатов В., Фатеев С. Экономическая политика нынешней России: сравнение разных подходов // Власть. 1997. №8. С. 65–71; Иванов Н. Деньги делают в тени // НГ – политэкономия. Прил. к «Независимой газете». М., 1999. №5. С. 3.

то есть обобществления труда⁶⁹. В развитии общественных систем на основе возрастания роли коллективного труда проявляется тенденция к обобществлению продуктов труда, средств производства и т.д. Углубление разделения труда – суть обобществление производительных сил. К этому следует добавить, что кооперативное начало проявляется в виде разделения труда в экономике. Проявлением того же самого кооперативного начала в экономике выступает политика. Стало быть, на этом формальном уровне противоречия экономической и политической линий выстраивания пропорций не должно быть по определению⁷⁰.

К. Маркс, используя концепцию социально-экономических формаций, предложил некоторые общие формулировки законов, определяющих динамику отношений этих двух линий выстраивания пропорций и соответственно общих законов взаимодействия экономики и политики⁷¹. Для отечественной гуманитарной науки эти законы стали своего рода интеллектуальной традицией. В любом учебнике по обществознанию и сегодня можно прочитать, и это действительно так, что практически все исторически сложившиеся в мире общественные системы имеют государственную форму своего существования. Государство выступает основным социально-политическим институтом, осуществляющим монопольное регулирование практически всей системы общественных отношений. На основе государственной монополии на регулирование общественных отношений после Великой Октябрьской социалистической революции было построено государство нового типа – Союз Советских Социалистических Республик, в котором процесс обобществления был доведен практически до максимума, абсолюта – все средства производства были национализированы.

Под влиянием примера Советской России западные общественно-политические системы были вынуждены ускорить процесс обобществления в своих странах для снятия развивавшегося у них социального напряжения. Но у них сложились несколько иные формы. Первая из основных форм обобществления – это государственная монополия с удельным весом права регулирования общественных процессов, более 50% на основе так называемых естественных экономических монополий (то есть тех, которые принадлежат государству). Вторая – это процесс акционирования частных и государственных производств и предприятий. Национализация основных средств производства, монополизация права регулирования общественных отношений государством, акционирование собственности на средства про-

⁶⁹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. М., 1990. С. 244.

⁷⁰ См.: Перегудов С., Латина Н., Семенко И. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

⁷¹ См.: Маркс К. Капитал. М., 1988. Т.1. С. 10.

изводства и самого производства – суть современной политики обобществления⁷².

В этом процессе, также на уровне внутреннего качества, обнаруживается связь двух сторон процесса обобществления. Он одновременно представляет собой процесс выстраивания экономических пропорций и процесс выстраивания пропорций политических, ибо любой процесс обобществления есть важнейший структурный элемент политического процесса. Закономерно по мере общественного прогресса сложилось направление обобществления – возрастание роли государства как регулятора экономических, политических и социальных процессов.

Это направление обеспечивает необходимую, общественно признанную поддержку как обобществления производительных сил (поощряя, например, низкорентабельные, но социально значимые сферы производства: малый бизнес, социальную инфраструктуру, сельское хозяйство и добывающую промышленность и т.п.), так и в сфере производственных отношений, что, в свою очередь, проявляется в повышении жизненного уровня трудящихся (например, через введение минимального уровня заработной платы и т.п.), уменьшении дифференциации доходов, организации государственной системы воспитания и образования, социальной защиты и т.д.⁷³

Выделение государственного регулирования как составляющей процесса обобществления оправдано еще и тем, что, благодаря ему, было сглажено противоречие между трудом и капиталом, казавшееся еще полвека тому назад неразрешимым.

В общем плане динамика развития пропорциональности в государственной системе совпадает с динамикой развития пропорциональности в системе экономической. Государственная система проходит ряд основных ступеней в своем развитии, выступая сначала в роли политического защитника класса собственников, затем в роли регулятора отдельных экономических, политических и социальных процессов, отражающих необходимость защиты буржуазии от революций и кризисов (30-е гг.), и, наконец,

⁷² См.: *Аверин А.Н.* Социальная рыночная экономика и социальное государство (на примере России и Германии) // Современная Германия глазами российских ученых. Ростов н/Д, 2002. С.121–135.

⁷³ См.: *Акимов А.К.* Регулирование социального развития региона в условиях становления рыночной экономики: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1994. 36 с.; *Канцеров Р.А.* Федеральнй округ как институциональный инструмент государственного регулирования экономики // Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России: Докл. и сообщения на междунар. конф. Ростов н/Д, 2001. Вып. 4. С. 74–76.

в роли непосредственного участника процесса воспроизводства, идеолога и воспитателя общегуманистических ценностей (70–80-е гг.⁷⁴).

Сегодня государство через механизм постоянно усовершенствуемых демократических выборов, через отлаженную систему государственных органов власти и управления, через действенный механизм общественного контроля превращается в орган национального демократического самоуправления. Но при этом государство сохраняет функцию защиты господствующего класса. Не случайно все мало-мальски организованные политические партии и движения активно борются в политической и всех других видах борьбы за право распоряжаться государственной собственностью, государственной системой перераспределения совокупного общественного богатства (национального дохода и продукта).

В то же время и экономическая сфера приобретает структурированность в тот момент, когда приобретенный в собственность ресурс оказывается под угрозой и для его защиты собственникам необходимо консолидироваться в «господствующий класс», получить контроль над государством. На следующем этапе экономические структуры приобретают совершенно новое качество в то время, когда нарастание конкурентных отношений заставляет акторов экономического процесса искать вовне процессов производства и распределения третью силу, способную привести экономику в состояние равновесия и пропорциональности. Наконец, на третьем этапе экономическое развитие становится немыслимым без государственной политики протекционизма, государственных субсидий и инвестиций, то есть экономическое развитие становится в принципе невозможным без участия государственных институтов точно так же, как развитие этих институтов немыслимо без участия их в распределении и производстве общественного богатства. Если же обратиться к современному состоянию экономической системы (хотя бы в России, при всем том, что ее экономическая система дает устойчиво кривые отражения закономерностей в развитых системах Запада), то позиционирование нравственных императивов деятельности сегодня и дает бизнесу выигрыш в плане социального имиджа, и служит пропуском в политику.

Акцент на связи обобществления с прогрессом политической жизни представляется особенно важным и актуальным для любого периода времени и страны. Только проецируя влияние обобществления на рост эффективности общественно-политической самоорганизации, можно говорить о росте «обобществления на деле». Опыт нашей страны показал миру ситуацию, когда уровень обобществления не соответствовал уровню развития

⁷⁴ Для гражданских историков очень часто именно такая взаимозависимость служит мотивом для выделения периодов, этапов для развития социально-политических систем, особенно тех, в которых ярко выражены сословно-классовые противоречия.

производительных сил и производственных отношений. Низкая техническая оснащенность процессов принятия управленческих решений, отсутствие демократических выборов и действенного общественного контроля за деятельностью органов власти и т.д. были следствием подмены государственной собственности бюрократической, а общественное распределение свели к малоэффективной уравниловке трудящихся в сочетании с высочайшими привилегиями и доходами «власть имущих»⁷⁵.

Итак, пропорциональность в системе общественного воспроизводства обеспечивается не просто обобществлением, а оптимальным уровнем его и выбором соответствующих форм проявления. Во всех странах степень обобществления производства растет в период войн и политических кризисов и Россия здесь не исключение⁷⁶.

Соотношение частного предпринимательства и обобществленного производства, чтобы соответствовать пропорциональности в демократической политической системе, также должно быть оптимально выстроенным согласно национальным особенностям функционирования системы воспроизводства. Факторы, определяющие оптимум в процессе общественно-го воспроизводства, можно свести в четыре группы: экономические, социальные, политические, идеологические (духовные). Не претендуя на исчерпывающую полноту, остановимся на некоторых из них.

К экономическим факторам, влияющим на величину оптимального уровня обобществления производства, можно отнести, например, структуру национальной экономики (отраслевую, по типам предприятий, по соотношению в ней рыночных и плановых секторов), исторически сложившийся размер государственного сектора и другие. Так, преобладание легкой промышленности и сферы услуг тормозит процесс обобществления. Эти сферы характеризуются очевидным преимуществом частного предпринимательства. Наоборот, наличие крупных предприятий способствует большему распространению плановых рычагов, ориентирует экономику на стратегическое управление, а не потворствование сиюминутным рыночным интересам.

⁷⁵ См.: *Афанасьев М.Н.* Клиентеллизм и российская государственность. М., 1997.

⁷⁶ См.: *Зудин А.Ю.* Государство и бизнес в посткоммунистической России: цикличность и перспективы институализации // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальной политики. М., 1998. Автор полагает, что на протяжении 90-х гг. по мере развития системного кризиса отношения власти и бизнеса прошли несколько фаз. Был период неформального тесного сотрудничества (1990–1991 гг.), связанный с перераспределением госсобственности в частные руки. Затем наступил период «сдерживания» активности бизнеса государством, связанный с попыткой государства удержать ключевые экономические позиции (1992–1995 гг.), перешедший в период «сращивания» институтов власти и институтов бизнеса. Для каждого этапа автор выделяет свою конфигурацию политических и экономических пропорций.

Другим из названных факторов является доля государственных предприятий. Она традиционно высока в таких странах, как Италия, Великобритания, Австрия и Германия. Одновременно в Швеции, Японии государственная доля незначительна в производственной, но высока в банковской сфере. Опыт управления государственными предприятиями в странах первой группы позволил разработать оптимальный механизм и формы контроля, сочетающие относительную экономическую самостоятельность и централизованное регулирование (например, через систему холдингов). К социально-экономическим факторам можно отнести традиционно рассматриваемый как нормальный либо отражающий развитость экономики уровень благосостояния населения; систему государственного или общественного регулирования воспроизводства и другие. Так, допустимость относительно низкого уровня жизни отдельных слоев общества в Японии дает возможность обобщать меньшую долю национального дохода. Одновременно в Швеции высокий уровень жизни населения заставляет при сохранении демократической направленности деятельности государства собирать чрезвычайно высокие налоги⁷⁷.

Все страны имеют не только различный уровень, но и свою систему налогообложения. Например, особенность налоговой системы в Германии заключается в том, что основная масса их распределяется не на федеральном уровне, а землями, что предполагает снижение уровня обобществления национального дохода⁷⁸.

Соблюдение определенной пропорциональности необходимо и в сфере формирования трудовых ресурсов данного социума. Этот сюжет подробно исследован в монографии О.Ю. Голуб⁷⁹. Следует, однако, заметить, что автора интересовали преимущественно социологические характеристики процесса формирования общероссийского рынка трудовых ресурсов и соответственно влияние протекающих в этой сфере процессов на перспективы институализации новых социальных структур в России. Политические аспекты проблемы и, в частности, влияние пропорций интересов, функций и возможностей субъектов в политике на конфигурацию базы экономических ресурсов социума автором затрагивались в меньшей степени. Поэтому на анализе этого сюжета имеет смысл остановиться подробнее.

⁷⁷ См.: *Иванов В.Н., Матвиенко В.Я., Патрушев В.И., Молодых И.В.* Технологии политической власти. Зарубежный опыт. Киев, 1994.

⁷⁸ См.: *Игнатова Т.В., Солодков Г.П.* Региональная политика: Европейский союз и Россия // Современная Германия глазами российских ученых. Ростов н/Д, 2002. С. 41–63.

⁷⁹ См.: *Голуб О.Ю.* Социальные механизмы адаптации на российском рынке труда. Саратов, 2002.

Отечественный экономист В.С. Буланов⁸⁰ выдвинул интересную концепцию разграничения видов трудовых способностей человека, которая позволяет определить исходные рубежи воздействия политических отношений на эту область социально-экономических отношений. Автор выделяет группу способностей человека, которые непосредственно им задействуются в процессе труда. Он их называет профессиональными, первичными. Эти человеческие способности находятся в состоянии, «связанном» условиями трудового процесса, его технологическими особенностями, то есть они как бы заблокированы внутри экономической сферы.

Другая группа человеческих способностей – это те способности, которые не задействованы постоянно в процедуре общественного производства и поэтому, потенциально, могут быть очень вариативно использованы в разных сферах человеческой деятельности и особенно для установления в социуме прочных неформальных контактов между людьми. Именно эта группа человеческих свойств представляет прямой интерес для субъектов политики. Заметим, что интерес политических субъектов к состоянию «души и тела» гражданина обычно возрастает пропорционально степени демократизации социально-политических отношений в конкретной государственной системе. Эти потенциальные трудовые и творческие навыки гражданина оказываются естественным ресурсом в любой демократической электоральной процедуре. Если отвлечься от частных случаев, то смысл всей агитации и пропаганды во время осуществления электоральных процедур можно свести к обещанию (своим избирателям их дает большинство участвующих субъектов) обеспечить максимально полное раскрытие и реализацию тех способностей людей, которые прежде (и это, как правило, служит главным аргументом против политики предшественников) оставались нераскрытыми вследствие несовершенства политических отношений и механизмов. Иначе говоря, в большинстве случаев политики не просто обещают электорату все, что им придет в голову. Здесь действует, на наш взгляд, довольно жесткая закономерность. Они обещают гражданам создать все политические условия для раскрытия их потенциала к производящей деятельности.

Этим, в частности, объясняется та активность, которую проявляют в политике (российская политическая жизнь 90-х гг. минувшего столетия – классический пример) группы населения, неплотно задействованные в процессе производства материальных и духовных благ: пенсионеры, учащиеся, безработные. Парадокс состоит в том, что именно они, а не экономически активные граждане, своей повышенной политической активностью формируют эталоны стиля гражданского поведения и мышления.

⁸⁰ См.: Буланов В.С. Некоторые методологические вопросы исследования рынка труда // Общество и экономика. 1997. №7–8. С. 67–68.

При этом им свойственно стремление к занятию крайних идейных и организационных позиций на политическом пространстве. Если действуют, например, оставшиеся без работы шахтеры, то их действие и их мышление оказывается сопряжено со стачками, голодовками, пикетированиями административных учреждений. Если выступают на политической сцене пенсионеры или учащиеся, то их требования обычно никак не менее того, чтобы отдать под суд, уволить, как-то максимально жестко наказать того или иного чиновника, а если изменить политический курс государства, то сразу на все 180 градусов. И, повторим, источник такой радикальности кроется в том, что политические институты по разным причинам не проявляют интереса к существующим в потенции трудовым способностям этих людей и мало что делают для их реализации. Возникает ситуация борьбы отвергнутых официальной политикой социальных групп за «место под солнцем». И если точно так же суммировать существо общественной позиции в электоральной процедуре, то оно сведется к требованию соблюсти «справедливую» пропорцию между долями политического участия экономически активных и экономически пассивных социальных групп и пропорцию во внимании государственных институтов к интересам различных групп граждан.

Эту ситуацию, на наш взгляд, неправомерно отождествлять с настроем массового сознания российских граждан на принципы равенства, с поисками какой-то абстрактной «правды». Хотя, может быть, для культурологического исследования такие оценки и имеют смысл. Для политологического анализа важнее представить объективную предопределенность этих свойств российской гражданской культуры, так сказать, их детерминированность экономическим интересом.

В то же время группу потенциальных трудовых способностей людей можно рассматривать как важнейший канал обмена ценностями между миром экономики и миром политики. Обмена, который представляет собой механизм взаимной корректировки пропорций в этих сферах. Конкретно это выглядит так: любой человек, проходя ступени социализации, обретаясь в семейных структурах, системах образования, интегрируясь в трудовые и неформальные коллективы, постоянно коррелирует свои экономические запросы с политическими пристрастиями и наоборот, а его внутренняя пропорциональность (обычно определяемая нами как цельность человеческого характера) обнаруживается тогда, когда колебание его индивидуального гражданского выбора между полюсами экономического и политического интереса минимизируется. Большую помощь в этом человеку, как мы уже говорили в первой главе, оказывает исторический опыт социальной группы, к которой он принадлежит.

Субъект экономических отношений, достигнувший внутренней пропорциональности своих интересов, оказывается способным к поиску и установлению пропорций в экономической и политической сферах. Здесь

нет момента спонтанности. Определенным образом пропорционально организованный человек (в этом смысле ориентация политики советской власти на воспитание гармоничного строителя светлого будущего была вполне оправдана) столь же определенным образом, «под себя», при помощи своего политического и экономического участия, выстраивает пропорциональность в связях между экономической и политической сферами.

Если употребить привычное экономистам понятие, то в качестве посредничающей силы в процессе установления пропорций между экономикой и политикой современный российский гражданин и представляет собой «человеческий капитал». Уточним – капитал экономический или политический.

Если анализировать проблему в предложенном нами ракурсе, то становится возможным приложение к анализу этого человеческого капитала тех методологических принципов, при помощи которых современная экономическая наука исследует функционирование рыночных систем⁸¹. Только, на что не обращают пока достаточного внимания отечественные специалисты, в данном случае имеет место еще и образование специфического «механизма рынка» на уровне индивидуального гражданского сознания. Как справедливо отмечает О.Ю. Голуб, «...действия людей на самом деле совершаются под влиянием множества разнообразных обстоятельств и мотивов, в том числе неутилитарных. В основе выбора мест и форм занятости лежат не только индивидуальные характеристики, но и социальные факторы. Большое значение при определении поведения на рынке труда имеют такие социальные явления, как стиль работы, неформальные группы, персональный состав коллектива, коммуникации и т.д. Иногда для достижения различных целей человек даже вынужден диверсифицировать свою занятость, находя рабочие места одновременно в разных сегментах рынка труда...»⁸². По поводу этого суждения можно сделать только одно замечание: все эти человеческие действия вполне утилитарны, если распространить понятие «утилитарность» на поиск человеком для себя социально-политической пользы.

Таким образом, можно говорить об определенных закономерных взаимозависимостях экономических и политических пропорциональностей. Основанием для проявления этих закономерностей служит личность гражданина, перманентно согласующего свой экономический выбор с социально-политическими условиями и свой выбор в пользу стиля социально-политического мышления и поведения с экономическим интересом. То, что гуманитарии давно именуют гармоничной личностью, есть результат

⁸¹ Концепцию политического капитала обычно связывают с именами таких исследователей, как Г. Беккер, Я. Минсер, Т. Шульц. Об этом же пишут и некоторые отечественные специалисты. В частности, у А.Е. Шаститко есть интересные наблюдения относительно того, как индивид в процессе выбора непосредственно влияет на институциональную среду и формирование правил игры (см.: *Шаститко А.Е. Неоинституционализм // Вестн. МГУ. Сер. Экономика. 1997. №6. С. 19–20*).

⁸² *Голуб О.Ю. Указ. соч. С.19.*

конструирования в сознании человека представления о пропорции между складывающимися в данный момент времени экономическими и политическими пропорциями.

Экономические пропорции не случайно имеют первостепенное значение для функционирования социально-политических систем. Они задают образцы для выстраивания пропорций во всех прочих сферах человеческой деятельности и тем самым косвенно определяют пропорциональность всей динамики общественного развития. В этом смысле может быть принято как справедливое следующее утверждение: политика является слепком с экономики. Какую бы область экономических пропорциональностей мы ни взяли (обладание собственностью, инвестиции и налоги, менеджмент), всем этим пропорциональным системам будут соответствовать аналогичные или близкие по существу пропорции в политике и культуре.

Пропорциональность связи экономической и политической сфер, как можно определить по проанализированному нами кругу сюжетов, является проблемой преодоления современных трудностей цивилизационного развития. Экономические диспропорции, свойственные «третьему миру» и, в меньшей степени, свойственные развитому Западу, уже сегодня генерируют политические диспропорции регионального и глобального масштаба. Нынешний системный кризис мировой цивилизации в его экономической и политической ипостасях является, в сущности, порождением стремления людей перейти к новым основам пропорциональности между экономикой и политикой, когда слабое экономическое развитие не будет естественным условием господства авторитаризма в политике, а доминирование демократических институтов не будет стимулировать институализацию «обществ потребления». В определенной мере современное человечество демонстрирует стремление вырваться при помощи чисто политических решений за пределы действия объективных экономических законов и создать систему пропорций, при которой не экономика, а политика и культура будут определять ход прогресса «в конечном итоге». Поэтому, как представляется, современная политология не может игнорировать проблему формирования экономических пропорциональностей как предмет анализа и важной является задача разработки соответствующей полноценной (в настоящем параграфе мы отметили лишь некоторые теоретические моменты) методологии политологического анализа экономических пропорциональностей в связи с их влиянием на пропорциональность социально-политических систем.

2.2. Социальные пропорции и социальная политика

Особенную значимость для понимания того, как формируется внутренняя пропорциональность социально-политической системы, имеют, как наименее исследованные, социально-политические факторы. К ним можно

отнести, например, степень доверия населения к правительству. Наиболее «законопослушными» являются французы, англичане, немцы, где законодательная система существует веками и найдены формы оптимального сочетания индивидуальной свободы и ее государственного ограничения. Другим социально-политическим фактором является специфика национального менталитета. Индивидуализм или коллективизм, предпринимательство или склонность к справедливому распределению по труду – эти факторы не могут не отразиться на оптимальном уровне обобществления. Нельзя не отметить и фактор религиозности населения. Доля верующих вообще и структура их распределения по религиям также имеют существенное влияние. Любая религия (кроме протестантизма) способствует готовности к подчинению индивидуальных устремлений общественным, ориентирует население на сильную государственную власть и централизованное управление. Важными факторами являются степень политизации населения, структура и традиционная система партий и движений, уровень демократизации общества и т.д.

Реформирование в бывшем Советском Союзе, преобразование общественного строя в России существенно изменило ее экономическую, социальную и политическую жизнь. Общественное производство переживает глубокий затяжной кризис, что проявляется в падении практически всех важнейших макросоциально-экономических показателей. Так, темпы падения валового внутреннего продукта составили в 1992 г. 19%, в 1993 г. – 12%, в 1994 г. – 15%. В целом по России объем производства снизился в 1994 г. по сравнению с 1991 г. на 47,7%, а в 1998 г. – более чем на 50%⁸³. Это приводит исследователей к выводу, что Россия сохраняет и на современном этапе исторически свойственную ей экстенсивную динамику выстраивания экономических пропорций⁸⁴.

Спад общественного производства не является следствием таких прогрессивных структурных преобразований, которые сопровождаются сокращением производства продукции, не соответствующей общественным потребностям или требованиям рынка. Он имеет общий характер и связан в значительной степени со снижением инвестиционной активности субъектов хозяйственной деятельности, а также с отказом государства от управления общественным производством, от его регулирования на науч-

⁸³ См.: Материалы текущего архива Администрации Тамбовской области.

⁸⁴ См.: *Викторов В.В.* Индустриальные аспекты модернизации российской цивилизации // Государство и общество в России: генезис взаимоотношений, современное состояние, тенденции развития: Доклады и выступления на межвуз. науч.-практ. конф. М., 2003. С. 203–214.

ной основе, т.е. на основе аналитических исследований и разработок, прогнозных и плановых материалов⁸⁵.

Кризис экономики в 90-е гг. прошлого века сопровождался деиндустриализацией России и деградацией ее отраслевых и межотраслевых пропорций. Как отмечали ученые-аналитики, продолжающийся экономический кризис обретал характер саморазрушения народного хозяйства. Кризисное состояние экономики не смогло не сказаться на социально-политическом развитии российского общества. Усиливались социальные диспропорции, о чем свидетельствует не поддающаяся научному обоснованию дифференциация денежных доходов населения, заработной платы, благосостояния в целом. Так, 20% высокообеспеченного населения располагают 47,1% всех денежных доходов, а 20% низкообеспеченных – только 5,3% (данные за январь – март 1995 г.)⁸⁶.

Налицо были резко отрицательные структурные сдвиги в движении народонаселения: падение рождаемости, увеличение заболеваемости и смертности, интенсификация миграционных процессов, усиление социальной патологии. Нарушение пропорций социально-политического воспроизводства ведет к диспропорциональности общественного развития. Возникают новые проблемы: локальной и структурной безработицы, социальной защиты населения. Возникли нищета и малообеспеченность, неуверенность в завтрашнем дне. Обостряются старые проблемы, такие как жилищная, проблема здравоохранения, образования. Усугубляется экологическая обстановка. Причем экологическая проблематика аккумулирует очень широкий спектр социально-политических кризисных ситуаций⁸⁷.

Усиливается недовольство населения. Причем речь идет не только о пенсионерах, студентах, работниках бюджетной сферы, т.е. об уязвимых слоях населения. Недовольны предприниматели, которые пытаются ценой огромного физического и интеллектуального напряжения наладить производство, отрегулировать хозяйственные связи и т.п.⁸⁸ Большинство населения страны остро нуждается в порядке как основе стабилизации и дальнейшего прогрессивного развития общества⁸⁹. Порядок может быть наве-

⁸⁵ См.: Зудин А.Ю. Государство и бизнес в посткоммунистической России: цикличность и перспективы институализации // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальной политики. М., 1998.

⁸⁶ См.: Материалы текущего архива Администрации Тамбовской области.

⁸⁷ См.: Митрохина Т.Н., Сорокина Ю.В., Тушиков А.В. Экология и политика в современном обществе. Саратов, 2003.

⁸⁸ См.: Перегудов С., Лапина Н., Семенов И. Группы интересов и российское государство. М., 1999; Предпринимательский климат регионов России. География России для инвесторов и предпринимателей. М., 1997.

⁸⁹ См.: Зуев К.А. Становление общества массового потребления в России // Государство и общество в России: генезис взаимоотношений, современное состояние, тенденции развития: Доклады и выступления на межвуз. науч.-практ. конф. М., 2003. С. 226–230.

ден посредством военной силы, жесткого административного управления. Однако это нелучший способ, о чем свидетельствует российская история и текущие события, например в Чечне.

Отечественный и зарубежный опыт подсказывает другой выход: восстановление необходимого уровня управляемости общественным воспроизводством посредством воссоздания на качественно новом уровне системы макропланирования с учетом усложняющейся социально-экономической структуры и становления рыночных отношений⁹⁰. Для упорядочения экономических и социально-политических процессов, обеспечения пропорциональности и гармоничности социального развития необходимо стратегическое управление, в основе которого лежит план как модель, определяющая пропорции и темпы социального воспроизводства в будущем.

Таким образом, постановка проблемы анализа как исходной основы планирования пропорций социально-политического воспроизводства является актуальной с точки зрения ее практической значимости для вывода России из кризиса. Существует вопрос восстановления государственных монополий, разрушенных процессом приватизации. Не случайно накануне выборов 2000 г. практически все представленные в Государственной Думе политические партии были едины в одном: нужна сильная государственная власть, нужна национализация части приватизированной собственности.

В то же время рассматриваемая тема актуальна с точки зрения дальнейшего развития теории управления политическими процессами, а именно ее предмета – обоснования закономерностей формирования пропорций и темпов общественно-политического развития, в основе которого лежит социально-политический анализ. В системе управления общественным воспроизводством социально-политический анализ используется в качестве предпланового исследования, а также как этап самого планирования в качестве научного обоснования управленческих решений по формированию целей и способов их достижения.

Как мыслительный процесс анализ является неотъемлемым содержательным элементом планирования, поскольку он включает в себя расчленение объекта, выделение его элементов, выявление их взаимосвязей, противоречий, что является исходным моментом для определения направлений и способов их разрешения, обоснования последовательности действий, их согласования и взаимной увязки.

Социально-политический анализ – инструмент познания пропорций общественного развития. Разложение сложного объекта на составляющие его элементы позволяет выделить существенное, прочное, необходимое в

⁹⁰ См.: *Старостин А.М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д, 2003; *Лужков Ю.М.* Путь к эффективному государству. М., 2002.

их изменении. Следовательно, анализ служит инструментом выявления закономерностей пропорционального социального развития. Социально-политический анализ рассматривается в единстве с синтезом как основа действий по преобразованию экономической и общественной жизни.

Таким образом, постановка проблемы анализа пропорций социально-политического воспроизводства перспективна с точки зрения дальнейшего совершенствования теории общественного развития. Тем более, что в политологии проблема пропорций относится к малоразработанной, хотя интерес к ней возник давно. Об этом, в частности, пишет А.А.Давыдов. Проведенный им анализ международного библиотечного указателя Social Sciences Citation Index за период 1966–1990 гг. показал, что существует значительное количество работ, в которых рассматривается на теоретическом уровне свойство пропорциональности для различных систем, а также множество эмпирических работ, в которых характеризуются различные социальные пропорции. Однако, заключает автор, не существует теории, которая могла бы объединить разрозненные теоретические представления и эмпирические факты в единую концепцию. Данным автором и его коллегами, московскими политологами, предпринята интересная попытка разработать методологический подход к анализу пропорций изменения социальных систем в рамках структурно-функционального анализа⁹¹.

А.А. Давыдов выделяет пропорции строения, функционирования и развития социальных систем. При этом внимание акцентируется на количественной характеристике пропорций, отражающих взаимосвязь структуры, свойств и отношений, а также пропорций, отражающих функционирование и развитие системы. Пропорции рассматриваются исходя из понимания социального развития как объекта планирования на научной основе, включая и количественные оценки, определяющего логику и динамику социальных процессов, источники и основные формы их движения. При этом социальное развитие предстает как сложный противоречивый поступательный переход из одного состояния в качественно другое в результате взаимодействия внешних по отношению к данному состоянию и внутренних факторов посредством механизмов дифференциации и интеграции.

Механизмом социально-политического развития выступает общественное воспроизводство как постоянно возобновляемый процесс производства продукта и воспроизводство человека, его общественных связей, регулирования общественных отношений и распределения благ и ценностей. Поэтому теория общественного воспроизводства может служить научной базой анализа пропорций и темпов социального развития⁹².

⁹¹ См.: Модульный анализ социальных систем / А.А. Давыдов, М.Н. Васильева, А.П. Вардомацкий и др.; Отв. ред. А.А. Давыдов, М.Ф. Черныш М., 1993.

⁹² См.: Мелихов М.Б. Экономико-статистическое моделирование социальной сферы (методология и анализ): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1997.

Процессы воспроизводства продукта и человека осуществляются, как правило, на расширенной основе за счет увеличения количества производственных единиц и экстенсивного наращивания объемов, посредством диверсификации, т.е. проникновения в сферы, ранее не охватываемые общественным производством (индустриализация науки, отдыха), а также его качественного преобразования на основе дифференциации видов человеческой деятельности, усиления процессов кооперации, комбинирования, повышения качества труда, возвышения потребностей. Таким образом, расширение общественного производства, т.е. его рост, сопровождается усложнением его строения, структуры, подвижностью его пропорций.

Для характеристики расширенного воспроизводства Ю. Яковец предлагает использовать шестимерную геометрическую модель, своеобразный «кубик Рубика». Каждая его грань характеризует одну из сторон воспроизводства: его натуральную форму, воспроизводство ресурсов, стоимостный состав, стадии воспроизводства, его уровни, неравномерность развития его во времени (воспроизводственные циклы). Модель воспроизводства может служить и алгоритмом анализа важнейших социально-политических пропорций в рамках цивилизационных систем⁹³.

Опираясь на модель экономического воспроизводства, можно построить модель социально-политического воспроизводства, предназначенную для анализа пропорций и динамики социального развития. Например, в шестимерной модели можно выделить следующие грани: расширенное воспроизводство человека и общества как его результат; воспроизводство ресурсов в качестве его предпосылок; потребительно-стоимостный состав общественного воспроизводства; уровни воспроизводства человека и общества; стадии воспроизводства; временной аспект воспроизводства.

Первая грань – воспроизводство человека и общества как конечный результат общественного производства. Оно включает в себя воспроизводство человека как общественного индивида в качестве производителя и потребителя. Отсюда исходной пропорцией общественного воспроизводства, а следовательно, и социального развития, является пропорция между производительной и потребительной силами общества.

Производительная сила общества характеризуется пропорциями деятельности, а именно соотношением производственной, научной, управленческой и духовной ее видов. Это соотношение определяет важнейшие пропорции, характеризующие направленность развития общества: соотношение физического, умственного и нравственного (духовного) развития человека на основе удовлетворения его физических, духовных и социаль-

⁹³ См.: Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003; Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 1998; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

ных потребностей, т.е. потребления материальных, духовных и социальных благ.

Вторая грань – развитие общественного производства в результате взаимодействия научно-технического и социального прогресса обуславливает такие социальные структурные сдвиги, которые характеризуются увеличением доли научного, управленческого труда собственно в производстве. Противоречивое взаимодействие человека, общества и природы усиливает значимость духовной компоненты в производственной деятельности. Именно от уровня духовного развития, формирующего нормы поведения, зависит то, как осуществляется нравственный императив, накладывающий ограничения на производственную, научную и управленческую деятельность. В то же время в научной, духовной и управленческой деятельности усиливается роль производственной компоненты, что является следствием ее индустриализации, повышения фондооснащенности.

Эти сдвиги вносят коррективы в действие закономерности опережающего роста производства средств производства по сравнению с ростом производства предметов потребления, а также производства средств производства для производства предметов потребления. Все более проявляется закономерность опережающего роста средств производства в деле производства жизненных благ, а также средств производства, обеспечивающих слияние производственной, научной, управленческой и духовной деятельности: ЭВМ с искусственным интеллектом, персональных компьютеров, работающих в диалоговом режиме, контрольно-измерительных приборов, а также приборов и устройств, обеспечивающих благоприятные условия труда, нормальную его интенсивность, снимающих повышенную напряженность и т.п.⁹⁴

Производительная сила общества находится в определенном соотношении с потребительной силой. Последняя характеризуется пропорциями благосостояния, т.е. соотношением материальных, духовных и социальных благ. Анализ пропорций социального воспроизводства включает в себя анализ структуры и темпов роста производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ.

О пропорциях между потребительной и производительной силой общества можно судить по соотношению занятых в материальном и нематериальном производстве. Увеличение доли занятых в нематериальном производстве свидетельствует об увеличении потребительной силы общества вследствие возрастания ее производительной силы на основе повышения экономической эффективности. Потребительную силу общества мож-

⁹⁴ См.: Федосов Ю.А. Роль электронных финансовых услуг в жизни российского общества // Государство и общество в России: генезис взаимоотношений, современное состояние, тенденции развития: Доклады и выступления на межвуз. науч.-практ. конф. М., 2003. С. 177–180.

но рассматривать как соответствующую его производительной силе, а их соотношение брать за первичную систему отсчета потребительной силы общества в каждый данный момент времени. Потребительная сила общества будет определяться соотношением всего населения и количества занятых в материальном производстве.

Интересные суждения по вопросу о пропорциях, характеризующих соотношение производительной и потребительной силы общества, высказывает английский ученый Дж. Гершуни в коллективной монографии «Технология и экономический прогресс» (М.;СПб., 1997). Он считает, что в качестве критерия и показателя социально-экономического развития должно использоваться не соотношение удельных весов основных секторов экономики, а баланс производства, потребления и занятости в каждом секторе⁹⁵.

При этом Дж. Гершуни предлагает разработанную им систему счетов, основанную на распределении «общественного времени» между различными категориями «человеческих потребностей». Анализируя изменения в системе потребностей за 20-летний период с 1961 по 1983 гг., он выявляет три тенденции: уменьшение потребности общества в удовлетворении жизненно важных потребностей (жилище, питание) и увеличение потребности в досуге и предметах роскоши; уменьшение времени (на 10%), затрачиваемого населением на оплачиваемую работу из-за сокращения рабочего времени; при неизменных абсолютных затратах времени возрастает его доля на удовлетворение как жизненно важных потребностей, так и потребностей, связанных с досугом⁹⁶.

Пропорции, характеризующие сочетание различных видов деятельности и благ, имеют, в свою очередь, следствием пропорции, в которых соединяются умственный и физический, творческий и исполнительский труд, умственная и физическая, творческая и исполнительская деятельность. Причем творческая и исполнительская деятельность в обществе может иметь как позитивную, так и негативную направленность. Пропорции между социальной патологией, нормальными формами жизнедеятельности и творчеством (позитивным) имеют объективные основания и зависят от пропорций распределения жизненных благ между членами общества. Тенденция в структурных сдвигах такова, что сокращение неравенства в распределении и использовании жизненных благ, обусловленное сокращением социального неравенства в их производстве, ведет к оптимизации про-

⁹⁵ Цит. по: Макроэкономические пропорции: свойства и следствия. М., 2003.

⁹⁶ Цит. по: Технология и экономический прогресс // Общественные науки за рубежом. Сер. 2, Экономика. 1990. N 4. С.14.

порций между позитивным и негативным творчеством, к наполнению творческими элементами нормальных форм жизнедеятельности⁹⁷.

Производительная и потребительная сила общества характеризуются также пропорциями соотношения положения членов общества в системе общественного производства как тружеников и как собственников. Прогрессивной тенденцией социального развития общества является увеличение количества мелких и средних собственников в рыночной экономике, усиление зависимости функционирования и развития малого частного предпринимательства от трудового вклада. Однако при этом следует видеть и более глубинную тенденцию, характеризующую соединение качеств собственника и труженика в крупном производстве.

Современный рабочий высокопродуктивного производства выступает потенциальным экономическим собственником; отношение его к объективным условиям производства как к своим осуществляется посредством формирования экономического типа мышления и экономического поведения⁹⁸. На поверхности социально-экономической жизни это находит различные формы проявления: либо в развитии акционирования, либо в формировании и упрочении коллективистских тенденций, а в конечном счете, в становлении коллективных форм собственности (например, посредством создания рабочих фондов в Швеции)⁹⁹.

Пропорции между видами деятельности и использованием материальных, духовных и социальных благ, пропорции между собственниками и тружениками определяют, в свою очередь, пропорции между богатством и бедностью. Причем под богатством понимаются не только «деньги», но и многогранность, развитость общественных потребностей и социальных связей¹⁰⁰.

Под бедностью в широком социальном смысле понимается несоответствие между достигнутым средним уровнем удовлетворения потребностей и возможностями их удовлетворения у отдельных социальных групп, слоев населения. Духовная бедность характеризуется также неразвитостью самих потребностей, стремлением все больше удовлетворять материаль-

⁹⁷ На это обращали внимание такие известные специалисты, как П.А. Сорокин и К. Манхейм (см.: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; *Манхейм К.* Человек и общество в век преобразований. М., 1991).

⁹⁸ См.: *Лафонтен О.* Общество будущего: Политика реформ в изменившемся мире. М., 1990.

⁹⁹ См.: *Афанасьев С.Л.* Будущее общество: ведущие социально-экономические тенденции современности. М., 2000.

¹⁰⁰ См.: *Буржуазное общество в поисках стабильности / А.А. Галкин, А.М. Салмин, С.В. Михайлов и др.* М., 1991; *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.

ные потребности и нужды в ущерб духовным и социальным потребностям¹⁰¹.

Пропорции между богатством и бедностью определяются достигнутым уровнем развития производительных сил, зависят от производительности общественного труда и от пропорции между необходимым и прибавочным трудом, а следовательно, от соотношения между социальным равенством и неравенством. Уровень общественного богатства и бедности определяется уровнем социально-экономических различий между людьми.

Соотношение между богатством и бедностью как социальными характеристиками общества трансформируется в пропорцию между высокообеспеченными, среднеобеспеченными и малообеспеченными слоями населения. В любом обществе складывается объективно обусловленное представление об уровне и качестве благосостояния, достаточном для нормальной жизнедеятельности человека, для обеспечения условий его расширенного воспроизводства в физиологическом и социальном смысле.

Это представление выступает в качестве социальной нормы, которая может быть различна для отдельных стран вследствие влияния экономических, политических, культурологических факторов. Обеспеченность жизненными благами, которая ниже нормы, принятой данным обществом, следует рассматривать как малообеспеченность, соответствие норме – как среднеобеспеченность, превышение нормы – как высокую обеспеченность. Социально-политические и экономические структурные сдвиги осуществляются в направлении расширения среднего слоя за счет сокращения как доли малообеспеченных, так и ликвидации крайних форм неравенства¹⁰².

Результаты общественного воспроизводства находят отражение в социальной структуре общества: классовой, профессионально-квалификационной, производственно-организационной, территориально-поселенческой, половозрастной, семейной, национально-этнической. В процессе расширенного воспроизводства осуществляются сдвиги в социальной структуре, т.е. изменяются соотношения ее элементов, а также связи между ними (т.е. пропорции)¹⁰³.

Особая область отношений – воспроизводство ресурсов как предпосылка общественного производства. Оно включает в себя воспроизводство

¹⁰¹ См.: Студенческая молодежь в гражданском обществе. Региональный уровень. Саратов, 2003.

¹⁰² См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.

¹⁰³ См.: Заславская Т.И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983. С. 215–217; Уржа О.А. Теоретико-методологические основы управления процессами функционирования социальной структуры современного российского общества (социологический аспект): Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.

трудовых ресурсов, объектов сферы материального производства, социальной сферы, объектов поддержания обороноспособности страны, природных, научно-технических, информационных, финансово-кредитных и денежных ресурсов.

Важнейшими социально-экономическими пропорциями, определяющими направленность и динамику расширенного воспроизводства человека и общества, являются:

соотношение между трудовыми ресурсами общества и наличием рабочих мест;

структура рабочих мест: их распределение между сферами, отраслями и социальными секторами общественного производства, между регионами;

структура занятости: соотношение занятых между материальным и нематериальным производством, соотношение занятых по отраслям, по социальным секторам, по регионам страны;

структура безработицы: соотношение безработных по полу, возрасту, образованию, квалификации, национальной, социально-классовой принадлежности;

соотношение между объектами социальной инфраструктуры: продовольственным комплексом, комплексом производства товаров народного потребления, здравоохранительным комплексом, комплексом объектов образования (дошкольного, школьного, профессионального), комплексом объектов жилищно-коммунального хозяйства, комплексом пассажирского транспорта и связи, комплексом объектов бытового обслуживания, комплексом объектов сферы торговли и общественного питания, комплексом объектов природоохранной продукции и оздоровления окружающей среды (заповедные зоны, национальные парки), комплексом продукции охраны труда и здоровья, комплексом объектов культуры (национальные театры, дворцово-парковые зоны, национальные музеи и художественные галереи, памятники архитектуры, представляющие собой достояние не только отечества, нации, но и мировой цивилизации);

соотношение между производством предметов потребления и услуг;

соотношение между производством предметов потребления и услуг и производством средств производства;

соотношение между производством средств производства для производства предметов потребления и услуг и производством средств производства;

соотношение между потреблением и восстановлением природных ресурсов;

соотношение между потребительско-производственным и оборонным комплексом;

соотношение между элементами научно-технического комплекса: фундаментальными исследованиями – прикладными исследованиями –

научно-исследовательскими разработками – опытно-конструкторскими разработками – внедрением – тиражированием нововведений;

соотношение между объектами научно-технического, производственно-потребительского и технико-производственного комплексов;

пропорции капитальных вложений между сферами, отраслями и социальными секторами народного хозяйства, а также между регионами страны;

внешнеторговый баланс: структура экспорта, импорта, внешнеторговое сальдо;

соотношение между собственными и заемными государственными средствами, доля внешнего долга в валовом общественном продукте, доля внутреннего долга государства.

Структурные сдвиги в ресурсном обеспечении прогрессивного развития общества, прогрессивного преобразования сфер общественного производства характеризуются следующими направлениями:

опережающий рост, увеличение рабочих мест в отраслях нематериального производства, опережающий рост занятости в этой сфере;

опережающий рост потребительского комплекса по сравнению с другими комплексами как элементами единого народного хозяйства страны;

расширение сети и преобразование материально-технической базы объектов социальной инфраструктуры, рационализация их размещения с учетом нужд и потребностей различных групп населения, характера их расселения;

опережающий рост объектов социальной инфраструктуры в сельской местности, малых и средних городах;

создание новых рабочих мест, характеризующее прогрессивную их профилизацию, в сельской местности;

расширение сети и существенное повышение качества коммуникаций (транспорт, связь);

сдвиги в естественном движении населения: опережение уровня рождаемости над уровнем смертности;

сдвиги в миграционном движении населения: превышение притока населения в сельскую местность над оттоком, стабилизация эмиграции, сбалансированный обмен специалистами высокой квалификации между страной и зарубежными странами;

опережающие темпы роста капитальных вложений в производство средств производства для производства жизненных благ.

Третья грань – потребительно-стоимостная структура общественного воспроизводства. Анализ потребительно-стоимостной структуры общественного воспроизводства представляет собой относительно новое направление социально-экономических исследований. Одним из ее авторов по праву следует считать В. Я. Ельмеева, который в своих работах, а

также в работах написанных в соавторстве с В. Г. Долговым, раскрыл механизм действия закона потребительной стоимости¹⁰⁴. Она включает в себя потребительно-стоимостную оценку рабочей силы, жизненных благ, средств производства и соотношение этих оценок. В основу этих оценок должна быть положена потребительно-стоимостная теория, рассматривающая трудовые процессы, при которых происходит превращение общественного труда из одной формы в другую и получение эффекта, не имеющего непосредственно затратного содержания.

Потребительная стоимость рабочей силы заключается в производстве большего количества и более высокого качества потребительных стоимостей по сравнению с тем, что идет (используется) на ее воспроизводство, а следовательно, в экономии всего рабочего времени, необходимого для производства, и соответственно в увеличении свободного времени общества.

Потребительная стоимость жизненных благ выявляется в неразрывной их связи с функционированием и развитием совокупного работника, и проявляется также в экономии рабочего и увеличении свободного времени, а также в совершенствовании пропорций его использования. Потребительная стоимость средств производства заключается в повышении производительности общественного труда, в экономии живого труда, что обуславливает изменение пропорций, характеризующих распределение общественного труда между сферами общественного производства и «проявляется в постоянной экономии общественного труда – замене будущего живого труда прошлым, овеществленным при одновременном сокращении объема труда в целом».

Соотношение потребительно-стоимостных оценок факторов производства и потребления определяется уровнем организации и управляемости общественного производства. Причем сам уровень организации имеет потребительно-стоимостную оценку, которая также выражается в экономии живого труда, рациональном использовании овеществленного труда, в трансформации экономического эффекта в социальный – в увеличении свободного времени общества и его членов. Прогрессивные структурные социальные сдвиги характеризуются сокращением рабочего и увеличением свободного времени и соответственно повышением качества и увеличением продолжительности жизни всех членов общества¹⁰⁵.

¹⁰⁴ См.: *Ельмеев В.Я.* Воспроизводство общества и человека. Л., 1988; *Долгов В.Г.* Управление научно-техническим прогрессом. Л., 1988.

¹⁰⁵ Надо заметить, что пока в большинстве социально-политических сообществ эта задача решена преимущественно теоретически. Ее сформулировал еще Ш. Фурье, который писал: «... Кажущаяся трудность теории ассоциации заключается в правильном распределении по трем производительным способностям: капиталу, труду и таланту. Строй цивилизации умеет справедливо распределять лишь сообразно капиталу, в соответствии с капиталовложением. Это – задача арифметическая, ... гордиев узел но-

Четвертая грань – уровни воспроизводства человека и общества. Воспроизводство человека как общественного индивида осуществляется в семье как первичной социальной ячейке общества, в трудовом коллективе, в творческих коллективах, в территориальной общности и на уровне общества в целом. Что касается социальных благ, то стадиями их движения являются формирование, распределение (первичное, вторичное) и использование. Причем распределение может быть как прямым (непосредственным), так и косвенным с использованием стоимостных и товарно-денежных форм. Потребление жизненных благ характеризуется текущим потреблением, т.е. возмещением затрат рабочей силы и времени и их накоплением для расширенного воспроизводства и развития человека и общества. Пропорция между потреблением и накоплением является ключевой, определяющей направленность и динамику социального развития¹⁰⁶.

Пятая и шестая грани – стадии воспроизводства и временной аспект воспроизводства человека и общества, включающий жизненные циклы. Речь идет о циклах, характеризующих смену поколений людей, смену поколений работников, а также о циклах, характеризующих стадии развития человека и общества с учетом территориальной организации¹⁰⁷.

Цикличность в развитии человека как биосоциального организма вызывает необходимость решения комплекса специфических проблем: воспроизводство здорового поколения и материнства, дошкольное воспитание, школьное образование, подготовка кадров, адаптация специалистов, их профессиональный рост, формирование устойчивой семьи, обеспечение нормальных условий жизни пенсионеров.

Цикличность в развитии общества означает последовательную смену состояний с преобладанием либо частного (индивидуального) интереса, либо общего (общественного) интереса. В экономике эта смена состояний характеризуется процессами обобществления и приватизации, огосударствления и разгосударствления, пропорциями сочетания различных форм собственности. В социальной сфере это – процессы сокращения и

вого общественного механизма – это удовлетворить каждого по труду и таланту» (см.: *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир. М., 1939. С. 162). Затем к этому вопросу обращался К. Маркс и другие видные экономисты. Каждый раз все упиралось в простой вопрос: высвобождение в больших объемах человеческого времени ведет к прогрессу или регрессу, если само по себе оно не соотнесено с культурными императивами массового сознания?

¹⁰⁶ См.: *Руткевич М.Н.* Общество как система: Социологические очерки. СПб., 2001; *Подойницкая И.И.* Общество открытых классов: Очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск, 1999.

¹⁰⁷ См.: Синергетика: человек, общество: Сб. ст. М., 2000; *Левада Ю.* Социально-пространственная структура российского общества. Центр и регионы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 1996. №2. С.13–17.

усиления неравенства. В политической сфере – преобладание либо радикальных, либо консервативных настроений и установок.

Практика свидетельствует, что в развитых странах такая циклическая смена состояний осуществляется в среднем через десять лет. Осознание циклической смены состояний развития общества, анализ пропорций, характерных для данного цикла, позволяют сделать этот процесс регулируемым с точки зрения более полного использования потенциала эффективности конкретного состояния. Развитие общества с учетом его территориальной организации характеризуется соотношением между традиционно развивающимися регионами, передовыми и отсталыми, пропорциями между вновь осваиваемыми районами и районами, утрачивающими свою жизнеспособность.

Таким образом, представленная модель социально-политического анализа управления социальным воспроизводством описывает важнейшие пропорции, определяющие динамику социального развития, и может служить алгоритмом их анализа. При этом важны не только анализ, но и систематизация пропорций, выявление исходной и основной пропорции, что дает ключ к обоснованию необходимых структурных сдвигов и темпов социального развития. Одной из центральных проблем нынешнего «демократического выбора» России является определение направления социального развития: что является прогрессивным, а что – регрессивным, как избавиться от субъективности оценок; какая форма развития лучше – революционная и (эволюционная) реформистская¹⁰⁸.

Необходимо отметить следующее. Социально-политическая сфера общественной жизни – это сфера деятельности людей, в которой они воспроизводят связи, отношения между собой, социальными общностями и группами по поводу регулирования общественных отношений и распределения благ и ценностей. Эта деятельность осуществляется в неразрывном единстве следующих областей: социально-экономической – производства отношений с целью воспроизводства благ как материальных, так и идеальных; социальной – воспроизводство отношений существования и развития личности и общества; политической – регулирование, управление, согласование (синхронизация) и закрепление отношений между людьми, социальными общностями и группами, воспроизводство власти; духовной – отбор, хранение и передача ценностей (благ, имеющих положительное значение, и социокультурных образцов) существования и развития личности и общества.

¹⁰⁸ Пока эта проблема решается на уровне так называемых «партийных идеологий», отражающих стратегические и тактические намерения партийных лидеров и их окружения, для России как «большого сообщества», остается закрытым путь социально-политического и экономического прогресса. Борьба за «русский путь», таким образом, в настоящий момент не актуализирует вопроса о том, как по-новому в рамках этого пути должны выстраиваться социально-политические пропорциональности.

Основной пропорцией социально-политической сферы жизни общества выступает воспроизводство отношений регулирования общественных процессов и распределения благ и ценностей. Существенную роль в ее выполнении играют гражданские формы общественного сознания как совокупность идей, взглядов, теорий, настроений и чувств людей на человека в обществе и общество в целом. До последнего времени общественное воспроизводство традиционно рассматривалось лишь как воспроизводство продукции (услуг) в масштабах всего общества, в отличие от индивидуального воспроизводства в рамках отдельных предприятий. Подобное представление о сущности общественного воспроизводства подвергается в последние годы все большему сомнению. Лишь сейчас мы наконец-то наблюдаем осознание обществом ценности социальной политики как таковой. Опыт многих центрально-европейских, скандинавских стран убеждает нас в том, что только устойчивое и сбалансированное на уровне оптимальных пропорций социально-политическое развитие создает необходимые условия для быстрого экономического роста, что приводит к эффекту политической стабильности¹⁰⁹.

В свете сказанного становится все более очевидной необходимость разработки в современных условиях новой парадигмы развития общества, которая ориентировала бы его на первоочередное политическое решение социальных задач¹¹⁰. Такой парадигме отвечает рассмотрение общественного воспроизводства как целостного единства трех подсистем: воспроизводства людей, воспроизводства окружающей среды и воспроизводства продукции (услуг). В этой системе воспроизводство продукции выступает не как самоцель, а как средство воспроизводства людей, общества и окружающей среды. Следовательно, не может рассматриваться в качестве цели общественного воспроизводства и широко рекламируемый ныне в России «рынок», представляющий собой не что иное, как обмен продукцией в товарной форме. В самом воспроизводстве вещей рынок занимает промежуточное положение между производством и потреблением, удовлетворяя прежде всего не сами по себе потребности людей, а платежеспособный спрос на продукцию¹¹¹.

Представленная модель социально-политического анализа регулирования социального воспроизводства описывает важнейшие пропорции, определяющие динамику социально-политического развития, и может служить алгоритмом их анализа. При этом важны не только анализ, но и систематизация пропорций, выявление исходной и основной пропорции,

¹⁰⁹ См.: Авраменко С.Л. От Гельвеции до швейцарской конфедерации // Международная жизнь. 1998. № 11–12.

¹¹⁰ См.: Алексеева А.В. Социальная политика как фактор экономического роста // Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1999.

¹¹¹ См.: Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.

что дает ключ к обоснованию необходимых структурных сдвигов и темпов социального развития¹¹².

Одной из центральных проблем является определение направления социального развития: что является прогрессивным, а что – регрессивным, как избавиться от субъективности оценок, какая форма развития лучше – революционная или реформистская (эволюционная).

В «чистом» виде определить основное функциональное предназначение каждого субъекта невозможно, но можно определить его преобладающее, основополагающее значение. Так, например, определяющей функцией экономической организации общества выступают функции субъекта хозяйствования, гражданского общества – функции потребления, государства – функции регулирования. Но при этом государство одновременно является одним из крупнейших субъектов общественного хозяйствования и потребления. История развития социальных систем показывает, что вышеперечисленные формы общественно-политического строя присущи всем существовавшим общественно-экономическим формациям, в которые входили общества с государственным устройством, то есть в истории человечества присутствуют примеры их существования, независимо от того, в какой формации это происходило.

Поэтому, если подвести итог сказанному, споры о том, какое общественно-государственное устройство наиболее полно реализует принцип пропорциональности, не имеют смысла с точки зрения перспективного развития общества. Теоретически можно предположить, что внутренняя пропорциональность социальной системы (оптимальная пропорциональность экономических и культурных связей) делает ее самодостаточным явлением, для управления которым государственное вмешательство не необходимо. В свое время это соображение породило и порождает до сих пор различные антиэтатистские доктрины. В действительности связь экономических и социальных детерминаций такова, что пропорциональность их взаимодействия с социально-политической системой возможна лишь при активном вмешательстве последней в этот процесс. «Гражданственность» сознания и поведения людей означает, в сущности, то, что их мышление и поведение пропорционально соотносено с политическими требованиями государства, с одной стороны, и с экономическими и культурными требованиями социальной структуры, с другой. Когда современная политическая наука оперирует понятием более общего порядка – бинарной конструкцией типа «общество и государство» – она также опредмечивает эту проблему взаимодействия политической и социальной сфер. Появление в понятийном арсенале политической науки таких категорий отражает опре-

¹¹² О том насколько это важная проблема, можно судить по специальному исследованию В.Н. Фомина (см.: *Фомин В.Н.* Конфигурационный подход в методологии социального управления: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2000).

деленную цикличность в эволюции социально-политических систем, связанную с тем, что самодостаточная в своем развитии сфера социальных и экономических отношений в какой-то момент приходит к необходимости вмешательства политического регулятора, возвращающего ей утраченную было пропорциональность и соответственно самодостаточность.

2.3. Пропорциональность личности и развитие демократии

Сам факт ускорения истории еще не свидетельствует о наличии цивилизационного прогресса. Это отмечал в своих политико-публицистических сочинениях классик русского народничества П.Л. Лавров¹¹³. Необходима личность, способная придать этому ускорению логику, смысл и общественно приемлемые формы, то есть оптимальные пропорции. Благодаря этому в сознании наших современников социально-политический прогресс собственно и ассоциируется с демократией как системой, создающей более всего благоприятных предпосылок и условий для раскрытия личностного потенциала. Соответственно демократические системы подразумевают самим фактом своего существования наличие определенной пропорциональности в активности этого личностного начала.

Социально-политический прогресс – это совершенствование социально-политического устройства общества и культурной жизни человека. Он предполагает такую направленность социального и политического развития, для которой характерен переход от низших форм к высшим, от менее совершенных к более совершенным. Это широкое, обобщающее понятие включает в себя как составные части экономический, технический и культурный прогрессы. Исследователи сфер жизни общества, как правило, придерживаются принципов одной из трех основных конкурирующих теорий прогресса: формационной теории, теории функционализма и теории конфликтов¹¹⁴. Каждая из этих теорий по-своему трактует личностный аспект процесса формирования социально-политических пропорций.

Точка зрения функционализма на общество и общественную структуру была впервые сформулирована в XIX в. Г. Спенсером. Он сравнивал

¹¹³ См.: *Лавров П.Л.* Исторические письма // Утопический социализм в России. Л., 1982.

¹¹⁴ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги: В 2 т. / Пер. с англ.; Под ред В.Н. Садовского. М., 1992; *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994; *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. М., 1997; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М., 1999; *Пугачев В.П.* Политология: Справочник студента. М., 1999; *Сергеев С. Г.* Становление гражданского общества в России: историко-политологический подход: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 1999; *Общая социология: Учеб. пособие / Под ред. А.К. Эфендиева.* М., 2002.

общества с живыми организмами, подобными человеческому телу. В нашем организме каждый орган – сердце, мозг, желудок и т.д. – выполняет специфическую функцию для поддержания жизни. Различные органы, связанные между собой внутри нашего организма, образуют взаимозависимую систему. Если один орган прекращает функционировать или действует недостаточно хорошо, организм уже не функционирует нормально и может полностью выйти из строя. Исследователь – сторонник функционализма – рассматривает общества как организмы, состоящие из ряда сфер: военной, экономической, медицинской, религиозной и т.д. Каждая сфера общества выполняет свою функцию, и чем больше различия между этими функциями, тем труднее одной сфере жизнедеятельности заменить другую. Соответственно самодостаточна и личность, «привязанная» к одной из дифференцированных функций.

Э. Дюркгейм развил основы функционализма. Он рассуждал так: если общество образовано из множества различных личностей и каждая из них оказывает влияние на функционирование всей системы, то общественные явления можно объяснить, анализируя функции людей в общественной системе. Теория Э. Дюркгейма объясняет отклонение от «норм» в социально-групповом поведении под влиянием личностного фактора. Ученый считал, что отклонение личности от социально одобряемых целей и ценностей общества имеет определенное позитивное значение. Например, убийство дает людям возможность вновь подтвердить правила, запрещающие преступление, и, наказав убийцу, выразить свое согласие с этими правилами¹¹⁵.

Современные функционалисты выступают последователями Г. Спенсера и Э. Дюркгейма. Их основной подход состоит в определении сфер проявления личностной активности, выявлении их положительных и отрицательных функций, в таком их объединении, которое образует картину общества как единое целое. Следующие четыре пункта образуют теоретические рамки современного функционализма:

общество – это система частей, объединенных в единое целое; общественные системы сохраняют устойчивость, поскольку в них существуют внутренние механизмы контроля на личностном и групповом уровнях;

дисфункции существуют, но они преодолеваются прежде всего на личностном уровне; например, радикалы и хиппи 60-х гг. прошлого века несли много перемен в общество (новый подход к проблемам окружающей среды, недоверие к высшей власти, более раскованный стиль одежды мужчин и женщин), однако сегодня, спустя время, радикалов и хиппи поглоти-

¹¹⁵ Эта тема «преступления и наказания» многократно обыграна в классической и современной русской литературе у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, а в исторической практике европейских народов проблема разрешалась обычно посредством судебного прецедента.

ла среда истеблишмента, в которую они вошли, став юристами, учителями и даже биржевыми маклерами;

изменения, как правило, носят постепенный, а не революционный характер и связаны с культурной эволюцией человека;

социальная интеграция или ощущение, что общество является «крепкой тканью, сотканной из различных нитей», формируется на основе согласия большинства граждан страны следовать единой системе ценностей, например, англичане согласны с необходимостью монархии; в США принцип равных возможностей присущ мировоззрению большинства американцев¹¹⁶. Функционализм, таким образом, в понимании пропорции «личность – система» выступает наследником теории «общественного договора».

Теория конфликта сформировалась главным образом под влиянием произведений К. Маркса, который считал, что классовый конфликт находится в самой основе общества. Классовый конфликт возникает потому, что люди разделены на различные классы в соответствии с их положением в экономической системе. С точки зрения Маркса, основными классами буржуазного общества являются капиталисты и наемные рабочие. Эти два класса не имеют общих ценностей, более того, капиталисты стремятся господствовать и эксплуатировать рабочих. В результате указанные классы постоянно враждуют между собой.

Согласно теории К. Маркса классовый конфликт является движущей силой истории. Роль же «исторической личности» сводится к тому, чтобы взять в свои руки контроль над этим конфликтом и направить его в нужное русло. Проблема демократических систем Европы К. Марксу виделась в том, что они лишь формально декларировали свободу личности, объявляя свидетельством исторического прогресса именно эту формальную сторону политического участия гражданина¹¹⁷.

По-другому представил роль личности в конфликте внутри демократического общества Р. Дарендорф. Он отрицал идею К. Маркса о том, что основные конфликтующие силы в обществе – это классы, образованные по

¹¹⁶ Следует заметить, что такое единодушие американцев не следует абсолютизировать. Исследовавший особенности массового сознания американцев Пол Холландер отмечает: «Что касается позиции американских интеллектуалов, я особенно подчеркиваю фактор, характерный именно для Америки: это большие надежды, которые всегда порождала американская культура (особенно в 60-е гг.)... Поскольку эти нереальные ожидания и надежды (относительно того, что общество может сделать для индивидов и групп) не оправдались, да и не могли оправдаться, интеллектуалы направили свой гнев на общество, которое, по их мнению, обмануло их. Последовала новая волна общественной критики, причем не всегда разумной. Такова в двух словах теория корней антиамериканизма у нас в стране» (см.: *Холландер П. Анти-американизм.* СПб., 2000. С. 35.)

¹¹⁷ См.: *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.8. С.115–217.

экономическому признаку. По мнению Р. Дарендорфа, главной причиной конфликта является тот факт, что одни люди имеют власть над другими. Основные конфликты возникают между теми, кто имеет власть, и теми, кто ее не имеет.

Р. Дарендорф сформулировал следующие основные положения теории конфликта: главными отличительными чертами любого общества являются господство, конфликт и подавление; общественная структура основана на власти одних групп людей над другими, например, предпринимателей над рабочими, офицеров над солдатами, преподавателей над студентами и т.д.; у каждой группы есть общие интересы независимо от того, осознают их входящие в такие группы или нет; интересы членов разных групп различны и противоположны. Например, может возникнуть конфликт между бизнесменами, стремящимися к повышению своих доходов, и активистами движения защиты окружающей среды, которые борются за ее сохранение¹¹⁸.

Когда конкретные люди осознают свои общие интересы, они могут образовать общественный класс, это может выражаться в форме профсоюзных движений политического лобби и т.д. Классовый конфликт обостряется, если: почти вся власть сосредоточена в руках нескольких людей, остальные практически лишены ее; те, кто лишен власти, не имеют возможности ее получить; люди могут свободно организовывать политические группы.

Идея ключевой роли личностного фактора в регулировании социальных конфликтов в современной политологии нашла свое выражение в теории среднего класса – носителя ценностей индивидуализма и личного выбора, которая соединяет в себе возможность объединения различных подходов к анализу развития общества¹¹⁹. Один из ее основных тезисов гласит: в обществе, чтобы индивид ощущал себя свободным, кроме демократических институтов должно быть не более 10% бедных и не более 10% богатых, а остальные составляют средний класс, то есть должна регулироваться распределительная система в обществе. Если мы обратимся к статистике, то увидим, что 10% – это критическая точка 100%-ного распределения, в которой явление начинает оказывать существенное влияние на индивидуальное и массовое сознание и поведение.

¹¹⁸ См.: Митрохина Т.Н., Сорокина Ю.В., Тупиков А.В. Экология и политика в современном обществе. Саратов, 2003.

¹¹⁹ См.: Балан А.В. Корпоративная модель взаимодействия государства и гражданского общества: теория и практика: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2001; Римашевская Н.М. Население России и социально-экономические трансформации: взгляд в XXI век // Власть. 1997. №12. С. 24–31; Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. №2. С. 5–11.

Бедный полюс общественного распределения недоволен существующей системой и стремится к ее изменению, богатый – к ее сохранению. Возникает эффект колебания личностного выбора гражданина между двумя точками – жизненными эталонами, что приводит к дисбалансу всей системы социально-экономических пропорций. Но если при этом количество бедных становится больше критической точки, то увеличивается вероятность социальных конфликтов, которые приводят к забастовкам и даже к революциям, то есть может произойти насильственное перераспределение общественного богатства. Таким образом, если будет увеличиваться доля богатых людей, то развитие системы пойдет в направлении застоя с увеличением доли бедных людей, что в конечном счете может привести к социальным конфликтам.

Чтобы обеспечить нормальное поступательное развитие общества и гражданскую активность личности в нем, необходимо осуществлять регулирование распределения общественного богатства, дабы эмпирическое, реально существующее статистическое распределение имело минимальное отклонение от теоретически нормального.

Основным социально-политическим институтом, осуществляющим это регулирование в настоящий момент времени, является государство, которое сосредотачивает в своих руках основную долю общественного богатства, так называемые естественные монополии. История XX в. наглядно демонстрирует примеры максимально полного сосредоточения собственности в обществе (СССР, страны социализма, где практически вся собственность была сосредоточена в руках государства) и примеры распределения собственности в соответствии с нормальным законом статистического распределения (страны западной демократии, в которых действуют антимонопольные комитеты и законы, например США, Япония и т.д., законы равной жертвы при налогообложении, например Швеция)¹²⁰.

Крайности капиталистической и социалистической систем были осознаны человечеством на рубеже 50–60-х гг. XX века именно благодаря предоставленной наукой этим обществам возможности увидеть свое будущее в разрезе перспектив прогресса человеческой личности, когда разрушилась колониальная система, когда встала проблема регулирования рыночных отношений и т.д.¹²¹ В итоге в европейских сообществах укоренилось мнение, что нормальное развитие капиталистической системы невозможно без регулирования рыночных отношений государством, без увеличения объема государственной собственности, а нормальное развитие

¹²⁰ См.: Американское государство накануне XXI века. Стратегия и тактика в экономике. М., 1990; Государственное регулирование рыночной экономики. М., 1991; Эклунд К. Эффективная экономика. Шведская модель. М., 1991.

¹²¹ См.: Гринштейн Ф. Личность и политика // Социально-политические науки. 1991. №10. С.70.

социалистической системы невозможно при полном огосударствлении собственности общества. Оба процесса разрушают «гражданина»¹²².

Последующее время наглядно продемонстрировало практичность и правильность этих выводов для развития человеческого сообщества на рубеже XX–XXI вв. Тип общества может и должен в первую очередь определяться способом производства граждан, т.е. тем, как используются на нужды человека и контролируются экономические ресурсы, средства производства, которыми оно владеет. Категории «индустриальное», «постиндустриальное», «информационное» общество имеют смысл как научные категории постольку, поскольку они обозначают вступление современных социумов в эпоху нового качественного отношения к роли личности в образовании ключевых социально-политических пропорций¹²³.

С учетом сказанного выше можно дать следующую характеристику обществу как системе. В самом широком смысле слова современная философия понимает общество как обособившуюся от природы часть материального мира, представляющую собой исторически развивающуюся форму жизнедеятельности людей. Основные (неделимые) элементы общества – это люди, личность, индивид, которые активно взаимодействуют со средой, преобразуя естественную природу, создают искусственную среду своего обитания.

Общество, находящееся в состоянии прогресса личностного компонента, превращается в саморегулирующуюся на основе принципа пропорциональности систему. Структура общества складывается на основе способности людей к упорядочению, устойчивому сбалансированию социальных связей, приводящих к образованию различных объединений людей. Упорядоченные связи определяют социальные и политические организации, а устойчивые связи, закрепляемые в нормах морали (обычай, традиции), в государственном праве (законы), – социальные и политические институты. Исторически складывающиеся связи на основе различий между людьми приводят к социальному неравенству, которое определяет иерархичность – последовательность удовлетворения потребностей людей и их объединений в обществе. Одновременно иерархичность возвращает социальной структуре значимость личностного компонента. Поэтому иерархически выстроенная (в том числе и с применением принципов демократии) социальная система потенциально тяготеет к пропорциональному отношению личностного и общественного начал.

¹²² См.: Мелцер Э. Политический механизм и рынок: выводы для демократических государств // *Мировая экономика и международные отношения*. 1991. №3.

¹²³ См.: Кузьминов Я., Сухомлинова О. Гражданское общество: экономические и политические факторы становления // *Общественные науки*. 1990. №5; Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. М., 1993.

Проблема для современной политической науки, в плане освоения ею возможностей иерархизации современных обществ, состоит в том, что по европейской интеллектуальной традиции иерархичность воспринимается массовым сознанием как атрибут авторитарно организованных социально-политических систем¹²⁴. Классические либерализм и демократизм обычно мыслили достижение нового политического состояния путем «освобождения» человеческой личности, доведения ее посредством «нагрузки» политическими и экономическими правами и обязанностями до уровня «гражданского» состояния. Главной предпосылкой решения этой задачи виделось разрушение традиционных социально-политических иерархий. Сохранение социальной иерархии в этом ракурсе выглядело как угроза внутренней целостности демократической системы. В результате наука, объяснив как соединить частнособственнический статус граждан с их свободой (это объяснение дал еще А. де Токвиль), оставила на долю публицистики объяснение того, как соединить их частнособственнический статус с принципом равенства. Представляется, что наши недавние российские эксперименты с «ваучеризацией» зеркально отразили этот факт отсутствия компетентного научного мнения и относительность зарубежных прикладных разработок в данном вопросе.

Еще одну проблему выделил классик французского либерализма XIX в. Ф. Гизо. Он рассуждал так: «Когда мы рассматриваем власть – не изолированно и не самое по себе, но в теснейшем и необходимом отношении с обществом, – ее действие представляется нам в двойном аспекте. Она должна взаимодействовать, с одной стороны, со всей массой граждан в целом, которых она вовсе не видит, не встречает, но которые испытывают ее воздействие и судят о ней; с другой стороны, – с индивидами, которых то или иное дело приближает к власти и которые находятся с ней в непосредственной и личной связи либо потому, что они служат ей, выполняя свои обязанности, либо потому, что сама власть испытывает потребность воспользоваться их влиянием. Воздействовать на массы и воздействовать на индивидов – вот что означает править»¹²⁵.

Правда, соотнося этот теоретический принцип с обычным положением вещей, Ф. Гизо добавляет: «Из двух частей правления власть склонна пренебрегать первой. Мелкая и неотложная забота взаимодействовать с индивидами поглощает ее. ... Из всех заблуждений власти именно это яв-

¹²⁴ Хотя достаточно обратиться к статистике, характеризующей итоги современных российских демократических реформ, чтобы увидеть этот процесс становления новой демократической иерархичности в экономике, политике и социальной сфере. Точно так же иерархичность была свойственна и советской социально-политической системе, несмотря на то, что официальная идеология имела открыто антииерархическую направленность.

¹²⁵ Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 343.

ляется для нее губительным, поскольку только в массах, в самом народе должна она черпать главные свои силы, свои первые средства правления»¹²⁶.

Теоретически, если следовать рассуждениям Ф. Гизо, историческая миссия демократии в том и заключалась, чтобы перед лицом политической власти выровнять пропорцию между личностным и общественным политическим участием. Однако тут возникало нарушение логики рассуждения, которого французский либеральный мыслитель, возможно, и не замечал или не придавал ему принципиального значения. Следует учитывать, что это обстоятельство – принципиальное. Демократическая власть может сколько угодно «черпать главные свои силы» в народе, но, как только она переходит от законотворчества к законоприменению, перед ней встает личность гражданина столь же ей неудобная, как неудобна «гражданская масса» власти авторитарной. Личность своими свойствами нарушает упорядоченность демократических социально-политических отношений, тяготеющих к правовому и организационному универсализму. Именно это обстоятельство, не отмеченное Ф. Гизо, побуждает институализирующиеся демократические системы, вопреки теории и ради соблюдения принципа пропорциональности, уничтожая одну иерархичность социально-политических связей, заменять ее другой иерархичностью.

Целостность общественной системы, таким образом, остается, как при демократии, так и при авторитаризме, величиной примерно одинаковой, определяемой условиями, лежащими вне поля политического интереса¹²⁷. В чем действительно выигрывает демократическая система, разрешая проблему противоположения личности и государства, так это в том, что она делает социальные иерархии вариативнее и многообразнее. При демократии в социальной иерархичности меньше кастовости, чем в сословных и кастовых иерархиях древности. Поэтому отношения личности и общества, личности и государства при демократии на уровне формирования новых иерархизированных пропорций в системе всегда будут привлекать внимание политологов больше, чем архаические иерархии. Соответственно и облик демократии (что многие апологеты демократии отождествляют с вопросом о ее «моральных преимуществах») как системы, выводящей со-

¹²⁶ Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции...

¹²⁷ Политический интерес может привести в определенный момент к перегруппировке социально-политических иерархий, что в политологии исследователи нередко отождествляют со сменой властвующих элит и применяют для изучения этого процесса соответствующую, имеющую отношение сугубо к проблеме элит методологию. Представляется, что смена социально-политических иерархичностей как отражение восстаивающейся социально-политической пропорциональности является процессом более широкого масштаба и соответственно требует более общей методологии анализа, нежели теория ротации властных элит.

циальную иерархичность на более совершенный уровень, всегда будет для людей привлекательнее облика авторитаризма.

Для политической науки в описанной ситуации содержится свой интерес. Обращение исследователя к проблеме личности, общества и государства в демократическом контексте позволяет ему на уровне методологии задавать многовариантность описания общества. То есть наука получает возможность рассматривать общество как объединение людей, как операцию различных типов, видов и форм деятельности, как исторически сложившуюся систему отношений, как совокупность потребностей людей и последовательность их удовлетворения и т.д.

Все социальные системы сложились исторически в процессе объединения конкретных людей на основе конкретного способа производства, общих черт условий жизни, жизнедеятельности, отличающих их от других людей, которые взаимосвязаны с производственными отношениями. Считать производственными отношениями в обществе только групповые отношения людей в процессе производства материальных благ было бы, на наш взгляд, ошибкой.

В обществе существуют отлаженные, нормированные и постоянно идущие и непрекращающиеся процессы воспроизводства личностей, процессы воспроизводства властных, управляющих, регулирующих отношений как внутри государства, так и внутри гражданского общества, процессы воспроизводства системы ценностей и норм морали, законов понятий и критериев. И везде очень ярко выражено личностное начало. Можно сказать, что демократия делает это выражение предельно ярким.

Для того чтобы отношения демократии имели место, необходим межличностный контакт, взаимодействие между людьми, их различными объединениями, чтобы было возможно зафиксировать в сравнении отличительные черты друг друга, например классовые, имущественные, расовые¹²⁸.

Организованные общественные отношения всегда стремятся к закреплению, к нормированию на уровне личности, то есть закреплению в нормах морали (нравственности), законах государства, нормах гражданского поведения (например, нормирование отношений в семье как на основе морали, так и на основе государственного права; кодекс поведения на дуэли; правила ведения войн; правила поведения за столом; правила ведения международных переговоров и т.п.). Все эти ситуации связаны с лич-

¹²⁸ См.: *Шихарев П.Н.* Природа социального капитала: социально-психологический подход // *Общественные науки и современность.* 2003. №2. С.17–32; *Васильчук Ю.А.* Социальное развитие человека в XX веке. Фактор культуры // *Общественные науки и современность.* 2003. №1. С.5–21.

ной позицией гражданина, с его, так сказать, внутренней пропорциональностью¹²⁹.

В развитии общественных систем постоянно осуществляется отбор, сохранение и передача из поколения в поколение существующих организованных и институализированных межличностных отношений наряду с производством новых (например, правила отношения к старшим поколениям, детям, женщине передаются из поколения в поколение; нормы отношения к преступникам; организация государственного устройства и т.п.). Социально-политическое воспроизводство – это процесс отбора, сохранения и передачи образцов общественных отношений от человека к человеку наряду с производством новых.

Основная функция политической сферы жизни общества – это воспроизводство отношений управления, регулирования общественных отношений, механизмов перераспределения благ и ценностей жизни. В ходе ее реализации в обществе формируются гражданские формы общественного сознания как совокупность идей, взглядов, теорий, настроений и чувств об обществе в целом, социальных общностях и группах, о человеке в обществе. Эти процессы дают общественно-политическим системам возможность обрести пропорциональность и сформировать определенные пропорциональные связи.

Перечислим основные пропорциональные системы, которые институализировались в процессе исторического развития человеческого общества.

Демографическая система: базируется на половых и возрастных различиях (женщины, мужчины, трудоспособное население, дети, старики, инвалиды, возраст взросления, возраст вступления в брак, пенсионный возраст и т.п.).

Этническая система: расы (белая, черная, желтая), нации (как правило, формировались на основе существующей или существовавшей государственности, например французы, русские и т.д.) и т.п.

Территориальная система: поселение (человечество на Земле, город, село и т.п.); регион (часть света – Европа, Азия, Америка, Африка, Австралия; географическая часть земной поверхности – Сибирь, Черноземье, Нечерноземье и т.д.); государственная территория (Россия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Германия и т.д.); государственно-

¹²⁹ Современные специалисты отмечают характерную для современной России обратную тенденцию того свойства, что частные изменения в культуре, быту, человеческих отношениях, внешне не принципиальные, влекут за собой масштабную деструкцию всех экономических и социально-политических пропорций (см., например: *Андреева Л.А.* Процесс дехристианизации России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // *Общественные науки и современность.* 2003. №1. С.90–100; *Параджанов В.Д.* Устойчивое развитие и проблема улучшения интеллекта // *Общественные науки и современность.* 2003. №2. С. 125–135).

административное деление территории (штаты в США, области, республики, края в современной России, земли в Германии и т.д.); производственные территории (промышленные и сельскохозяйственные районы) и т.п.

Социально-экономическая система: производственная система (экономика страны, союза государств, транснациональные корпорации, объединения производителей и потребителей и т.д.), система обращения продуктов труда (рынок, распределение) и т.п.

Стратификационная, или классовая система, определяется исторически сложившейся упорядоченной и устойчивой системой расслоения общества на основе различий между людьми работоспособного возраста, порождающих их социальное неравенство (дворянство, помещики, буржуа, рабочие, крестьяне и т.п.).

Профессиональная система определяется углублением общественного разделения труда и возрастанием роли кооперации в процессе общественного производства (профессиональные союзы, производственные коллективы, конкретные профессии и специальности и т.п.).

Социально-политическая система определяется целенаправленным регулированием общественных отношений; когда возникает необходимость целенаправленно отрегулировать отношения между людьми – в процессе производства, определиться с очередностью производства и потребления благ и т.п. – мы говорим об экономической политике; в процессе обучения новых поколений – о политике в сфере образования; в процессе реализации научных открытий и внедрения новой техники – соответственно о научной и технической политике; в процессе воспроизводства вооруженной защиты общества – о военной политике и т.д.; когда говорим о позиции государства в процессе регулирования общественных отношений, возникает понятие государственной политики и т.д. (государство, политическая партия, союз государств и т.п.).

Социокультурная система характеризуется процессом отбора, сохранения и передачи образцов человеческой деятельности (цивилизация, культура, искусство и т.п.).

Рассматривая основные социальные системы, методологически очень важно понять и запомнить, что конкретно существующие люди в конкретно-историческое время включены во все вышеперечисленные системы одновременно (например, конкретная личность одновременно включена во все вышеперечисленные системы: как русский человек она проживает на территории России и принадлежит к белой расе, русским, русской культуре, является представителем мужского или женского пола, конкретного возраста, но при этом она включена в конкретно-исторический способ производства, обладает конкретными навыками и умениями, определяющими ее профессиональное место в общественной организации труда, предписанным или приобретенным социально-

политическим положением в существующем стратификационном расслоении).

Подведем итог. Анализ проблемы пропорциональности в личностном измерении позволяет выявить круг проблем, далеко еще не окончательный, к которому современная политическая наука пока не проявила должного внимания. Это, например, проблема личностного фактора социально-политического прогресса. По устоявшейся в советское время научной традиции этот сюжет исследуется преимущественно в русле философской концепции политической культуры. Данная концепция является вполне достаточным методологическим основанием для научного анализа. Но при этом часто упускается из виду, что сама политическая культура есть лишь частное выражение формирующихся пропорций в связях личности, общества и государства. Поэтому исследование политической культуры с прицелом на выявление личностного фактора целесообразно соотносить с общими принципами построения пропорций внутри социально-политических систем.

Доминирующие в методологии вопроса функциональный и классовый подходы позволяют выявить основные показатели социально-политической пропорциональности личности. Однако они недостаточно учитывают динамические характеристики внутриличностных пропорций, связанные с индивидуальными особенностями процесса социализации личности и динамикой внешних по отношению к личности пропорций (условия политического и экономического процессов).

Подход к проблеме политической социализации личности с позиции реализации в ее внутреннем становлении принципа пропорциональности дает возможность на уровне научного исследования выявить конкретную детерминированность внутриличностных и внутрисоциальных пропорций (например, экономическими пропорциями) и не ограничиваться, как часто бывает, общими суждениями типа «современное российское общество в своем поведении непредсказуемо и не приемлет демократии, поскольку экономика работает плохо». Очевидно, что такая часто встречающаяся конструкция политологических суждений лишь формально связывает в цепочку причины и следствия.

Анализ формирования пропорций в системе личность – общество – государство дает выход на теоретически и практически важную проблему противоречий в институализирующихся демократических системах. Очевидно, что не оправдались надежды отечественной либеральной интеллигенции на то, что поворот государственной власти от формирования коммунистической личности к созданию общественной системы «с человеческим лицом» автоматически снимет противоречия личности и системы. Борьба за «общество равных возможностей» обернулась невиданным ранее расслоением общества по имущественно-правовым показателям и формированием новых иерархических систем, выражающих реальную, а не тео-

ретическую пропорциональность российской демократии. Вопрос социальной иерархии в условиях либеральной демократии представляется достойным специального политологического анализа.

Проведенный анализ позволяет составить представление о той большой роли, которую в становлении пропорций между личностью и окружающими ее социально-политическими, экономическими и культурными системами играет государство. Привычное для отечественной либеральной и демократической мысли противопоставление личности государству, укорененное в западноевропейской интеллектуальной традиции, характеризует лишь один аспект рассматриваемой проблемы. Государство не может властвовать, не имея в поле зрения общества, с одной стороны, и не имея в поле зрения конкретной личности гражданина, с другой. Без такого распределения внимания невозможно совмещение в один политический процесс экономической, социальной и политической стратегии и тактики. Это объективно заставляет государственные институты заботиться о пропорциональности политической и общей культуры личности и пропорциональности общественных отношений.

Тем самым при непосредственном участии государства в обществе формируется целая цепочка социальных систем, об особенностях внутренней пропорциональности которых речь пойдет далее.

2.4. Влияние демократии на совершенствование политических систем

Государство – это часть общества, обладающая силой, властью и авторитетом для распределения ресурсов и средств, поддерживающих политическую систему. Сторонники конфликтологического подхода, рассматривая государство, основное внимание уделяют борьбе различных групп людей за ограниченные ресурсы. Сторонники теории функционализма основное значение придают тем аспектам политической власти, которые основаны на сотрудничестве. Т. Парсонс полагал, что общество делает цивилизованной и нравственно совершенствует человеческую натуру¹³⁰.

Политическая жизнь представляет собой процесс установления пропорций. Одна из ключевых категорий, выражающих пропорциональность в этой сфере, – категория «власть»¹³¹. Власть – это способность субъекта принимать решения и добиваться их выполнения, способность принимать законы, поддерживать порядок, защищать общество от врагов. Мы будем рассматривать власть как способность регулирования пропорций общественных отношений и способность мобилизовать общество для достиже-

¹³⁰ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

¹³¹ См.: Философский словарь. М., 1991. С. 68.

ния поставленной цели – определенной пропорции. Нередко смысловое наполнение категории «власть» отождествляется со смыслом категории «сила». Сила изначально имеет концентрированную область применения (именно эта концентрированность и превращает обычное действие в действие силовое) и потому не может быть равномерно распределена по всем элементам формирующейся социально-политической пропорции¹³². Эта особенность исконно служила главным аргументом консерваторов и либералов против демократии и почвой для определения ее как системы неэкономичной, нерационально организованной и неэффективно действующей¹³³, нуждающейся в мистифицирующей политику идеологии и применении других дополнительных мер морального и физического воздействия на граждан для того, чтобы они в каждый момент своего существования не забывали о своей гражданской обязанности.

Власть недемократичная может обходиться и без применения силы. Достаточным основанием гражданского повиновения выступает реальность угрозы применения силы со стороны власти. Демократия и авторитаризм как принципы придают политической системе две достаточно различные пропорциональности. Различие этих двух типов пропорциональности обычно обнаруживается при помощи категории «авторитет власти», соотносящей между собой формальные структуры власти, ее ресурсы и намерения¹³⁴.

От самых истоков мировой политической мысли берет начало дискуссия о том, на чем должен быть основан «авторитет» власти, то есть ее способность вызывать в обществе согласие к подчинению. В ряду версий, делавших упор на прямое насилие, на интеллектуальное превосходство носителя государственной власти, на его точное следование предписаниям закона, с тех же самых древнейших времен существовала версия (одним из первых ее сформулировал Конфуций), согласно которой в мире политики в отношениях властвования и подчинения все должно быть пропорционально так же точно, как и в мире природы и мире вещей, окружающих человека. И ориентиром для политической пропорциональности (почти сакральной ценностью) должен быть прошлый политический опыт социума и отдельного человека. Авторитетна власть, которая чтит традицию. Тем более что апелляция к общественной традиции избавляет ее от концентрации силы на отдельных участках администрирования и соответственно от опас-

¹³² См.: Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907.

¹³³ Структуру и истоки этих претензий подробно проанализировал М. Вебер (см.: Вебер М. Образ общества // Избранное. М., 1994.), а из современных авторов следует упомянуть фундаментальное исследование Пола Холандера «Анти-американизм» (см.: Холандер П. Анти-американизм. СПб., 2000).

¹³⁴ См.: Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Избр. соч. М., 1993. С.123.

ности своими действиями спровоцировать дисбаланс в социально-политической системе.

Это пространное теоретическое отступление дает возможность понять сущность проблемы модернизации «традиционных» политических систем (большинство политологов относят Россию именно к этому типу политических систем) при помощи демократических ценностей, идей и институтов. По природе своей демократия как концепция государственного властвования и подчинения выступает антиподом более древней и устойчивой традиции авторитаризма у большинства народов. Несмотря на усилия современных отечественных публицистов и политологов удревнить до раннего Средневековья истоки отечественной «демократической традиции», для современного общества она является новым и неизвестным опытом. Пожалуй, из всех современных народов, взявших в своем социально-политическом и экономическом развитии курс на демократию, только граждане североамериканских штатов могут с полным основанием считать демократию своей исконной национальной традицией.

Проблема совершенствования социально-политических систем при помощи демократии в том и состоит, что обществу в какой-то момент предлагается сделать выбор между традицией как зримым воплощением исторически выверенных пропорциональностей, традицией, избавляющей власть и общество от тупиковых конфликтов и «лишних» взаимных претензий, и новой, неапробированной пропорциональностью демократической системой, основанной на равномерном распределении гражданских прав и обязанностей, определенном соотношении функций и ответственности «ветвей власти»¹³⁵.

Любому социуму в этой ситуации приходится затрачивать более или менее значительный отрезок исторического времени, чтобы разобраться в преимуществах демократии как конкретной формы воплощения принципа пропорциональности. Поэтому, как представляется, закономерны те трудности выбора в пользу демократической пропорциональности социально-политических систем, которые демонстрирует современная Россия.

Для науки проблема определения своего отношения к демократической модели социально-политической пропорциональности связана с поиском аргументов в пользу большего преимущества систем, основанных на демократической пропорциональности, перед системами, демонстрирующими традиционные модели пропорциональности.

¹³⁵ Одним из первых на это обратил внимание Ш. Монтескье, который предложил постулат: «Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных» (см.: *Монтескье Ш. О духе законов // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1998. Т.1. С.375–377*).

Здесь есть трудность чисто методологического плана, связанная с тем, что по традиции, унаследованной от классического позитивизма, ученые предпочитают видеть предпосылку для исторического прогресса в многообразии взаимодействующих форм и принципов¹³⁶. Именно такое богатое разнообразие демонстрируют обычно традиционные системы. Тогда как унификация воспринимается в качестве объективной предрасположенности системы к стагнации. Однако такая унифицированность пропорций свойственна современной демократии и даже часто декларируется учеными как идеал, к которому должно стремиться человечество.

Эта методологическая трудность может быть преодолена, если оценивать демократическую пропорциональность не как изначально и навсегда данную модель отношений и связей в социально-политической системе, а как процесс внутреннего совершенствования пропорции.

Поскольку демократическое государство при всех отличиях от государства авторитарного все же не теряет своих базовых государственных характеристик, то совершенствование внутренних пропорций в демократической системе сопряжено с этими базовыми функциями. Исторически сложилось так, что государство как социально-политический институт обладает: *монополией на нормирование отношений в обществе (законодательная власть)*. Никто кроме государства не имеет в обществе права издавать законы, определять основные нормы человеческого поведения и взаимодействия, но это не значит, что все сферы жизни общества нормируются государством. Например, есть сфера жизни, которая регулируется нормами нравственности (морали) – уважительное отношение к старшим, к женщине, покровительственное, нравоучительное отношение к детям и т.п.

Государство обладает и монополией на регулирование общественных отношений, вплоть до применения вооруженной силы (исполнительная власть). Но это тоже не значит, что государство контролирует все сферы общественной жизни. Примером могут служить религиозные формы регулирования человеческих отношений, наличие вооруженных бандитских формирований, мафиозных структур и т.п., которые оказывают значительное влияние на систему общественных отношений. Но на основе норм государства милиционер, «отрегулировавший» отношения с помощью резиновой дубинки, защищен государством, а на остальных «регуляторов» государственная машина обрушивается, как правило, всей своей мощью, дабы защитить свои монополии.

¹³⁶ Известный российский консервативный мыслитель К.Н. Леонтьев разработал даже своего рода альтернативную формационной концепции К. Маркса теорию, согласно которой только в фазе «сложности» социально-политическая система приобретает предрасположенность к прогрессу.

Государство обладает также монополией на разрешение социальных конфликтов (судебная власть). Никто, кроме суда, не может признать личность виновной. Но нам также известно, что есть и религиозные суды (например, по законам шариата), есть примеры линчевания, мафиозных разборок и т.п.

Естественными экономическими монополиями государство считает те, которые принадлежат ему: выпуск денежных знаков, монополия на землю, недра, на выпуск водки, вооружение, а также торговля ими и т.д. В экономической сфере государство всеми своими силами стремится сохранить свою монополию: фальшивомонетчики изолируются государством от общества, строго наказываются те, кто выпускает так называемую подпольную водку, оружие и т.п.¹³⁷

Вопрос можно поставить так: содействует или нет демократическая пропорциональность институтов, ценностей и идей осуществлению всех этих задач, стоящих перед современным государством?

Эту постановку задачи можно дополнить еще одним условием. Социально-политическое пространство, сферу, не опосредованную и относительно не зависимую от государства, называют гражданским обществом. Но они взаимодействуют, существуют в рамках конкретной социально-политической системы. Гражданское общество включает в себя многообразные и переплетающиеся хозяйственно-экономические, семейно-родственные, культурные, этнические, религиозные, моральные, первичные политические и т.п. взаимоотношения и взаимосвязи между индивидами и их различными объединениями¹³⁸.

В настоящее время исторически сложились и существуют две основные трактовки гражданского общества. Гражданское общество как категория обществоведения было введено в науку Аристотелем. В трактовке его

¹³⁷ С фактом естественности и необходимости монополии для нормального функционирования государства были согласны даже радикальные критики государственности. В частности, Ш. Фурье по этому поводу писал, что монополию «инстинкт помог открыть всем правительствам. Но они не сумели применить его к торговле и захватить ее в свои руки для блага народов, нуждающихся в гарантии истины и экономии в товарообороте. Обманутые софизмами о свободе, правительства позволили изъять прекраснейшую часть своего владения, они предоставили торговлю частным лицам, конкуренции и мошенничеству, лживой и запутанной анархии» (см.: *Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир.* М., 1939. С. 49). Эта сентенция применима к российской действительности 90-х гг. прошлого века, когда политика ликвидации государственных монополий нарушила многие социальные и экономические пропорции и поставила государство в положение конкуренции с олигархическими группами.

¹³⁸ Современные исследователи в отношении судьбы государства в гражданском обществе (или общества в государстве) занимают значительно более мягкую позицию, чем та, которая нашла отражение в «Философском словаре», где декларировано: «Главная задача перестройки – достижение полного контроля гражданского общества над государством» (М., 1991. С.98).

последователей (в первую очередь Г.Ф. Гегеля) государство есть не что иное, как совокупность граждан, гражданское сообщество. В современной научной литературе гражданское общество идентифицируется с государством особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности, в силу чего оно может считаться «цивилизованным, то есть гражданским обществом»¹³⁹.

Вторая трактовка связана с представлением о гражданском обществе как сфере негосударственных отношений, структур, институтов. Она включает две позиции. Согласно одной из них гражданское общество есть система независимых и автономных от государства институтов и отношений, основанных на свободе личности, политическом плюрализме и демократическом правосознании. Другая позиция рассматривает его как феномен, институциональной основой которого являются социальные группы, организации и движения «неполитического характера». При всех различиях оценок и определений все же понятно, что государство и гражданское общество также образуют определенную пропорцию. Какого рода?

Государство – это социально-политический институт, обладающий монопольным правом нормирования отношений (законодательная власть), регулирования отношений, вплоть до применения вооруженной силы (исполнительная власть), разрешения социальных конфликтов (судебная власть), естественными экономическими монополиями – теми, которые принадлежат ему (выпуск денежных знаков, монополия на землю, недра, на выпуск водки, вооружения, также торговля ими и т.д.).

Гражданское общество – это существование относительно самостоятельной сферы жизни общества независимо от государства, политики, при этом само государство выступает основным социально-политическим институтом гражданского общества, в котором юридически обеспечены и политически защищены главные права и свободы личности, в силу чего оно может считаться цивилизованным, то есть гражданским обществом.

Следовательно, каждая из систем, именуемых «государство» и «гражданское общество», находится в диалектической связи с другой системой. Располагаясь на полюсах политического пространства, обе системы совершают колебательные движения относительно некоторой условной нулевой точки, в качестве которой выступает совокупный опыт исторического взаимодействия общества и государственной власти. Демократия допускает самостоятельную ценность как государственного, так и общественного политического опыта и тем самым минимизирует потенциальную возможность для государства сомневаться в ценности исторического опыта социума. А обществу дает меньше поводов сомневаться в «мудрости» государственного начала как такового. Демократия, таким образом,

¹³⁹ Саква Р. Режимная система и гражданское общество // Полис. 1997. №2; Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. №4.

также нацелена на активизацию исторической традиции в политике, но не в форме четкого определения приоритетности властной либо, что бывает чаще, общественной традиции, а в форме тонкого баланса взаимного признания обществом и государством самодостаточности и самостоятельной ценности их исторического опыта.

Этот тонкий баланс, как заметил еще Ф. Ницше, лучше всего выражает понятие «культура». В широком смысле этим понятием можно обозначить все изменения в природе, происходящие под воздействием человека, в отличие от тех изменений, которые вызваны естественными причинами. При таком подходе культура предстает как сотворенная человеком «вторая природа», надстроенная над первой, естественной природой, как весь созданный человеком мир. Культура включает в себя результаты материального и духовного производства. Таков общефилософский подход к культуре¹⁴⁰.

Культуру часто называют еще и инструментом в социальной практике, и такое ее определение подразумевает конкретизацию функций. Одна из важнейших политических функций культуры состоит в обозначении общих ориентиров и условий взаимодействия общества и государства в политическом пространстве, то есть в обозначении того самого условного центра политического пространства, вокруг которого выстраивается пропорциональность отношений властвования и подчинения.

Каждое конкретное сообщество (государство, народность и т.д.) создает на протяжении многих веков свою собственную культуру, которая связывает государство и общество еще и в историческом времени. И здесь пропорциональность политических отношений выстраивается как баланс между прошлым и будущим. Этот момент имеет важное методологическое значение для современной политической науки, определившейся в плане пространственных границ предмета своего внимания, но не очень четко пока представляющей хронологические рамки предмета. В принципе политическая наука должна изучать современность. Но в силу широкой семантики понятия «современность» возникает и различие в понимании предмета политологии: современен он или нет? Мы говорим, например, об особенностях генезиса современной российской демократии и ищем ее корни во временах Средневековья. Соответствует такая методология политологического анализа представлению о политической науке как науке о современном качестве политической жизни или нет?

Вероятно, использование при проведении политологического анализа тех представлений о современности, которые исповедуются исторической наукой и имеют преимущественно календарный характер, не вполне

¹⁴⁰ В современном «Философском словаре» понятие «культура» определяется следующим образом: «Социально-прогрессивная творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания» (М., 1991. С. 210–211).

целесообразно. Целесообразней представить современность и соответственно предмет анализа, вписанный в эту современность, именно как состояние баланса идеи, института, процесса между прошлым и будущим.

В этом ракурсе проблема демократии как исторического опыта «прогрессивного человечества» и как вновь совершаемого многими народами цивилизационного выбора оказывается не столь противоречивой, как это внешне выглядит. Демократия в этом ракурсе выглядит как определенная пропорциональность в развитии социально-политических систем, сформировавшаяся на стыке прошлого и будущего современной глобальной цивилизации. Это значение идеи и опыта демократии как условного организующего центра мирового политического пространства, вокруг которого выстраиваются все прочие пропорции, объединяемые категорией «демократический выбор», по-видимому, до конца так и не осознано отечественным политологическим сообществом, внимание которого по традиции, унаследованной от западной науки, продолжают привлекать институциональные характеристики демократии и институциональные характеристики ее влияния на состояние политических систем.

Институциональный подход многое дал современной политической науке. Но он естественным образом «тянет» исследователя в мир универсалий, не поддающихся точному сопряжению с объективной реальностью. Например, американский этнограф Джордж Мердок выделил более 60 культурных универсалий, свойственных всем обществам: язык, религию, символы, изготовление орудий труда, сексуальные ограничения, обычай делать подарки, спорт, украшения и т.д. Но за каждой из этих универсалий, важных для институциональной характеристики демократической и вообще любой социально-политической системы, стоит реальная религия, язык и т.д., не совпадающие по своим принципиальным характеристикам с базовыми признаками универсалии¹⁴¹.

Конкретизируя представление о политике как культуре, можно сказать, что демократия как определенная процедура доведения политического пространства до состояния оптимальной пропорциональности наиболее соответствует такому определению. Потому, во-первых, что в демократии как идее и системе ярко выражен ценностный аспект. Очень часто вообще под культурой (и это переносится на понимание политической культуры)

¹⁴¹ Когда мы говорим о языке общения в данном социуме, мы понятием «язык общения» объединяем и слово, и жест, хотя совершенно очевидно, что в группе людей с преобладанием словесной формы коммуникации восприятие идеи демократии будет одним, а при преобладании, условно говоря, жестовой коммуникации – другим. Разным будет и восприятие пропорции между идеей демократии и ее воплощением в политических и общественных институтах (см.: *Цветкова И.В.* Философская культура в современном обществе // *Общественные науки и современность.* 2003. №5. С.131–139; *Гуторов В.А.* Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // *Полис.* 2001. №1. С. 157–168).

понимают систему общих для людей ценностей, представлений о жизни, объединенных одинаковым образом жизни¹⁴². Культура рассматривается как сложное динамичное образование, имеющее социальную природу и выражающееся в социальных отношениях, направленных на создание, усвоение, сохранение, передачу и распространение предметов, идей, ценностных представлений и т.д., обеспечивающих взаимопонимание людей в различных социальных ситуациях. Ценности – это социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, любовь, дружба. Ценности не подвергаются сомнению и служат эталоном, идеалом для всех людей, они имеют исключительно положительное значение для существования и развития людей. Если верность в дружбе или в супружестве является ценностью, то нарушение ее считается предательством. Без ценностей не обходится ни одно общество. А люди могут выбирать: признавать или нет те или иные ценности. Для одних главная ценность – деньги, для других – моральная безупречность.

Если сравнивать демократию с другими моделями организации политических систем и с другими идеологиями, она выигрывает в плане большей толерантности в вопросах интеграции в политическую жизнь традиций и обычаев¹⁴³. Обычаи – это, в данном случае, одобряемые обществом массовые образцы действия, которые следует выполнять; это – все то, что унаследовано от политических предшественников: образцы поведения, ценности, вкусы, взгляды. Они относятся к культурному наследию, окружены почетом и уважением, служат объединяющим началом. Сама демократия, как уже было отмечено, для большинства народов мира не является традицией и даже, скорее, может быть названа ее отрицанием, но создает условия для более свободного функционирования традиции¹⁴⁴.

¹⁴² См.: *Шаниро И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // *Полис.* 2001. №4. С.27–36; *Мочалов Л.В.* О теории функциональной демократии участия в управлении делами общества Дж.Д. Коула // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.12, Политические науки.* 2000. №2. С.100–106; *Он же.* О формировании идейно-политической доктрины «нового лейборизма» в Великобритании (по материалам журнала «Political quarterly») // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Политические науки.* 2001. №1. С. 65–72.

¹⁴³ См.: *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М.,1992. Некоторые современные аналитики подводят под эту тенденцию в существовании демократических систем различные основания – от исторических до антропологических. В частности, известный американский политолог Р. Пайпс «привязывает» это качество демократии существовать в согласии с традициями с тем, что она более других моделей организации власти учитывает вечные свойства человеческой природы. «Здравый смысл подсказывает, – пишет Р. Пайпс, – что некоторые черты человеческого поведения не подвержены переменам, поскольку они воспроизводятся повсюду и во все времена» (см.: *Пайпс Р.* Собственность и свобода. М., 2000. С. 370–371).

¹⁴⁴ См.: *Мелкумов А.А.* Особенности государственно-политического устройства Канады // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.12, Политические науки.* 2000. №3. С. 103–118; Со-

Это объяснимо. Во всех теоретических концепциях демократий, рождавшихся в Старом и Новом свете в последние несколько столетий, рефреном звучала мысль, что, при всех организационных недостатках, демократия имеет своим преимуществом перед авторитаризмом более развитое нравственное начало отношений властвования и подчинения¹⁴⁵. Современная критика демократии также, по большей части, вращается вокруг тех моральных императивов, от которых постепенно отходит современная западная политика. А нравственное начало в жизни всех народов сопряжено с традицией. И, апеллируя к этому нравственному началу, демократия вынуждена давать и определенную свободу традиции, провозглашая лозунги религиозной терпимости, национально-культурной автономии и т.д.

Демократия больше содействует пропорциональному состоянию политики как культуры и потому, что переносит принцип пропорциональности на сферу законодательства. Когда мы говорим, что законы – это нормы поведения, оформленные парламентскими или правительственными документами, т.е. подкрепленные политическим авторитетом государства, то подразумеваем, что эти нормы внутренне пропорциональны и между ними соблюдена определенная пропорция. Соблюдена постольку, поскольку в демократической системе закон есть продукт согласования позиций законодательствующих субъектов. И постольку, поскольку все законы в демократических социально-политических структурах сообразованы с общей логикой гражданских и уголовных кодексов и прежде всего конституций. Посредством законов общество защищает самые важные и почитаемые ценности (жизнь человека, его достоинство, права, собственность), и вопрос соблюдения пропорций в этой сфере есть вопрос выживания социума.

Конкретное общество в своем существовании, основанное на оптимальной (для конкретного исторического времени и места) пропорциональности конкретных благ и ценностей, определяющих направление его развития, называется цивилизацией. В этом смысле демократия как культурная детерминация действительно сопряжена с цивилизационным прогрессом. Это отражено в понимании цивилизации как наиболее полного совпадения норм и правил государства с нормами и правилами гражданского общества, обеспечивающими свободное развитие личности. В научной и политической практике сегодня прижилось именно такое понимание критерия цивилизованности, что вносит в механику деления народов мира на цивилизованные и нецивилизированные моменты насилия (США и Ирак,

грин В.В. Ветви государственной власти в США: эволюция, взаимодействие, соперничество // *Общественные науки и современность.* 2001. №1. С.70–89; *Ашин Г.К.* Дискуссии о структуре власти и структуре элит в США // *Общественные науки и современность.* 2001. № 1. С. 90–103.

¹⁴⁵ Сегодня политическая наука вновь возвращается к этой проблеме. См., напр.: *Здравомыслов А.Г.* Власть и общество в России : кризис 90-х годов // *Общественные науки и современность.* 2000. №6.

например), мотивированного борьбой за демократию и цивилизованность. В политическом лексиконе закрепилось соответствующее понятие – цивилизованное государство¹⁴⁶.

Подводя итог проведенному анализу вопроса влияния демократии на состояние социально-политических систем, необходимо отметить несколько принципиальных для понимания этого аспекта пропорциональности моментов. Демократия на современном этапе выступает в качестве эффективного инструмента приведения социально-политических систем в состояние оптимальной пропорциональности потому, что в ней самой как идее и как политической практике заключено много качеств, которые можно рассматривать в качестве материализации принципа пропорциональности. Подобно матрице пропорционально организованная демократическая теория или демократическая практика подбирает «под себя» и пропорционально выстраивает различные элементы предшествующих недемократических политических систем, доводит до большего совершенства существующие демократические системы. То есть она выполняет в отношении политической жизни социума те же полезные функции, которые культура выполняет в отношении других сфер социальной практики. В этом смысле можно говорить о наиболее полном воплощении в демократии принципа пропорциональности в той интерпретации, которая свойственна данной национальной культуре. Понятие «оптимальность пропорций» в отношении демократии необходимо принимать только с учетом его смысловой относительности. Если бы демократическая практика и теория дошли в своем развитии до идеального воплощения принципа пропорциональности, то развитие демократических социально-политических систем прекратилось бы полностью. Однако демократические системы именно потому четче других систем обозначают собой направленность цивилизационного прогресса, что они указывают общественному сознанию цель, приближают социум к этой цели, но в самый момент такого приближения оказывается, что сформулированная на почве представлений о демократической пропорциональности цель беднее и проще той, которая начинает обозначаться впереди и для достижения которой демократия в принципе уже создала предпосылки.

¹⁴⁶ Более подробно этот вопрос рассмотрен в истории социальных учений в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского (см.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991).

Глава 3. ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

3.1. Социально-политическое структурирование социума

Пропорциональность в развитии социума может обуславливаться разнообразными факторами и анализироваться в рамках различных методологических построений – принципов самоорганизации систем, единства и борьбы противоположностей, механизмов «отрицания отрицания» или «перехода количества в качество», исходя из закона цикличности развития социума или принципа стабильности за счет возвратного механизма обратной связи. Эти принципы оказываются действенными в рамках как демократически, так и авторитарно организованных систем управления. Однако какими бы методологическими принципами не руководствовался исследователь, приходится решать проблему эталона, относительно которого осуществляется оценка динамики политических изменений. Политический процесс может носить взрывной, плавный, высокоскоростной, застойный характер, что представляет собой результирующую частностей, в качестве которых можно рассматривать и институциональное оформление государственного управления.

Поскольку политический институт представляет собой совокупность прав и обязанностей, которыми он наделяется, постольку на пропорциональность, устойчивость, стабильность состояния социума оказывает влияние распределение функций между институтами государственной власти. Функциональная пропорциональность или диспропорциональность фиксируется прежде всего формально. Однако порой бывает так, что несовершенство конституционного распределения функций нивелируется или сглаживается различными «неписанными», традиционными механизмами достижения консенсуса и согласования интересов. И наоборот, совершенный механизм, изложенный документально, на практике оказывается малоэффективным или вовсе не действует в силу включения традиционных механизмов регуляции. От того насколько функциональные механизмы разбалансированы, а следовательно, центробежны или согласованы и функционируют в «унисон», зависит общее состояние системы и характер политического процесса в целом.

Не случайно проблема институционального оформления государств находится в центре внимания исследователей не одну сотню лет и будоражит умы ученых различных стран. По большому счету институциональный дизайн государства определяется исходя из трех наиболее существенных принципов – формы правления, территориальной организации и способа принятия решения, или организации политической системы. Принцип функционального распределения полномочий между главными политическими фигурами, в качестве которых выступают глава государства, будь то монарх или президент, глава правительства, законодательные, судебные органы власти, а также администрация, аналогичные структуры на уровне федеральной и региональной власти, имеет смысл оценивать по степени или уровню пропорциональности распределения функций между ними. Критерием пропорциональности распределения функций может служить уровень стабильности, устойчивости или благополучия, достигнутый этой системой, что само по себе при идентификации вызывает неоднозначную интерпретацию. Поскольку вариантов функционального разграничения несколько, необходимо обратиться к анализу институционально-функционального дизайна политических систем с точки зрения дилеммы «пропорциональность – диспропорциональность», что послужит иллюстрацией теоретических положений первой главы.

Вот уже не одну сотню лет теоретикам и практикам приходится решать проблемы стабильности, надежности и эффективности работы такого хрупкого механизма, как государство. При этом стабильность, эффективность, надежность представляют интерес не в смысле вечного двигателя, а в смысле тонкого механизма, способного адаптировать государство к динамичным внутренним и внешним условиям. Институциональный анализ восходит к трудам Платона, Аристотеля, продолжен трудами Ш. Монтескье и А. Токвиля, а затем Р. Михельса и М. Дюверже. Однако лишь в последние годы в рамках функционального анализа институциональной подсистемы в трудах зарубежных (А. Лейпхарта, Д. Ишиямы, С. Линца), а затем и отечественных (Г. Голосова, М. Афанасьева, В. Гельмана и др.) исследователей были сформулированы направления о влиянии формы функционального разграничения на характер протекания политических процессов. При этом имеет значение не столько объем полномочий абсолютного характера, сколько функциональная значимость относительно других структур, определяющая характер взаимодействия властных структур. Соответственно в этой части исследования приобретает значение степень пропорциональности или диспропорциональности функционального распределения.

Так, например, анализ функциональных пропорций в случае президентского варианта разграничения полномочий позволяет выделить несколько линий, по которым формируется или потенциально возможна напряженность или диспропорциональность в отношениях, приводящая в

конечном итоге к диспропорциональности в распределении политической власти в целом¹⁴⁷. Необходимо обратиться к анализу принципиальных моментов, отличающих эту модель функционального разграничения. Во-первых, нельзя обойти вниманием такую характерную особенность, как конкурентная легитимация высших органов законодательной и исполнительной власти через их всенародный характер избрания. В данном случае имеется в виду то, что избрание президента и парламента осуществляется независимо друг от друга на всенародных выборах прямым голосованием. Сроки пребывания у власти избранников жестко фиксированы, а процедура устранения неэффективного главы государства является чрезвычайно усложненной для того, чтобы быть реальным политическим инструментом. Во-вторых, авторитаризм всенародного избранника закрепляется значительным объемом полномочий и ригидностью исполнительной власти, имеющей совещательный статус при главе государства – «воплощении государственной власти», а в конечном итоге приводит к мажоритарному характеру политической системы в целом в качестве побочного эффекта, имеющего гегемонистский способ принятия политического решения. Кабинет министров отсутствует как полноценная политическая фигура, полностью подконтрольная президенту, единолично осуществляющего как формирование кабинета, рокировки внутри него, так и вовсе отставки отдельных министров и правительства в целом¹⁴⁸.

Важными аргументами в пользу сбалансированности президентского варианта функционального разделения является отсутствие серьезной диспропорциональности в отношениях таких политических тяжеловесов, как президент и парламент. Это находит отражение в ограничении полномочий в области законодательных функций. Президент обладает правом отлагательного вето, которое, однако, парламент имеет право преодолевать квалифицированным большинством. Парламент, в свою очередь, обладает правом инициации процедуры импичмента. Важной особенностью функционального распределения в этом случае является отсутствие у президента права роспуска законодательного органа власти. В качестве важного преимущества рассматривается и отсутствие бицефальности исполнительной власти, а следовательно, и линии напряженности в отношениях главы государства и главы правительства. Все эти обстоятельства свидетельствуют

¹⁴⁷ См.: *Шугарт М., Кэри Д.* Президентские системы // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997.

¹⁴⁸ Критерии, по которым определяется модель разграничения полномочий, несколько различаются между собой у различных исследователей. См., например: *Чудаков М.Ф.* Конституционное государственное право зарубежных стран. Минск, 1998; *Ашаев Д.* Государство и государственность: российская альтернатива // *Власть*. 1999. №1; *Шохин А., Ашаев Д.* В России может смениться форма правления // *Независимая газета*. 1999. 24 сент.; *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран. М., 2000; *Сахаров Н.А.* Институт президентства в современном мире. М., 1994 и ряд других.

ют о «жестком» или «чистом» варианте функционального разделения, значительной доле рациональности и о соблюдении в своей основе принципа функциональных пропорций¹⁴⁹.

Соединенные штаты выступили своеобразным законодателем моды в этом виде политического дизайна. За ними последовали многие страны Латинской Америки, Африки, некоторых стран Европы и Азии¹⁵⁰. Однако другие страны чуть модифицировали функциональное распределение, нарушив соотношение между основными политическими силами¹⁵¹. Изменения на первый взгляд могли показаться несущественными, малозначимыми. Так, например, при сохранении принципа получения легитимности законодательным и исполнительным органами власти влияния президента на правительство одновременно вводился институт главы правительства и, что еще более существенно, президент наделялся правом законодательной инициативы и роспуска парламента. Результатом такого экспериментального моделирования явилось создание самой диспропорциональной модели функционального разграничения, порой называемой премьерско-президентской. Диспропорциональность проявилась достаточно быстро. В практическом применении эта форма правления оказывалась чрезвычайно неустойчивой и приводила к политическим кризисам. Политические кризисы подпитывались в том числе напряженностью в отношениях между такими мощными субъектами, какими являлись президент и парламент. Вненесенные в форму правления изменения привели к тому, что президент, обладая законодательной властью, получал возможность распускать парламент и обходиться практически без него, поскольку правительство было ему полностью подконтрольно. «Чистое» разделение функций, согласно которому ветви власти практически не смешивались между собой функционально, каждая занималась своим делом, было заменено функциональным миксом при сохранении значительного объема полномочий и у парламента, и у президента. Таким образом, возникающее напряжение в отношениях по линии «парламент – президент» вызывало эффект диспропорциональности в функционировании политической системы в целом и не единожды дока-

¹⁴⁹ См.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран. М., 2000; *Энтин Л.М.* Разделение властей: опыт современных государств. М., 1995.

¹⁵⁰ См.: Конституция Соединенных Штатов Америки; Конституция Федеративной Республики Бразилии // Конституции зарубежных стран. М., 1999; *Орлов А.Г.* Президентские республики в Латинской Америке. М., 1995; *Юдин Ю.А.* Политические системы независимых стран Тропической Африки. М., 1975 и другие.

¹⁵¹ См.: *Золотарева И.П.* Конституционная реформа в Бразилии в 80-90-х гг. // Латинская Америка. 1997. №8–9; *Она же.* Президентская республика? Парламентаризм? Монархия? // Латинская Америка. 1996. №10; *Сумбатян Ю.* Роль армии в политических структурах Африки // Азия и Африка сегодня. 1998. №11.

зало свою несостоятельность¹⁵². Конфликтные линии закладывались конституционно по направлениям «президент – парламент», «парламент – правительство»¹⁵³. Любая диспропорция в отношениях ведущих политических сил сигнализирует о себе политическими кризисами, что является своеобразной, но надежной индикацией диспропорций. В значительной степени Конституцией РФ 1993 г. была зафиксирована именно эта модель функционального разграничения¹⁵⁴. Значительный объем полномочий, которыми наделялся согласно Конституции РФ российский президент, довело до предела право главы государства распускать парламент, а также практически полная ответственность правительства перед ним. Президент получал возможность чуть ли не единолично решать вопрос об отставке правительства и роспуске представительного собрания. На протяжении двух сроков нахождения у власти первого президента России не ослабевало напряжение по линии «президент – парламент».

Процесс политического инженеринга, спровоцированный поисками «лучшей доли», не ограничился неудачной попыткой создания премьерско-президентской модели. В неё были внесены некоторые изменения, в результате которых в остатке оказалась президентско-парламентская модель. Её характерными особенностями явилось формирование своих линий напряженности и причин стабильности и нестабильности. Президент лишился возможности влиять на правительство, а также сколь-нибудь значительной законодательной инициативы. При этом сохранялась бифидальность исполнительной власти, поскольку сохранился статус главы правительства. Президент, сохраняя значительный объем полномочий, по сути, лишился возможности влиять на исполнительную власть напрямую. Он это мог сделать только через парламент, что настоятельно обуславливало необходимость искать компромиссы, а не конфронтировать с законодательным органом власти. Таким образом снималась или формировалась напряженность в отношениях по главной линии «президент – парламент». У президента появлялась возможность как усилить свои позиции за счет достижения согласия с парламентом, так и ослабить их или самоизолироваться за счет конфронтации с законодателями. Такая модель оказалась более стабильной, поскольку на практике существует в ряде благополучных

¹⁵² В качестве примеров неудачного и краткосрочного применения этой модели функционального разграничения можно привести так называемые суперпрезидентские системы Бразилии, Аргентины, Португалии (1976 г.), Шри-Ланка. Классическим примером является и Веймарская республика (1919–1932 гг.).

¹⁵³ См.: Конституция Германской империи // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 5. Политические документы. М., 1999; Конституция Португальской Республики // Конституции государств Европейского союза. М., 1997.

¹⁵⁴ См.: *Кувалдин В.Б.* Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита // *Полис*. 1998. №5; *Моисеев С.* Испытание суперпрезидентской системой // *Pro et Contra*. 1998. №3.

стран не один десяток лет. В качестве примеров удачного практического применения этой модели функционального разграничения можно привести Французскую Республику (1958), Португалию (1982), а также Австрию, Финляндию, Исландию¹⁵⁵.

Попытки внести корректуру в сложившийся баланс сил и изменить пропорции в распределении власти предпринимались неоднократно. Это диктовалось, безусловно, благими желаниями избавиться от недостатков предыдущей модели функционального распределения, однако порой еще более запутывало и усложняло процесс управления государством. Поскольку хорошо известна истина «Всё гениальное просто!», постольку стоит обратиться к классической модели расстановки политических сил – парламентской. «Чистый» парламентаризм характеризуется тем, что устранен такой «политический игрок», как глава государства¹⁵⁶. Эта модель характеризуется сильной исполнительной и законодательной ветвями власти, а следовательно, и их некоторым противостоянием. Характерной особенностью парламентской модели функционального разграничения является разделение символического управления, осуществляемого главой государства, и церемониального управления, осуществляемого правительством во главе с премьер-министром. Статус президента понижается прежде всего характером приобретаемой им легитимности. Высший тип легитимности сменяется легитимностью, приобретаемой от парламента или от специально формируемой коллегии, состоящей из представителей общенационального и местных представительных собраний. Исполнительная же власть оказывается изначально в зависимости от парламента, который располагает правом вынесения вотума недоверия правительству в целом или премьер-министру лично. На практике парламентская модель зарекомендовала себя как весьма стабильная. В контексте нашего исследования это означает, что функционально политические фигуры разведены достаточно квалифицировано. Функциональной пропорциональностью или диспропорциональностью достигается такой эффект? На первый взгляд диспропорциональностью, поскольку значительный объем властных полномочий сосредотачивается в руках одного органа власти, каким является парламента, в ущерб всем остальным. Однако если учесть, что этот орган власти коллективный, к тому же каждый член легислатуры получает легитимность «из рук» народа, то становится более очевиден эффект пропорциональности в распределении государственной власти, поскольку депутаты являются представителями интересов своих граждан. Глава государства в этом случае вообще выведен из системы разделения властей за её преде-

¹⁵⁵ См.: Конституция Французской Республики // Конституции государств Европейского союза. М., 1997; *Болдырева Е.Л.* Сравнительный анализ полупрезидентских республик (на примерах Финляндии и Франции): Дис. ...канд. полит. наук. СПб., 2000.

¹⁵⁶ См.: *Голосов Г.В.* Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.

лы. Но в данном контексте этот вариант разграничения может рассматриваться как конструктивная диспропорциональность. Парламентская модель разграничения полномочий пользуется популярностью во многих государствах Европы и Азии и доказала свою состоятельность на протяжении даже не десятков, а сотен лет. Поскольку первоисточником этой модели является Великобритания, постольку страны британского содружества также унаследовали этот вариант, что говорит о её широчайшем практическом использовании. Пожалуй, одним из «чистых» воплощений модели на практике может служить пример греческой политической системы, основанной на парламентском принципе функционального разграничения¹⁵⁷.

Функционирование любой из рассмотренных нами моделей разграничения может и должно рассматриваться в сочетании с социально-политическим окружением, которое либо усиливает пропорциональность, либо её ослабляет. В российском варианте, например, не лишне учитывать социально-политическое окружение в смысле демократических или авторитарных черт характера того или иного политического лидера страны, его способности и умение в экстремальных ситуациях находить оптимальное решение. В значительном влиянии этого фактора мы неоднократно убеждались на примерах из российской практики. Настоять на своем порой даже неразумном решении любой ценой – лобовой атакой, наскоком, во многом в ущерб делу или прийти к достижению консенсуса или/и компромисса, очевидно, определяется преобладающими качествами политического лидера. Отсюда и диспропорция функционального разграничения, зафиксированная в Конституции РФ, усиливается или ослабляется личными качествами.

Мировая практика настоятельно требует того, чтобы принципы функционального разграничения анализировались совместно с особенностями партийных систем, поскольку в западных странах выдвижение кандидатов как в президенты, так и в законодательные органы власти осуществляется на партийной основе. Функциональная модель разграничения полномочий становится более или менее пропорциональной при наложении на партийный тип структурирования системы. Так, например, президентская модель усиливает свою пропорциональность в социально-политическом контексте, структурированном в рамках двухпартийной системы. Композиция президентализма и многопартийности работает не в пользу пропорциональности, поскольку обнажает проблемы концентрации власти в одних руках на фоне партийной фрагментации, во многом способ-

¹⁵⁷ См.: Конституция Греции // Конституции государств Европейского союза. М., 1997; Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., 2000.

ствующей формированию множественных центров власти¹⁵⁸. Одновременно с этим хорошо известно взаимовлияние избирательных и партийных систем. Характер партийной системы хорошо управляется с помощью укорененных избирательных процедур. Институт избирательной системы в последнее время рассматривается и как самостоятельный инструмент политики, и в купе с типом формы правления. Отсюда следует, что ключевым моментом для достижения состояния пропорциональности может оказаться не столько выбор формы правления, сколько выбор комбинации формы правления и типа избирательной системы.

В результате исследований, проводимых различными учеными, был сформулирован ряд гипотез. В частности, одной из гипотез является предположение о том, что президентская форма правления в сочетании с мажоритарной системой избрания парламента способствует формированию двухпартийной системы, однопартийного кабинета и, как следствие, преобладанию исполнительной власти над законодательной, т. е. в некоторой степени влечет за собой диспропорциональность между ветвями власти. Некоторые авторы указывают на предпочтительность этого сочетания в определенных условиях, например, в случае поликультурных, а именно поликонфессиональных и полиэтнических обществ. Такого сочетания требует, по мнению ряда ученых, проведение комплексных, социально-экономических преобразований.

В то же время парламентская форма правления в сочетании с пропорциональной избирательной системой, по мнению исследователей, способствует формированию многопартийной системы, коалиционного правительства, равновесному состоянию исполнительной и законодательной ветвей власти, способствуя становлению консенсусной политической системы¹⁵⁹. В нашем случае – системы, основанной на пропорциональном представительстве всех социальных сил, имеющих в обществе. Гипотезы о влиянии формы правления в сочетании с избирательной системой очень разнообразны и продолжают тестироваться в различных контекстах. Может вызывать споры характер этого влияния, но сам факт уже не оспаривается никем.

Анализируя различные модели функционального разграничения с точки зрения достижения пропорций в управлении политическими системами, нельзя не учитывать то обстоятельство, что это всего лишь один из многочисленных аспектов институциональной организации политической системы, действующий как самостоятельно, так и в сочетании с другими институциональными параметрами системы. Принцип пропорциональности, очевидно, должен находиться в дихотомическом противодействии

¹⁵⁸ Матвеева О.М. Правовое положение депутатов в парламентах стран Западной Европы: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994.

¹⁵⁹ См.: *Лейнхарт А.* Сообщественная демократия // Полис. 1992. №3.

принципу большинства и хорошо уживаться с принципом взаимного вето в процессе достижения консенсуса или компромисса, а также сочетаться с принципом большой коалиции при формировании исполнительного органа власти. На практике они реализуются достаточно разнообразно и характеризуют способ организации политической системы, процесс принятия политического решения, что составляет основу политического режима. Так, например, пропорциональность может являться методом, с помощью которого государственная власть, а следовательно, и финансовые ресурсы распределяются между социальными сегментами, существующими в обществе. Иными словами посты в системе государственной службы распределяются с учетом наличия различных конфессиональных, национальных, лингвистических, региональных и иных интересов. Отсюда следует, что и процесс принятия политического решения, и ответственность за него возлагаются на представителей всех социальных групп. В этом случае теоретически политическое решение должно быть сбалансированным.

В основе пропорционального представительства интересов может быть заложен принцип раздробленности общества по сегментам, но может быть заложен и принцип «электоральных успехов», т. е. в каких пропорциях оцениваются результаты избирательного процесса. Так, например, в Швейцарии действует «сакральная формула» или так называемое «Швейцарское коллегиато» формирования Федерального совета как коллективного главы государства, состоящего из семи министров и представляющего все сегменты раздробленного швейцарского социума¹⁶⁰. Бельгийский кабинет также формируется на основе паритета лингвистических групп. Правительство состоит из равного числа министров, представляющих население, говорящее по-французски или по-фламандски¹⁶¹. Однако различные сегменты в Швейцарии и Бельгии находятся не в равных количествах, а в правительстве они имеют равное представительство, что может интерпретироваться как диспропорциональность. Возможно, что именно поэтому Бельгия представляет собой довольно проблемное образование, грозящее распасться на несколько лингвистических частей. В Австрии взят на вооружение принцип электоральных успехов, в основе которого лежит пропорциональность. Британская система, несмотря на доминирование принципа «победитель получает все», может быть интерпретирована как наиболее пропорциональная. Мажоритарный принцип делегирования интересов граждан в сочетании с большим количеством округов избрания представительного органа власти демонстрирует в конечном итоге значительно большую пропорциональность, нежели Австрия. Формирование кабинета опирается на большинство победивших кандидатов, каждый из ко-

¹⁶⁰ См.: *Ираскова В.А.* Особенности конституционного развития в Швейцарии: Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982.

¹⁶¹ См.: *Павлинчук Е.И.* Федеральная реформа Бельгии // *Полис.* 1995. №5.

торых получил легитимность лично из рук избирателей, а таковая оценивается много выше, нежели легитимность, полученная по принципу пропорциональности, справедливо являясь предметом гордости депутатов¹⁶².

Принцип пропорционального представительства в явном виде использовался в ряде стран – развитых экономически, и в бедных. Так, например, в Ливане неоднократно делалась попытка осуществить пропорциональное представительство на конфессиональной основе. При этом использовались не столько конституционные принципы, сколько неформальные договоренности: на государственном уровне должны были быть представлены как мусульмане, так и христиане, – полагали, что это приведет к достижению компромисса и гармонии. Данный принцип представительства использовался в купе с пропорциональным избирательным механизмом. Однако использование этого принцип в реальности привело к многочисленным вспышкам межобщинных столкновений, а затем повлекло за собой жесткую, затянувшуюся на многие годы гражданскую войну¹⁶³.

Наиважнейшим моментом малайзийской пропорциональности являлось то, что ключевые позиции в государственном аппарате занимала правящая коалиционная партия, в состав которой входят двенадцать более мелких политических партий. Объединенная малайская национальная организация занимает лидирующие позиции в этом альянсе, что вполне соответствует доле малайской этнической группы в обществе. Президентом партии является представитель малайской общины. Китайская ассоциация Малайзии занимает второе по численности место в альянсе, что также соответствует процентной доле китайцев в малайском обществе. В состав альянса также входит Индийский конгресс Малайзии и ряд других партий. Таким образом, представлены интересы всех социальных групп, но при сохранении малайского лидерства. Такая система пропорционального представительства демонстрирует свою состоятельность с мажоритарным механизмом формирования представительного органа власти, позаимствованного у Великобритании.

Очевидно, что принцип пропорциональности может быть ярко выраженным или явным, но приводит к конфликтным ситуациям и вызывать кризисы и нестабильность в развитии политических систем. Однако принцип пропорциональности может быть неявным, латентным, но составлять основу управления государством и быть тем цементирующим составом, который в основании скрепляет систему, защищает ее от разрушения, являясь надежным фундаментом. Очевидно, что принцип нелинейности может стать одним из фундаментальных принципов развития и управления политических систем. Сложноорганизованные нелинейные системы име-

¹⁶² См.: *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. СПб., 2002.

¹⁶³ См.: *Зубов А.Б.* Парламентская демократия и политическая традиция Востока. Ретроспективная и сравнительная политология. М., 1990.

ют, как правило, множество путей развития, наиболее эффективным может оказаться наименее очевидный из них.

Динамическая сбалансированность политической системы во многом представляет собой следствие функционального разграничения в иной плоскости – территориальной – и соответственно имеет непосредственный выход на проблему социально-политических пропорций. Этот фактор оказывается немаловажным как для унитарных, так и для федеративных образований, поскольку иллюминирует проблему децентрализации государственной власти по вертикали. Территориальная организация характеризует разделение властных полномочий по вертикали, в различных государствах общий баланс или соотношение участия во власти и ее разделении между центром и регионами различны. Для сбалансированного функционирования государства имеет значение, во-первых, степень децентрализации государственной власти, во-вторых, способ выделения субъектов, в-третьих, тип отношений между центром и субъектами.

Степень децентрализации государства реально выражается в том, что форма государственного устройства может быть унитарной, федеративной. Одной из отличительных черт федерализма является более высокий уровень децентрализации государственной власти по сравнению с унитарными государствами. Это означает, что государственная власть делегируется частично на региональный уровень властных отношений, что может осуществляться различным образом. В соответствии с первой моделью делегирования федеральное правительство является формообразующей структурой для всего общества, а региональные правительства обслуживают свои сегменты. Согласно второй модели делегирования государство стоит над правительствами регионального уровня. Власть сама организуется в виде пирамиды. В рамках третьей модели существует единый центр власти, окруженный периферией, в той или иной степени связанный с центром. Власть самоорганизуется вокруг сильного центра. Четвертая модель основана на том, что весь объем властных полномочий сосредоточивается в центре управления¹⁶⁴. В реальности существуют все типы функционального разграничения, имеющие непосредственный выход на пропорциональность распределения власти общегосударственного масштаба, а следовательно, на устойчивость или кризисность в развитии системы.

Неизбежно рождаются вопросы: Какой объем полномочий, предоставляемых региональным структурам власти, считать нормальным или аномальным? Что опять-таки может являться эталоном централизации или децентрализации власти? В практике разграничения полномочий существуют вполне благополучные децентрализованная Швейцария и суперцентрализованная Австрия. В то же время децентрализованная Бельгия

¹⁶⁴ См.: Элейзер Дж. Сравнительный федерализм // Политические исследования. 1995. №5.

уже не одно десятилетие грозит распасться на три составные части, а в сверхцентрализованной Индии на протяжении всего существования постоянно воспроизводится необходимость одновременно в нескольких штатах вводить прямое федеральное управление, а порой и федеральные войска.

На эти вопросы также нельзя дать односложный ответ, поскольку на тип функционального структурирования имеет значительное влияние способ выделения сегментов. В чистом виде существуют два принципа территориального сегментирования – территориальный и нетерриториальный. Нетерриториальное структурирование, как правило, осуществляется с учетом социальных сегментов – этнических, конфессиональных, лингвистических и иных. В этом случае территориальные границы совпадают с границами компактного расселения той или иной социальной группы. Каждому крупному сегменту, представленному в обществе, выделяется не только территория, но и определенный, а порой значительный объем властных полномочий, ресурсов, автономности. На первый взгляд, весьма пропорциональное структурирование теоретически может и должно бы привести к сбалансированности управления, поскольку субъекту предоставляются квазигосударственные права. К числу таких прав относятся как символические – название субъектов, высших должностей в регионе, наличие у субъектов политической символики, так и реальные – наличие своих конституций, языка, выборность властных органов, возможность участия в международных отношениях в качестве самостоятельных субъектов этих отношений, наличие собственных региональных политических партий¹⁶⁵. Однако реальность уже не один раз продемонстрировала несостоятельность данного принципа пропорционального структурирования властных полномочий по вертикали.

Так, например, на протяжении всего существования Бельгийской федерации дестабилизирующим фактором являлось и является наличие в качестве самостоятельных субъектов трех сообществ, выделенных по лингвистическому принципу. В своей основе пропорциональный принцип является причиной того, что проблема переводится в плоскость обсуждения вопроса разделения одного государства на три самостоятельных. Выделение в составе в целом территориальной Канадской федерации одного субъекта по лингвистическому принципу также значительно «усложняет жизнь» всей федерации. Поскольку границы компактного проживания франкоговорящего населения Квебекской провинции совпадают с территориальными границами, постольку создаётся благодатная почва для выхода из состава государства или для формирования спекулятивных устремлений политического руководства этой провинции. Опять-таки угроза выхода из состава государства сохраняется на протяжении не одно-

¹⁶⁵ См.: Федерализм: проблемы формирования. Документы и материалы: В 2 ч. Казань, 1997.

го десятилетия, что дестабилизирует ситуацию. В перерывах между референдумами по вопросу о выходе из состава федерации Квебек выдвигает ряд требований о наделении этого региона привилегированными правами. В случае Канадской федерации явный принцип пропорциональности и симметричности при наделении субъектов правами, так же, как и в Бельгии, оказывается дестабилизирующим фактором в силу того, что сетка регионального структурирования имеет асимметричный характер. Таким образом, использование этой модели структурирования, изначально имеющей пропорциональные характеристики, таит в себе опасность, которая не раз заявляла о себе во весь голос в таких регионах, как Квебек, Валлония, Биафра, Чьяпас, Чеченская Республика. Еще более драматично, если не сказать трагично, сложилась ситуация в таких федерациях, ушедших в «небытие», как Югославия, Чехословакия, СССР.

В настоящее время Российская Федерация использует территориально-внетерриториальный, то есть смешанный принцип формирования федерации. В 1993 г. в России резко обострились отношения между исполнительной и законодательной ветвями власти со значительным перекосом в пользу исполнительной. Представители каждой из ветвей обратились за поддержкой в регионы, стремясь укорениться за счет заигрывания с ними. В этот период времени субъекты, в особенности сформированные по национальному принципу, получили налоговые льготы, финансовые транши и кредиты, значительную экономическую свободу, поскольку именно они неоднократно инициировали выход из состава РФ, что грозило дальнейшему распаду государства. В регионы был делегирован значительный объем политической власти. Помимо этого субъект Федерации получал порядка пятисот федеральных должностей в таможенных, налоговых и других структурах, которые занимали преимущественно представители, родственники и ближайшее окружение региональной семьи. В результате предоставленной свободы в Конституции Чеченской Республики появилась статья 17 о независимости государства от РФ, статья 59 Конституции Татарстана объявляла его ассоциированным с Россией государством, а конституция Башкирии закрепляла право свободного выхода из состава Российской Федерации. В конституционных проектах Тувы, Карелии, Якутии устанавливалось верховенство местных законов над российскими¹⁶⁶. По-видимому, на тот промежуток времени другого выхода, кроме как пойти на этот опасный компромисс для сохранения главного – государства, не было. Однако для этого временного промежутка оказалось характерным такое явление, как диспропорция в распределении власти в пользу региональных элит. Региональный уровень власти получил возможность распоряжаться всеми видами ресурсов, рулить региональным бизнесом. Боль-

¹⁶⁶ См.: *Иванов А.* Суверенитеты трудно строить в вертикаль // Политбюро. 2003. №7. С. 11–12.

шинство из региональных лидеров почувствовали себя королями, шахами, султанами во вверенных им владениях.

Однако уже к 2000 г. стала постепенно нарастать, а затем и доминировать иная тенденция в отношениях между центром и регионами. Осознав, что именно национальные образования в составе Российской Федерации дестабилизируют ситуацию в государстве, создают основы для сепаратизма, руководство страны взяло курс на изменение границ субъектов, входящих в состав Российской Федерации. Идея о необходимости изменения субъектных границ впервые была озвучена еще в 1998 г. тогдашним премьер-министром Е. Примаковым, что, очевидно, является примером мудрого и нестандартного решения экономико-политико-национальных проблем государства. Неудивительно, что категорически против этого решения высказались все главы национальных образований. Все же, несмотря ни на что, в 2000 г. были учреждены федеральные округа, создан институт полномочных представителей президента в округах. Поскольку в соответствии с Конституцией Российской Федерации президент выведен из системы разделения властей и стоит как бы «над» всеми, то и полпреды, находясь в непосредственном подчинении лишь президента, оказались в таком же привилегированном положении. Затем был изменен порядок формирования Совета Федерации, что также уменьшило влияние регионов в центре, а в 2004 г. начался процесс укрупнения регионов. В результате объединения 11 автономий и трех республик с краями и областями предположительно должно остаться лишь 75 субъектов Российской Федерации¹⁶⁷. Всё это – шаги на пути к концентрации политической власти, финансовых потоков, к большей централизации Российской Федерации. Безусловно, пока остается без ответа вопрос: движение это к пропорциональности или это другая крайность – диспропорциональность в распределении политической власти между центром и регионами, что считать золотой серединой на этом тернистом пути?

Территориальный принцип структурирования не привязывается к социальной структуре общества и не связан с решением этнических, лингвистических, конфессиональных или иных проблем представительства, существующих в обществе. Поскольку границы между субъектами проводятся по географическим разделителям – горам, рекам, меридианам, параллелям, то в основе своей территориальный принцип не является пропорциональным, не рассчитан на балансировку отношений между различными социально-региональными группами и центром. Этот принцип широко используется на практике в различных странах как поликультурных, к числу которых можно отнести Швейцарию, Малайзию, США, так и относительно гомогенных – Австрии, Германии. В конечном же итоге в реальности данный принцип оказывается более сбалансированным, поскольку в

¹⁶⁷ См.: *Хамраев В.* Как переделают Россию // *Власть.* 2004. №11. С. 34.

результате такого проведения границ практически не создается ситуация наложения различных фрагментов социума друг на друга. Стабильность или пропорциональность социума достигается за счет действия принципа пересекающихся фрагментов, согласно которому линии религиозной, этнической, конфессиональной и иных фрагментаций пересекаются между собой в субъектах в различных вариантах.

Территориальная модель институционального структурирования предполагает обращение к анализу механизмов, посредством которых осуществляется распределение или перераспределение власти между центром и регионами. Очевидно, что нельзя не учитывать способ формирования палат высшего представительного органа власти. Нижние палаты legislatures традиционно формируются на основе всенародного избрания. Поэтому в контексте нашего исследования, безусловно, значимым является вопрос об избирательной модели, применяемой для этого. По большому счету используется система пропорционального представительства интересов, часто применяемая в списочном варианте, и система большинства, а также различные варианты смешения этих двух принципов. Поскольку избирательная формула в современной политике перешла в разряд мощных инструментов, посредством которых политика осуществляется, постольку актуален анализ того, в какой степени с помощью той или иной избирательной системы достигается пропорциональность или диспропорциональность представительства региональных интересов на национальном уровне.

Достаточно распространенным заблуждением является мнение о том, что применением пропорциональной системы избрания депутатов достигается эффект пропорциональности в представительстве интересов социума. Применение же мажоритарного принципа ведет к значительным отклонениям от желаемой пропорциональности. Однако даже в российской практике, которая пока не велика, очевиден тот факт, что именно пропорциональный элемент избирательной системы оказывается наиболее несостоятельным и наименее демократичным. Изначально задуманный как пропорциональный, что нашло отражение даже в названии, принцип голосования за партийные списки, а затем перевода этих голосов в места представительного собрания в конечном итоге позволяет наполнять представительное собрание «котами в мешке», которые либо мало известны избирателям, либо не известны вовсе. В то же время практика стран, применяющих лишь мажоритарный принцип, то есть принцип «победитель получает все», позволяет заключить, что при малой величине округов и значительном их количестве может быть достигнут куда более пропорциональный эффект, нежели при непосредственном использовании «чистого» принципа пропорциональности. В конечном итоге реальность свидетельствует в пользу большей справедливости мажоритарного принципа, поскольку депутаты, получая мандат непосредственно из «рук» избирателей своего ре-

гиона, соответственно несут перед ними ответственность и более качественно отстаивают интересы этого региона на национальном уровне.

Что же касается принципов формирования вторых палат, то он также может оказать воздействие на пропорции в распределении власти между двумя уровнями – национальным и субъектным. Это происходит различным образом в зависимости от того, какой механизм заложен в основу формирования верхней палаты законодательной власти. Изначально верхняя палата создавалась именно для того, чтобы быть противовесом нижней и, чтобы в структурах государственной власти были представлены именно территории. Территории могут быть представлены как на основе равного представительства, независимо от размера субъекта, так и с учетом физических параметров. Очевидно, что система равного территориального представительства по принципу «от каждой территории – один человек или два человека» независимо от численности проживающего населения или протяженности территории ведет в конечном итоге к диспропорциональности, хотя изначально этот принцип задумывался как пропорциональный. Таким образом формируются, например, Совет Федерации Российской Федерации и Совет кантонов Швейцарии, сенаты Мексики, Аргентины, Бразилии, США. Сенат Бельгии избирается на основе пропорционального представительства в соответствии с языковыми квотами. В Австрии принцип земельного представительства основан на численности населения, проживающего на территории земли. Количество избираемых от земли депутатов пропорционально численности её граждан¹⁶⁸.

Пропорциональность представительства определяется еще и способом делегирования депутата в верхнюю палату парламента: по принципу избрания или назначения. Имеет значение и то, кем назначается или избирается депутат. Так, например, в России, начиная с 2000 г., Совет Федерации формируется на половину непрямым голосованием. В законодательных собраниях субъектов Федерации избирается по одному представителю от субъекта. Вторая же часть Совета Федерации формируется по принципу назначений главой государства или главой субъекта¹⁶⁹. Принцип назначений при формировании верхней палаты представительного собрания существенно искажает принцип пропорционального представительства интересов территорий, поскольку часто граждане, проживающие на территории субъекта, не имеют представления о том, кто отстаивает их интересы в центре и, наоборот, депутаты не знают проблем представляемого ими субъекта. Такая ситуация складывается, например, в России после 2001 года. В Великобритании, а также в большинстве стран, находившихся под её

¹⁶⁸ См.: Конституции государств европейского союза. М., 1997.

¹⁶⁹ При этом необходимо заметить, что в тексте Конституции РФ не содержится информации об изменениях в формировании Совета Федерации, которые осуществлены в 2000 году.

влиянием, сохраняется принцип назначений депутатов второй палаты парламента. В Канаде сенаторы назначаются даже не в провинциях, чьи интересы они должны представлять в Сенате, а федеральным правительством, генерал-губернатором и премьер-министром. Отсюда следует, что сенаторы, как правило, не имеют отношения к провинциям. Такая же ситуация складывается в Индии, Малайзии, что позволяет сформировать хорошо управляемый орган власти, но, очевидно, что к разряду представительных органов власти он уже не принадлежит. Наибольшей пропорциональности в плане представительства территориальных интересов соответствует принцип прямых выборов депутатов в территориальных образованиях.

Пожалуй, не лишне будет подчеркнуть, что соотношение сил или функциональное соотношение отдельных ветвей власти, а также национального и субъектного уровней не является застывшим. Поскольку политическая система представляет собой систему самоорганизующуюся, постольку соотношение сил меняется в зависимости и в направлении тех линий напряженности, которые формируются в процессе накопления реальных жизненных потребностей. Жизнеспособная политическая система должна уметь адаптироваться, обладая способностью к авторегуляции. Если первоначальные условия, при которых политическая система находится в состоянии относительной стабильности, изменяются, то равновесие смещается в том направлении, которое должно способствовать компенсации внешних воздействий, ставших причиной напряженности в системе. Задача носителей политической власти состоит в том, чтобы в нужный момент уловить тенденции в развитии политического организма, «услышать» или «почувствовать» нарождающиеся очаги напряженности и вовремя принять оптимальное политическое решение, не допустив критичности в функционировании. Именно поэтому власть порой эмоционально определяют как «большое ухо», которое должно прислушиваться к своим гражданам.

Одной из особенностей развития политических систем является то, что процесс не носит линейный характер. Существует точка зрения, согласно которой процесс не поступателен, а волнообразен¹⁷⁰. Этапы жестко централизованного состояния сменяются раскрепощением политической системы. Это происходит как под влиянием внешнего воздействия, так и под влиянием сил саморегулирования, возникающих в результате накопления эффекта диспропорциональности в распределении политической власти. Об этом свидетельствует, например, исторический путь России, представляющий собой, по мнению некоторых исследователей, смену различных состояний. Либерализация, демократизация и раскрепощение по-

¹⁷⁰ См., например: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Политические исследования. 1998. №2; *Моцелокоев Е.Н.* Теория длинных волн Н. Кондратьева и социально-политическая динамика России // Вестн. МГУ. Сер.12, Политические науки. 1997. №4.

литической системы сменяются жесткими тенденциями и замораживанием этой сферы.

Политическая система находится в постоянном движении. Её динамическое состояние неустойчиво, подвижно и характеризуется различной степенью нестабильности. Неустойчивость в этом контексте рассматривается как явление положительное и необходимое условие динамического развития системы и её выживания. Системы, способные к организации как под влиянием внешних факторов, так благодаря внутренним источникам саморазвития, должны быть открытыми.

Порой явная пропорциональность может привести к усилению беспорядков в обществе, что неоднократно случалось на практике. В то же время использование принципа большинства, далекого в своей основе от пропорциональности, порой стабилизирует политическую ситуацию, возвращает её в нормальное русло. Однако это не противоречит нашей теории, а лишь подтверждает её, поскольку сложноорганизованные системы, к числу которых принадлежит, безусловно, и политическая система, относятся к нелинейным и недетерминированным системам. Таким системам нельзя «навязывать» пути их развития по простому принципу «чем больше, тем лучше», «чем сильнее, тем дальше» и т.д. Отчасти по причине непонимания этого принципа в развитии общества многие проекты решительного преобразования экономики, политики или социальной сферы оказались несостоятельными.

Необходимо понять собственные тенденции развития системы и найти эффективный способ решения проблемной ситуации по принципу иглоукалывания, акупунктуры: «болит голова – уколоть палец». Так называемый гибкий стиль управления и нахождение оптимальных решений должны демонстрировать и представители властных структур, что собственно и составляет «мудрость или искусство» управления государством. Важно понять, как можно инициировать какое-либо явление или предотвратить его, выработав систему рычагов резонансного воздействия. Нестандартное решение признается в качестве основы организационных изменений. Бурный экономический рост означает, что правительства нашли рычаг, позволяющий повысить эффективность экономического развития, и, наоборот, бесплодные и мучительные социально-экономические реформы говорят о том, что методы преобразования неадекватны проблеме. Таким примером выступает «экономическое чудо» в странах Юго-Восточной Азии. Очевидно, что правительства этих стран нашли точки эффективного воздействия на экономику, для того чтобы обеспечить значительный рост в сжатые сроки.

3.2. Государство и гражданское общество

Человеческое общество в своем развитии всегда стремилось решать проблемы гармонизации социальных отношений. Однако поиск эффективных пропорций, а самое главное – их реальное воплощение в жизнь – является трудным и подчас болезненным процессом. Общество, прежде всего его элитарные слои, путем эволюционного развития пришло к осознанию того, что необходим некий институт, структура, которая, обладая всеобщностью и благодаря этой всеобщности, сможет устанавливать оптимальные на данном пространственно-временном континууме пропорции. Таким институтом стало государство. Само возникновение государства можно рассматривать и расценивать как ответ на диспропорциональность догосударственного развития человеческого социума.

Государство является наиболее важным институтом политической системы. Значимость государства определяется максимальной концентрацией в его руках власти и ресурсов, позволяющих ему эффективно и решающим образом влиять на социальные изменения, на установление пропорций в развитии общественных систем. С момента своего возникновения государство неоднозначно трактовалось в истории политической мысли, поскольку на различных этапах общественного развития на первый план выходили те или иные варианты и модификации установления пропорций между сферами общественной жизни, между социальными группами, между различными органами власти, между способами производства социальных благ и т.д. Все это позволяло различным мыслителям характеризовать конкретно-исторические типы государства, прежде всего по господствующей модификации распределения пропорций. Эти характеристики и стали наименованием разнообразных типов государств.

В рамках формационного подхода главным критерием выделения конкретных типов государств выступают пропорции в распределении основных общественных ресурсов между различными социальными группами. В зависимости от того, какой класс получает наибольшую долю в ресурсах всего общества, формируются структура и характер государства. В рабовладельческом государстве подавляющая доля ресурсов была сосредоточена в руках рабовладельцев, рабы же, по сути, вообще были лишены даже ничтожной доли в обладании ресурсами, а точнее, сами выступали в качестве ресурсов.

Феодальный тип государства стал результатом эволюции человеческого социума и новым вариантом распределения основных долей общественных ресурсов. Экономические ресурсы сосредоточивались в руках феодалов, духовные, культурные и идеологические – в руках Церкви, политические – стали предметом ожесточенной борьбы светской и духовной власти. Во многом по причине того, что феодальный вариант распределения долей и пропорций не обеспечивал адекватных ответов на вызовы нарождающегося альтернативного варианта устройства социально-

экономической и политической жизни, он уступил место буржуазному (капиталистическому) обществу.

Капитализм стал всеобъемлющим вариантом установления новых, до этого не используемых вариантов установления пропорций практически по всем видам социальных ресурсов. В экономической сфере приоритет был отдан классу буржуазии, хотя рабочий класс с течением времени также стал претендовать на определенную долю ресурсов, и здесь уже нельзя говорить об отсутствии или ничтожности интересов несобственников в установившихся пропорциях. В политической сфере пропорции устанавливались прежде всего через реализацию концепции разделения властей. Впервые в человеческой истории так четко была проведена граница между полномочиями отдельных органов государственной власти, а сам феномен представительной власти стал чуть ли не математическим выражением пропорций внутри имущих классов по поводу их взглядов на реализацию отдельных вопросов социально-политической жизни.

Социалистическое государство задумывалось классиками марксизма как образец наиболее оптимального распределения долей во всех сферах общественной жизни, где приоритет, однако, принадлежал бы трудящимся классам, а коммунизм – как идеальное распределение пропорций в обществе, обеспечивающее бесконфликтность существования всех социальных групп, что является залогом процветания и общественного прогресса. Практическое воплощение этих идей оказалось не таким безоблачным, как теория. В реальной жизни даже в социалистических обществах постоянно происходила подстройка пропорций под конъюнктуру текущей политической ситуации.

В рамках цивилизационного подхода основными критериями выступают пропорции в распределении духовных долей в общественной жизни – культурные, религиозные, национальные и пр. В частности, по мнению одного из представителей данного подхода А.Тойнби, цивилизация есть замкнутое и локальное состояние общества, отличающееся общностью религиозных, национальных, географических и других признаков. В зависимости от них выделяют различные цивилизации: египетскую, китайскую, западную, православную и т.п.¹⁷¹ Каждая из этих цивилизаций представляет собой уникальную совокупность пропорций по всем вопросам социальной жизни. Непохожесть и локализованность в пространстве и времени вариантов пропорций составляет неповторимость каждой цивилизации и отграничивает ее от соседей.

Пропорции устанавливались всегда и во всех типах государств, независимо от их размеров, численности, географического положения и исторической эпохи. В одних государствах на протяжении веков и даже тыся-

¹⁷¹ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992 и др.

челетий установление пропорций является непосредственной и главной прерогативой высшей власти. К таковым можно отнести все те, которые не принадлежат современной западной цивилизации. В других государствах, которые современная общественно-научная традиция относит к числу так называемых западных, имеет место и другой процесс, другое явление, которое в контексте нашего исследования представляет несомненный интерес. Явление это получило название «гражданское общество». Возникновение и функционирование гражданского общества в данном случае можно рассматривать как специфический феномен общественной самоорганизации и установления нужных обществу пропорций без вмешательства или при минимальном, строго регламентированном вмешательстве государственной власти.

Особенности политического развития западноевропейских социумов, некоторые параметры их цивилизационной системы, такие как противоборство католицизма и протестантизма, потребность в политической и правовой самоидентификации «третьего сословия», активная колониальная экспансия, породили внутренне неустойчивую и достаточно противоречивую идею гражданства как альтернативу феодальному принципу сословности. Вместе с тем провозглашение принципа гражданства имело и вполне рациональную цель – новое распределение основных общественных долей, установление такой пропорциональности, которая отвечала бы вызовам времени. Широта социально-политического звучания этой идеи и исторически разнообразные способы ее правового воплощения имели следствием неустойчивость научных концептуальных попыток осмысления этой идеи. Общая линия развития философского и политологического анализа этой идеи привела европейское научное сообщество к формальному соглашению по поводу некоторых базовых параметров, включаемых в структуру понятия «гражданское общество». Однако ныне имеющие место в науке попытки совместить идеальные параметры «гражданского общества» с практическими рекомендациями по его правовому оформлению обнаруживают сохраняющийся разрыв между «гражданским обществом» как ценностью и как прикладной организационной моделью. Происходит это по той причине, что «гражданское общество» как прикладная организационная модель всегда представляет собой некий вариант общественной пропорциональности между различными социальными группами, между обществом и государством, между вниманием, уделяемым различным сферам общественной жизни. Такой вариант, естественно, всегда уникален, зависит от множества объективных и субъективных факторов: исторического прошлого, типа экономического и политического устройства, менталитета, социально-психологических особенностей народа и т.д.

Это позволяет предположить, что современное российское общество и его политические структуры в ходе демократических реформ предприняли рискованную попытку транзита политической модели, являющейся, в

сущности, неустойчивым балансом этических принципов, эклектической смесью правовых норм и доктринальных политологических предписаний с достаточно разнообразным опытом их практического воплощения. Отсутствие строгой системности в заимствованном зарубежном идейном и организационном опыте гражданского общежития приводило прежде и приводит сейчас к тому, что при наложении этого опыта на отечественные традиции отношений между обществом и властью происходит избирательное отсеивание тех элементов этого опыта, для которых нет свободных «ячеек» в политической культуре российского социума. Таким образом, можно говорить, что перенос концепции «гражданского общества» в Россию и ее воплощение в чистом виде было бы резким и чрезвычайно болезненным нарушением пропорций общественного развития. Вся отечественная политическая система противится такой навязанной диспропорциональности, при этом сама оставаясь, по сути, диспропорциональной с точки зрения идеальных образцов.

В связи с этим для политической науки принципиально важным является вопрос, составляющий, вероятно, главное звено в понимании и оценке заимствованных с Запада политических образцов: нужны ли России принципы и организационные формы установления общественных пропорций, основанные на западной теории гражданственности, как стратегия политического развития?

При организации социальной жизни в России центральное место в процессе установления пропорций занимают, естественно, государственные органы власти. Современная российская политическая практика показывает, что главное место во властной структуре занимает исполнительная ветвь. Исполнительные органы власти представлены в виде разнообразных структур. Важное место в политической структуре призваны занимать органы местного самоуправления. Но являясь, по сути, институтом гражданского общества, местное самоуправление на деле – «типично бюрократические учреждения, мало чем отличающиеся от органов администраций»¹⁷². Таким образом, формально застолбив за собой место в политической системе, органы местного самоуправления еще не укоренились в сознании населения как нечто самостоятельное, не связанное иерархическими нитями с органами государственной власти, а потому всерьез претендовать на автономную роль в установлении и воплощении пропорций социального развития пока не могут.

Заметное место среди субъектов политики занимают средства массовой информации. Они служат связующим звеном общества и власти, являются каналом политической социализации, но делают это неформально, используя невластные методы в своей работе. Хотя необходимо отметить,

¹⁷² Барзилов С., Чернышев А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. 1997. № 2. С. 8.

что масс-медиа сегодня зачастую находятся в зависимом положении от властей как в техническом плане (доступ к полиграфической базе, передающим центрам), так и в финансовом отношении.

Важным свидетельством пропорциональности общества является наличие в нем разветвленной сети неправительственных организаций и общественных движений. Понятие «общественное движение» является одним из базовых в современной социологической теории, фундаментальным в таких специальных социологических направлениях, как социология общественных движений и политическая социология. При этом до настоящего времени оно остается дискуссионным. Его использование предполагает обращение к другим фундаментальным взаимосвязанным социальным категориям, таким как коллективное действие, социальная группа, социальное изменение, социальный институт, религия и некоторым другим. Можно определить общественные движения как коллективные вызовы, осуществляемые людьми с общими целями и солидарностью в воспроизводимом взаимодействии с элитами, оппонентами и властями. Это определение имеет четыре эмпирических измерения: коллективный выбор, общая цель, солидарность и воспроизводимое взаимодействие. В отечественной социологии проблематика общественных движений обсуждается последнее десятилетие, в том числе анализируются вопросы определения общественных движений, их классификации и типологии, динамика и цикличность развития, влияние на политику и социально-культурные процессы в российском обществе.

Различия, существующие между общественными движениями и политическими партиями, находятся на функциональном уровне. Главная особенность общественных движений заключается не в особом способе осуществления ими функции представительства интересов и достижения пропорциональности, а в том, что именно социальные сети, представленные в общественном движении, функционально связаны и с артикуляцией требований, и с проведением мобилизационных кампаний, и с разработкой и распространением убеждений, и коллективной идентичностью.

При всех недостатках, которые таит в себе прямое копирование западных образцов гражданского общества, необходимо признать, что модели демократии, которые неразрывно связаны с гражданским обществом и не могут существовать друг без друга, имеют одно важное методологическое свойство, чрезвычайно актуальное как для политической практики, так и в исследовательском контексте нашей работы. Свойство это заключено в наличии определенных механизмов и процедур, реализация которых может стать легитимным установлением пропорций, прежде всего в политическом развитии общества. Эти механизмы и процедуры состоят в альтернативных выборах и многопартийной политической системе.

Действительно, именно партийная система является важной составной частью политической системы. Отдельные партии могут приобретать

статус влиятельных субъектов политического пространства, но долгосрочное их воздействие на политическую жизнь возможно только в составе сложноорганизованной структуры со своими законами, нормами, механизмами установления пропорций. Такой структурой является партийная система.

Партийная система – это функционирующая в обществе форма организации деятельности политических партий, определяющая характер взаимоотношений между самими партиями, между партиями и другими политическими институтами, обеспечивающая на основе права и неюридических норм формирование и реализацию политической воли народа в соответствии с программными целями и приоритетами. Отдельные исследователи склонны видеть в партийной системе столь масштабное явление, что выделяют в ней следующие структурные элементы: организационную, нормативную, функциональную, коммуникативную подсистемы¹⁷³, что более характерно, на наш взгляд, для структуры политической системы в целом. Мы можем говорить о том, что партийная система есть сложный механизм институционализации общественных настроений по поводу установления того или иного варианта пропорциональности, переводу социально-политических ожиданий на формальный уровень.

Партии являются одной из пограничных структур гражданского общества, но при этом чрезвычайно важными с точки зрения его полноценного функционирования и взаимодействия с государством. Французский социолог Р. Кейроль считает партии организациями, устанавливающими взаимосвязь между институтами власти и гражданским обществом¹⁷⁴. «Политическая партия, – по определению американской исследовательницы К. Лоусон, – это организация, которая может считать главным смыслом своего существования создание целой цепочки связей, которая идет от избирателей через кандидатов и электоральный процесс к представителям власти»¹⁷⁵. Выступая универсальным посредником между обществом и государством, партии становятся инструментом легитимации власти и одновременно решают одну из важнейших демократических проблем – проблему защиты прав и свобод граждан от вмешательства государства, становятся гарантом справедливого распределения пропорций между властью и обществом. «Поддерживая непрерывность политического процесса, партии объективно обеспечивают устойчивость обратных связей между обществом и политической системой. Работая над преодолением отчуждения

¹⁷³ См.: *Никифоров А.Ю.* Статус политических партий в постсоветской России: особенности формирования, типология, тенденции развития: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2001. С.10.

¹⁷⁴ См.: *Франция глазами французских социологов.* М., 1990. С. 16.

¹⁷⁵ Цит. по: *Гражданское общество в России: структуры и сознание.* М., 1998. С. 175.

«периферийных» групп общества, вовлечением их в политику, партии увеличивают гибкость и маневренность политической системы»¹⁷⁶.

Аналитические трудности определения политических партий и их роли в пропорциональном развитии общества обуславливаются во многом своеобразием и особенностями многочисленных теоретических подходов, когда в одно и то же понятие, отражающее конкретное, определенное явление, вкладывается неодинаковый смысл или предпочтение отдается какой-либо стороне или группе признаков. Положение усугубляется еще и тем, что партии – явление конкретно-историческое, и в каждом обществе они принимают уникальные формы.

На наш взгляд, можно выделить несколько подходов к определению политических партий, к пониманию их сущности, можно даже говорить о типологиях определений, исходящих из различных критериев.

В философско-этическом смысле устанавливается так называемое «органическое» понятие партии как в принципе естественной формы объединения людей в различные фракции и группировки, происходящего на основе какого-либо принципа и направленного на реализацию общих целей.

В социально-историческом аспекте партии можно рассматривать как определенный, вполне устоявшийся структурный элемент общественной системы, как коллективную форму организации и институционализации социально-классовой активности, как фактор формирования и выражения общественного мнения и идеологических установок различных социальных групп и т.д.

Понятие партии может также исследоваться с точки зрения конкретного правового определения данного политического института. Необходимо четко разграничивать общее государственно-правовое значение понятия партии и конкретное правовое определение политической партии в законодательстве. Российское законодательство закрепляет следующее определение политической партии: «Политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»¹⁷⁷.

Как видим, во всех методологических подходах к партиям в той или иной степени подчеркивается их фундаментальная роль в установлении

¹⁷⁶ Грызлов Б.В. Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001. С.2.

¹⁷⁷ Федеральный закон «О политических партиях» Ст.2.// Российская газета. 2001.14 июля.

пропорций общественного развития и нормальном функционировании пропорциональности в общественных системах. Особенно же ярко этот момент виден в политологическом значении понятия партия.

Либеральный подход истолковывает партию как группу людей, придерживающихся одной и той же идеологической доктрины. Либеральной трактовке партии как носительницы разделяемого той или иной группой людей общественного идеала противостоит детерминированное марксистское определение ее как выразительницы интересов определенного класса. Анализируя партии в качестве политических организаций классов, марксистско-ленинская теория связывает их появление и деятельность с делением общества на противостоящие классы и социальные группы. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» было отмечено, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», а этим обуславливалась та важность, которую представляла «организация пролетариев в класс, и тем самым – в политическую партию»¹⁷⁸. Устанавливая определяющим признаком классовый характер политических партий, их тесную связь с интересами общественных классов и групп, В.И. Ленин подчеркивал, что «классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии»¹⁷⁹. Основным признаком, конституирующим понятие политической партии, является классовая природа и социально-политическая обусловленность данного феномена. В.И. Ленин подчеркивал, что «с точки зрения пролетариата ясность классовой группировки партий стоит выше всего»¹⁸⁰. Именно этот признак является главным, определяющим, субстанциональным, а все остальные производны от него, имеют относительно второстепенное, подчиненное значение. Естественно, и другие моменты также очень важны для характеристики феномена партий в марксистском подходе, но при условии, что социальная сущность явления не упускается из виду¹⁸¹. В таком понимании партии ярко проявилась точка зрения марксизма на пропорциональность классового общества, где основными субъектами пропорциональности являются классы, а партии выполняют роль выразителей и защитников их интересов. Понимание классовой природы партий не забыто и сегодня. Как пишет В.Ф. Коломийцев, «многопартийность – не столько показатель демократии, как уверяют западные политологи, сколь-

¹⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424, 433.

¹⁷⁹ Ленин В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии (речь 21 ноября 1920 г.) // Полн. собр. соч. Т. 42. С.24.

¹⁸⁰ Там же. Т.14. С. 81.

¹⁸¹ См.: Данилов М.В. Партии в политическом пространстве современной России: Дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2003. С. 25.

ко признак наличия классовых противоречий»¹⁸². Как нам кажется, это несколько упрощенный взгляд на вещи, примитивизирующий общую социальную картину. В современных развитых обществах уже трудно объяснить пристрастие электората к тем или иным партиям только их классовыми различиями, тем более, что и сами эти различия сегодня едва заметны в традиционном марксистском смысле¹⁸³.

В настоящее время в России мы наблюдаем сложный и многогранный процесс формирования и стремительной эволюции партийной системы. Дискуссионным является вопрос о направлении этой эволюции: пойдет ли современная российская многопартийность по западноевропейскому пути или выберет свою траекторию развития? По мнению В. Шелохая, рано или поздно произойдет своего рода естественный отбор, сформируется двухпартийная система. Политические партии будут функционировать не в среде неуправляемой многопартийности, а в условиях отлаженного двухпартийного механизма¹⁸⁴. На наш взгляд, подобные утверждения основываются, скорее, на интуитивном представлении о желаемом характере партийной системы, нежели исходя из анализа реальной практики. Для двухпартийной системы необходимо развитое, благополучное общество, которое не хочет никаких существенных изменений и в котором две различные партии выражают, по сути дела, единую стратегию общественного и политического развития, расходясь друг с другом лишь в вопросах тактики, где общество в целом достигло консенсуса по поводу установившегося варианта пропорциональности. Отсутствие в последние десятилетия в западном обществе острых, разрушительных конфликтов объясняется не только впечатляющими успехами этих стран в экономике, овладением искусством переговоров и технологиями управления и развития конфликта, но и достижением среди политических элит конфликта относительно основных, базовых ценностей, в число которых входят и «правила игры». Так, В.С. Комаровский выделяет четыре составляющие такого консенсуса: 1) высокая степень согласия между политическими партиями и правящей элитой относительно целей общественного развития, содержания и курса политического развития; 2) договоренность по вопросу о природе политического режима и правилах политической игры; 3) политический стиль, в котором решаются разногласия в вопросах политики, приоритетность процесса поиска компромисса, приемлемого для основных групп интересов; разногласия, как правило, не доводятся до конфликта, а легитимность правительства редко ставится под сомнение; 4) признание прав групп меньшинства на несогласие с политическим курсом и выступ-

¹⁸² Коломийцев В.Ф. Партии в зеркале западной политологии // Государство и право. 1995. №10. С.142.

¹⁸³ См.: Данилов М.В. Указ.соч. С. 27.

¹⁸⁴ Цит. по: Модель партии XXI века // Свободная мысль. 2000. №6. С. 66.

ление за его изменение конституционным путем¹⁸⁵. В нашем же обществе, находящемся на острие крупных преобразований с характерными для них процессами вымывания среднего слоя, постоянными размежеваниями внутри основных политических группировок, поляризацией позиций в рамках самого общества по вопросам о целях и средствах осуществляемых реформ, двухпартийная система, по мнению ряда исследователей, с которыми согласен и автор данной работы, представляется в обозримом будущем вряд ли возможной¹⁸⁶.

С особой актуальностью встает вопрос о методологических и теоретических схемах анализа партийных систем в разрезе интереса к пропорциональности общественного развития. Политическая наука накопила солидный базис для подобных исследований.

Прежде всего стоит отметить известную концепцию «замороженных партийных систем» Липсета – Роккана, исходившую из того, что стабильные социальные размежевания, просуществовавшие в Западной Европе начиная примерно с первых десятилетий XX века до конца 60-х годов, определяли и стабильность партийных систем на протяжении всего этого времени. На смену жестким детерминантам классовых и идеологических различий на Западе приходит гибкая и пестрая совокупность профессиональных, культурных, эстетических, половозрастных и прочих ориентаций. В то же время в ориентациях электората отмечается усиление значения постматериальных ценностей. Все это происходит на фоне «усреднения» социальной адресации программ и лозунгов политических партий, что связано с доминированием универсальных партий; сглаживания противоречий по линии «левые – правые»; упрощением партийной структуры по линии лидер – аппарат – партийная масса¹⁸⁷.

Другим широко известным подходом к пониманию природы партийных систем является типология Дж.Сартори, который выделил 7 типов партийных систем: однопартийная система; система с партией-гегемоном; система с преобладающей партией; двухпартийная система; система ограниченного плюрализма; система поляризованного плюрализма; атомизированная партийная система¹⁸⁸. Сообразуясь с мнением Д.Сартори, А.Лейпхарт считает, что «в многосоставном обществе умеренная многопартийность является оптимальным условием для общественной демо-

¹⁸⁵ См.: *Комаровский В.С.* Политический конфликт и политические ценности: сравнительный анализ // Политическая теория: тенденции и проблемы. М., 1994. С. 4.

¹⁸⁶ См.: *Лапаева В.В.* Становление многопартийности в России (социально-правовой анализ) // Государство и право. 1995. №8. С.13.

¹⁸⁷ См.: *Грызлов Б.В.* Указ. соч. С. 9–10; *Пишизова С.Н.* Какую партийную систему воспримет наше общество? // Полис. 1998. №4. С. 102.

¹⁸⁸ См.: *Журавлева Л.К.* Политические партии и партийные системы // Социально-политический журнал. 1996. №3. С.70.

кратии»¹⁸⁹, так как в таких обществах, в которых осуществляются свободные выборы, основные социальные водоразделы обычно находят выражение и в партийной системе: в большинстве случаев политические партии в них являются организованными выразителями политической воли сегментов.

Современную Россию можно с полным основанием отнести к обществам многосоставным, а следовательно, возникает новая дилемма: какая партийная система нам нужна – двухпартийная или умеренно многопартийная, какая система будет наиболее адекватно отражать настроения общества по поводу распределения основных социальных ресурсов? Однозначный ответ на этот вопрос дать трудно, но стремиться к его разрешению необходимо. По мнению Ю.Малова, для эффективного функционирования и развития многопартийной системы необходимы, по крайней мере, три неперенных условия. Во-первых, наличие компактной группы сравнительно устойчивых и влиятельных политических партий-лидеров, которые составляют костяк системы и постоянно взаимодействуют между собой и государственными структурами по поводу осуществления власти. Во-вторых, наличие выработанных в ходе этого взаимодействия писанных и неписанных юридических и основанных на традициях правил политической деятельности, позволяющих каждой из партий представлять и защищать конкретные общественные интересы и в то же время обеспечивать политическую и социально-экономическую стабильность всего общества. И, в-третьих, наличие определенной политической основы толерантного межпартийного взаимодействия на базе принципиального консенсуса относительно фундаментальных общественных ценностей, прежде всего таких, которые касаются форм собственности, государственного устройства, типа политической власти, прав человека и т.д.¹⁹⁰. Очевидно, что такой консенсус в нашем обществе является желаемой, но все же достаточно далекой перспективой.

Так или иначе, но все исследователи отмечают уникальность партийной системы каждой страны, ее детерминированность историческим прошлым. Со своей стороны хочется заметить, что конфигурация партийной системы определяется не только национальным контекстом (традиции, история, наличие расколов в обществе, этнический и конфессиональный состав граждан и др.), но и условиями институционального дизайна (избирательная система, политический режим, правовое регулирование деятельности общественных организаций и т.д.), которые значительно дополняют и делают разнообразными отношения пропорциональности в обществе.

¹⁸⁹ *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997. С.101.

¹⁹⁰ См.: *Малов Ю.* Построить партию в России... // Свободная мысль. 2000. №1. С. 80–81.

Одним из самых прямых и непосредственных способов определения и установления пропорций общественного развития является избирательная система, особенно пропорциональная.

Принципиальная роль избирательных систем в гражданском обществе состоит в том, что они выступают в качестве механизма, с помощью которого могут формироваться органы власти всех ветвей и уровней – высшие законодательные и исполнительные, органы власти субъектов Федерации, местного самоуправления, частично судебные и прочие. Сами избирательные системы выступают в качестве важнейшего и необходимого компонента гражданского общества¹⁹¹.

Избирательная система в гражданском обществе в идеале есть «открытый форум для определения мнений и желаний граждан, а не подготовленное представление для организации политической поддержки в пользу тех, кто уже стоит у власти»¹⁹². Через избирательные процедуры легитимизируются и институционализируются общественные ожидания по поводу «справедливого» на данном временном интервале распределения долей и пропорций.

Как отмечает В.В. Никитин, «высокая роль избирательной системы в политической системе общества, в механизме легитимизации политической власти, в механизме согласования политических интересов и обеспечения стабильности политической системы может быть достигнута лишь при проведении всеобщих выборов»¹⁹³. Избирательная система в этом случае может выступать как мощный инструмент социальной инженерии. Инструмент этот особенно важен для переходных обществ, основные характеристики политической системы которых отличаются неустойчивостью, а политико-культурная сфера пребывает в стадии формирования. Российское общество относится к этой категории. Значение многих отдельных элементов избирательной системы для структурирования политического поля оказывается чрезвычайно важным. К таким элементам можно отнести заградительный пункт при выборах по пропорциональной системе с применением партийных списков, адекватную нарезку избирательных округов и ряд других избирательных институтов.

Проблема взаимосвязи структурирования политического пространства и основных характеристик избирательной системы приобретает особо актуальное значение в связи с изучением роли избирательной системы в механизме формирования органов законодательной власти.

¹⁹¹ См.: *Исаев Ю.В.* Социальные проблемы становления и развития избирательной системы в субъектах Российской Федерации: Дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 1998. С.13.

¹⁹² *Palimbo D.* American Politics. N.Y., 1973. P.19.

¹⁹³ *Никитин В.В.* Влияние избирательной системы на процесс трансформации общества и опыт Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. С.113

Использование ряда систем пропорционального представительства допускает самое активное вмешательство избирательных механизмов в партийно-политическую жизнь. Это происходит в том случае, если избирательные системы оказывают политическим партиям либо существенные преимущества, либо вовсе исключают выдвижение кандидатов-одиночек.

Преимущества политическим партиям предоставляются только в тех избирательных системах, которые основаны на использовании механизма выдвижения партийных списков. Иные пропорциональные или полупропорциональные системы, а в их числе система кумулятивного вотума, единственного непередаваемого голоса, единственного передаваемого голоса, преимуществ партийным организациям не предоставляют¹⁹⁴.

Современный этап формирования партийной системы в России был связан с конституционной и избирательными реформами 1993 г.¹⁹⁵ Принятие новой конституции, которая значительно ослабила влияние представительной власти на исполнительную, поставила политические партии в новые для них условия, локализовав их активность пределами Государственной думы с ее не слишком большими полномочиями. Вместе с тем введение смешанной несвязанной электоральной формулы, согласно которой одна половина нижней палаты парламента избирается по одномандатным округам по системе простого большинства, а другая половина – по спискам избирательных объединений в едином общенациональном избирательном округе, сыграло роль катализатора партийного развития. Новая формула позволила четко отделить влиятельные в обществе политические силы, имеющие парламентское представительство, от массы маргинальных квазипартий, не преодолевших пятипроцентный барьер.

Парламентские выборы в России предоставляют достаточно обширный материал для исследования пропорций в развитии общественных систем. Такой анализ может осуществляться как минимум в двух ракурсах: расхождения между пропорциями, которые общество считает «справедливыми» и реальными, установленными властью, с одной стороны, и диспропорциональность, связанная с особенностями российской избирательной системы, когда значительная часть общественных предпочтений оказывается не представленной в парламенте, с другой стороны.

Диспропорциональность первого уровня связана с особенностями всей политической системы современной России. Если избирательная реформа оказала стимулирующее влияние на развитие российских партий, то конституционная реформа, напротив, во многом подорвала этот процесс.

¹⁹⁴ См.: *Никитин В.В.* Указ.соч. С.144.

¹⁹⁵ См., например: *Голосов Г.* Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // *Полис.* 1997. №3; *Ковалев А.* Партии в регионах // *Формирование партийно-политической системы в России.* М., 1998. С.146 и др.

Заложенная в конституции России 1993 г. модель взаимоотношений «ветвей власти» может быть охарактеризована как «президентско-парламентская» республика с сильным президентом. Основные черты такой модели связаны не только с ограниченностью полномочий парламента по контролю над правительством, но и с почти безраздельным господством президента по отношению к правительству.

Большое влияние на процесс институционализации партий оказывает тип конституции и установленная в соответствии с ней форма правления. В России, в том числе и в регионах, системообразующим элементом политической системы является исполнительная власть, а не гражданское общество, следовательно, и не партии. Соответственно партии «будут играть ту роль, которая им предоставлена существующей политической системой и политическим режимом»¹⁹⁶.

Президентский тип региональных конституций, который характеризуется полным контролем главы региона над исполнительной властью и невлиятельным положением парламента, также отрицательно сказывается на становлении многопартийности. «Трудности демократической консолидации президентских республик становятся практически непреодолимыми в условиях многопартийной системы. Президентство в сочетании с многопартийностью образует взрывчатую смесь, сводящую шансы демократической консолидации к минимуму», – считает известный политолог В.Б. Кувалдин¹⁹⁷.

Как отмечает ряд исследователей, наиболее заметной особенностью прежде всего регионального политического дискурса является его подчеркнутая «непартийность»¹⁹⁸. Следовательно, лидеры партийных образований «редко характеризуются как «влиятельные» и «значимые» для региона персоны, хотя их и отмечают как «заметных» и «знаемых»¹⁹⁹. Представительство партий в органах исполнительной власти крайне незначительно. Более того, попадая в структуры администрации, члены партий, как правило, отходят от активной партийно-политической деятельности, растворяясь в аппаратных структурах. Таким образом, исполнительная власть остается «беспартийной». Это во многом объясняется организационными особенностями президентских форм правления, которые сложились в Рос-

¹⁹⁶ Фролов А. Политические партии России: парадоксы выживания // Власть. 1998. №10–11. С. 103.

¹⁹⁷ Кувалдин В.Б. Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита (российский и украинский опыт в мировом контексте) // Полис. 1998. №5. С.136.

¹⁹⁸ См.: Шатилов А., Нечаев В. Региональные выборы: особенности технологии и характер предпочтений // Свободная мысль. 1997. №6. С. 64.

¹⁹⁹ Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается // Власть. 1996. №1. С. 49.

сии в целом и в большинстве ее регионов, когда исполнительная власть отличается высокой степенью независимости от парламента.

Результаты парламентских выборов с наглядностью демонстрируют нам значительную диспропорциональность общественного развития России. На протяжении более чем десятка лет общество ясно показывает свое несогласие с основными принципами и приоритетами проводящейся политики. Выражается это в мощной электоральной поддержке целого ряда оппозиционных партий, в том числе и радикальных. В то же время кадровый состав исполнительной власти и, что особенно важно, идеология проводящихся реформ, практически никак не коррелировали с результатами парламентских выборов. Результаты народного волеизъявления регулярно уходили в «песок», мнение общества относительно пропорциональности развития не учитывалось, институт политических партий планомерно и методично дискредитировался.

Рассчитать пропорциональность политического развития применительно к парламентским выборам можно, используя так называемую «золотую пропорцию». «Среди различных итогов явки избирателей и голосов, отданных за кандидатов, существует та оптимальная «золотая пропорция», которая позволяет говорить об оптимальном соотношении голосов, отданных за победителя и за конкурента (оппозицию). Такой пропорцией является соотношение 62% и 38% от общего числа избирателей. В этом распределении избирательских предпочтений выражается такое соотношение сил, которое обеспечивает гармонию стабильности и развития системы, поскольку оно, с одной стороны, выражает мнение большинства граждан на данный момент, а с другой стороны, репрезентирует альтернативную позицию, наличие которой препятствует возникновению тенденций к тоталитаризму и стагнации»²⁰⁰. В свою очередь, добавим к сказанному, что соотношение «власть/оппозиция» в таком случае должно составлять примерно 1,63.

Первые выборы по новой избирательной формуле в декабре 1993 г., которые принесли победу либерально-демократической партии России с ее националистическими и маргинальными лозунгами, показали, что общество в России находится в крайне неустойчивом положении, существующие в то время пропорции несправедливы для большинства населения страны. Естественно, что в таких условиях велик соблазн решить проблемы диспропорционального развития радикальными методами. В I Госдуме были представлены интересы 46799532 (43,3%) избирателей, которые проголосовали за 8 избирательных объединений, преодо-

²⁰⁰ Фомин О.Н. «Золотая пропорция» легитимности власти: методология анализа // Власть. 2003. №4. С. 28.

левших 5%-ный барьер²⁰¹. Открыто оппозиционные партии (АПР, КПРФ, ЛДПР) набрали в сумме 23277482(21,54%) голосов, а поддерживающие действующую власть (Выбор России и ПРЕС) – 11959380(11,07%). Следовательно, соотношение «власть/оппозиция» составило всего 0,51. Таким образом, можно говорить, что выборы 1993 г. не были репрезентативным отражением электоральных настроений, поскольку в законодательном органе не оказались представлены интересы большинства избирателей. Диспропорциональность политического курса страны проявилась в том, что оппозицию поддержали практически в два раза больше избирателей, чем проправительственные партии, однако это никак не сказалось на представленности оппозиции в структурах исполнительной власти. Пугающе низкой была поддержка власти.

В 1995 г. по результатам выборов во II Государственную думу положение еще более ухудшилось. За четыре избирательных объединения, прошедших в думу (НДР, КПРФ, ЛДПР и «Яблоко»), проголосовало всего 32,34% от общего числа избирателей в стране (34947069 человек). За оппозиционные силы (КПРФ и ЛДПР) отдали свои голоса 21,44% (23170394), а за проправительственное движение «Наш дом – Россия» – 6,49% от всех избирателей России (7009291). Соотношение «власть/оппозиция» составило 0,3.

По итогам выборов в III Государственную Думу в 1999 г. были получены такие результаты. За шесть избирательных объединений, преодолевших 5%-ный барьер, проголосовало 54254855 избирателей, что составило 50,2% от всех имеющих право голоса. Открыто оппозиционные силы (КПРФ и «Блок Жириновского») поддержали 20186062 человека (18,68%). За властные или околовластные силы («Медведь», ОВР, СПС) отдали свои голоса 30113182 избирателя (27,86%). Соотношение «власть/оппозиция» составило 1,49.

Результаты выборов 2003 г. в IV Государственную думу продемонстрировали следующую расстановку сил. За четыре избирательные объединения, которые прошли в новый состав Думы, проголосовало 42840540 человек (39,34% от общего числа избирателей). За оппозиционные объединения (КПРФ, ЛДПР, «Родина») – 20061261 человек (18,42%). За проправительственную «Единую Россию» – 22779279 избирателя (20,92%). Соотношение «власть/оппозиция» составило 1,36.

Таким образом, как видно из результатов четырех голосований, ни в одном случае не было достигнуто даже приблизительного состояния «золотой пропорции». В Думе регулярно оказывалось представлено не более половины всех российских избирателей. Это говорит о том, что очень значительная, а иногда и подавляющая часть населения России, имеющая

²⁰¹ Здесь и далее результаты выборов получены из официальных источников: интернет-сайт Центральной избирательной комиссии России www.cikrf.ru

право голоса, не имела своего представительства в высшем законодательном органе страны, а следовательно, не могла влиять на перераспределение пропорций социально-политического развития общества. Отчасти это обстоятельство обусловлено и низкой явкой, что также говорит о неверии избирателей в способность законодательной власти кардинально повлиять на курс реформ в нашей стране.

Вызывает интерес тот факт, что электоральная поддержка оппозиционных сил на протяжении всех лет была стабильной и колебалась в диапазоне от 18 до 21 процента. Однако это явно меньше, чем идеальное соотношение из «золотой пропорции» – 38 процентов. Возможно, этим объясняется неспособность оппозиции кардинально влиять на политический и экономический курс страны. Власть же, отчетливо осознавая отсутствие у оппозиции реальной силы, спокойно ее игнорировала все эти годы.

Но еще более интересные результаты принес анализ поддержки правительственных партий. Если относительно оппозиции мы можем говорить, что уровень ее поддержки недостаточен, то уровень поддержки власти просто мизерный. В России сложилась уникальная ситуация: власть, по сути, не была признана легитимной большинством населения, но социальная апатия людей породила ситуацию, когда властные практики вновь и вновь институционализировались и ретранслировались во времени и пространстве.

Ни на одних парламентских выборах не было достигнуто даже подобия соотношения «власть/оппозиция», характерного для «золотой пропорции». Это свидетельствует о том, что общество в России находится в крайне разбалансированном состоянии, его очень легко расшатать и необходимо принимать серьезные и системные меры по более пропорциональному его развитию.

Подводя итог, можно сделать вывод, что и государство, и гражданское общество, являясь сложными социальными системами, по природе своей преследуют цель установления пропорций, которые считаются справедливыми и адекватными прогрессивному развитию на каждом временном промежутке своего исторического развития. В современных условиях наиболее технологичным и успешным способом установления пропорций признаны свободные выборы, основанные на многопартийной системе. Однако в России этот механизм еще не функционирует в полном объеме, еще не позволяет переводить ожидания масс на уровень государственной власти, но зато уже вполне отчетливо позволяет увидеть перекосы и недостатки в социально-политической системе, осознать диспропорциональность ее развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из проведенного анализа со всей очевидностью следует, что в современном своем состоянии проблема социально-политической пропорциональности имеет два качества или ипостаси, выражаясь религиозным языком. Исторически она сложилась как проблема реальной политической практики высокоорганизованных социумов, проблема оптимальной формы и смысла взаимодействия государства и общества, личности и власти, общества и личности. Как и всякая сложноорганизованная система, европейские сообщества (и из этого ряда нет оснований исключать Россию), всегда интуитивно тяготели к тому, чтобы не нарушать исторически сложившихся пропорций в экономических, политико-культурных, административно-институциональных связях. Каждый раз, когда это забывалось и в массовом сознании радикализм брал верх над житейским консерватизмом тех же народных масс, системность социальной жизни напоминала о себе не доведенными до конца реформами и революциями, контрреформами и контрреволюциями. Всегда за покушение на сложившиеся пропорции европейским социумам приходилось платить перерасходом своих жизненных ресурсов. Платили вдвойне, поскольку приходилось на месте разрушенных сбалансированных систем создавать их более совершенные аналоги.

Отражением этой объективной динамики в зеркале европейской культуры стала проблема пропорциональности как традиция научной методологии и научного предмета. Постоянное балансирование обществ Европы на острие системы «пропорция – диспропорция» очень мало напоминало линейный процесс устремленности христианского мира к Царствию Божьему, моделируемый религией. На науку, таким образом, ложилась обязанность объяснить европейцам, почему развитие их цивилизации больше похоже на бег по кругу или колебания маятника. И соответственно дать аргументированный ответ на ключевой вопрос: где же прогресс и в чем он состоит, если происходит смена одной пропорции на диспропорцию и, далее, наоборот? Фактически европейская гуманитарная наука в последние два столетия своего существования оказалась перед необходимостью решать задачу такого же масштаба, какую в свое время решали мировые религии. Речь шла о том, чтобы представить европейскому сознанию максимально общую, фундаментальную, но при этом не выходящую за пределы формальной и диалектической логик, свойственных гуманитарным наукам, концепцию существования и прогрессивного движения

человечества. На уровне своих логик наука к настоящему времени довела построение такой фундаментальной концепции до этапа создания многочисленных фундаментальных концепций по отраслям гуманитарной науки, соответствующим отраслям человеческой практики, в которых прослеживаются те или иные пропорции.

В проведенном исследовании намечен только самый общий подход. Можно сказать, что смысл всего осуществленного анализа сводится к доказательству принципиальной возможности решения той масштабной задачи, от решения которой европейская наука в свое время ушла, к доказательству того, что к решению этой задачи самое время вернуться, используя новейшие исследовательские методики и методологии, включая синергетику. Внутри пропорционально организованных систем в экономике, политике и культуре, в социальной жизни были выявлены такие связи и отношения, которые делают потенциально реализуемым теоретический синтез. Более того, современная эпоха политических, экономических, культурных и демографических решений глобального масштаба показывает общую для человеческих социумов потенциальную готовность осуществить создание синтетической пропорциональности на уровне практики, не сообразуясь с отношением науки к этому вопросу. Просто время мировой цивилизации стало течь быстрее и ее внутреннее пространство стало в эпоху информационных технологий значительно теснее.

Выявленные в данном исследовании межпропорциональные связи – это конкретные рычаги управления комбинациями пропорций. Политические институты, грамотно воспользовавшиеся знанием этих рычагов, имеют возможность доступа к тому самому главному звену, ухватившись за которое, говоря словами В.И. Ленина, можно вытянуть всю цепочку экономических, социальных, политических и культурно-идеологических проблем. Для политической науки понимание универсальности принципа пропорциональности дает возможность достичь баланса в структуре ценностей и методологий, больше обращать внимания на то, что создает социально-политические системы, а не расшатывает их, и соответственно дополнять методологии, описывающие конфликты, методологиями, описывающими состояния многократно раскритикованного «общественного договора», выражаясь современным языком – консенсуса, толерантности. Понимание универсализма принципа пропорциональности дает возможность политической науке как сообществу индивидов, институтов и научных идей осознать себя очень пропорциональной (в плане конструктивном и в плане динамики) системой. Само присутствие исторической политической мысли в контексте современных политологических рассуждений уже есть выражение определенного внутреннего баланса традиций и новаций в интеллектуальном процессе, и воспоминание о заслугах «научных предков» не только тешит амбиции политолога, но фундаментально мотивирует весь характер его теоретических рассуждений, его методологический выбор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРОПОРЦИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	5
1.1. Феномен социально-политической пропорциональности.....	5
1.2. Становление научного концепта социально-политической пропорциональности.....	12
1.3. Теоретические подходы к изучению проявлений пропорциональности в политическом процессе.....	37
1.4. Линии пропорциональности в современном обществе.....	43
Глава 2. ПРОПОРЦИИ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	57
2.1. Экономические пропорции и экономическая политика.....	57
2.2. Социальные пропорции и социальная политика.....	66
2.3. Пропорциональность личности и развитие демократии.....	83
2.4. Влияние демократии на совершенствование политических систем.....	95
Глава 3. ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ.....	106
3.1. Социально-политическое структурирование социума.....	106
3.2. Государство и гражданское общество.....	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	141

Игорь Иванович Санжаревский

**Пропорциональность в современных
социально-политических
отношениях**

Монография

Ответственный редактор *Н. Соломадина*

Усл. печ. л. 8,37(9). Уч.-изд. л. 8,9.